

СТЕФАНИ МАЙЕР

РАССВЕТ

Стефани Майер

Рассвет

Серия «Сумеречная сага», книга 4

Серия «Сумерки»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=178899

Рассвет: АСТ, АСТ-Москва;

ISBN 978-5-17-106904-9

Аннотация

Настоящая любовь не знает страха.

Белла Свон сделала свой выбор – променяла жизнь на счастье и, вместе с обручальным кольцом Эдварда, приняла дар и проклятие вампирского бессмертия. Но блаженство медового месяца превращается в ужас, когда выясняется, что молодожены скоро станут родителями.

Нарушен один из главных и основополагающих вампирских законов. Белле, Эдварду и их ребенку грозит наказание – гибель. Однако неожиданно они обретают сильного и надежного союзника в лице оборотня Джейкоба...

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

КНИГА ПЕРВАЯ	5
Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	30
Глава 3	47
Глава 4	62
Глава 5	90
Глава 6	116
Глава 7	138
КНИГА ВТОРАЯ	161
Пролог	161
Глава 8	162
Глава 9	183
Конец ознакомительного фрагмента.	203

Стефани Майер

Рассвет

*Посвящаю книгу моей ниндзя (агенту) Джоди
Ример.*

Спасибо, что не дала мне сорваться

*Отдельное спасибо моей музе – моей любимой
группе, которая так кстати называется «Muse», за
то, что вдохновили меня на создание целой саги*

КНИГА ПЕРВАЯ

БЕЛЛА

*Детство – это не с рождения до зрелости.
Вырастет ребенок и оставит детские забавы.
Детство – это королевство, где никто не
умирает.*
Эдна Сент-Винсент Миллей

Пролог

Сколько раз я уже бывала на волосок от смерти, и все равно привыкнуть невозможно.

Новая встреча со смертью кажется неизбежной. Я как будто притягиваю катастрофы. Вновь и вновь ускользаю, но беда следует за мной по пятам.

Однако в этот раз все по-другому.

Можно убежать от того, кого боишься; можно вступить в бой с тем, кого ненавидишь. От таких убийц – чудовищ, врагов – я научилась обороняться.

Иное дело – умереть от руки любимого. Зачем бежать и сражаться, тем самым причиняя ему боль? Если жизнь – единственное, что ты можешь ему подарить, разве стоит цепляться за нее?

Если любишь всем сердцем?

Глава 1

ОБРУЧЕННЫЕ

«Никто на тебя не смотрит, – твердила я. – Никто не смотрит. Никто».

Сейчас проверим. Мне ведь даже саму себя не обмануть.

Стоя на светофоре (одном из трех на весь городок), я украдкой скосила глаза вправо – миссис Вебер за рулем минивэна повернулась ко мне всем телом. Так и буравит взглядом. Я отшатнулась, недоумеваю, как это ей хватает наглости. Что, бесцеремонно пялиться уже вошло в правила приличия? Или правила приличия на меня больше не распространяются?

Тут я вспомнила про затемненные стекла. Да сквозь них, наверное, вообще не видно, кто внутри и в каком он «восторге» от беспардонности. И вовсе не меня она с таким интересом разглядывает, а машину.

Мою машину. Ох...

Я посмотрела налево и застонала. Двое пешеходов, вместо того чтобы перейти на зеленый, застыли на тротуаре. За их спинами прилип к витрине своего сувенирного магазинчика мистер Маршалл. Только что носом к стеклу не прижимается. Пока.

Все, зеленый! Спеша поскорее скрыться, я по привычке утопила в пол педаль газа – старенький пикап на меньшее не

отзывался.

Машина утробно зарычала, как барс перед прыжком, и дернулась так резко, что меня вдавило в кожаную спинку сиденья, а желудок прилип к позвоночнику.

Ахнув, я поспешно нащарила тормоз. На этот раз я едва коснулась педали, но машина все равно замерла как вкопанная.

Страшно было даже оглянуться по сторонам. Если раньше еще оставались какие-то сомнения, теперь уж точно все догадались, кто сидит за рулем машины.

Кончиком носка я прижала педаль газа буквально на миллиметр, и машина снова рванула вперед.

Наконец-то добралась до заправки! Не будь бензобак на нуле, я бы вообще в город не заезжала. Я уже без стольких вещей научилась обходиться – шоколадные подушечки, шнурки для ботинок, – лишь бы не показываться на люди.

Я спешила, как на гонках, – ключ в замок, крышку бензобака долой, карточку через сканер, «пистолет» в бак – все в считанные секунды. Жаль, нельзя заставить цифры на счетчике ползти быстрее. Они щелкали размеренно, неторопливо, будто назло.

На улице было пасмурно – обычный для Форкса, штат Вашингтон, дождливый день, но я никак не могла отделаться от ощущения, что хожу в луче прожектора, высвечивающего тоненькое колечко у меня на левой руке. Чувствуя спиной любопытные взгляды, я каждый раз воображала, будто оно

мигает неоновым светом, вопя: «Смотрите, смотрите!»

Знаю, глупо так переживать. Какое мне дело, как воспримут остальные – не мама с папой – мою помолвку? Новую машину? Неожиданное поступление в университет Лиги плюща¹? Блестящую черную кредитку, которая жжет мне задний карман?

– Вот именно! Какое мне дело? – пробормотала я вполголоса.

– Э-э, мисс? – раздался над ухом мужской голос.

Я обернулась – и тут же об этом пожалела.

У навороченного внедорожника с новехонькими каяками на крыше стояли два молодых человека. На меня они даже не взглянули, не в силах отвести глаз от автомобиля.

Не понимаю. С другой стороны, я хорошо если отличу значок «тойоты» от «форда» или «шевроле». Блестящая, черная, изящная красавица – моя новая машина для меня была просто машиной.

– Извините за любопытство, не подскажите, что у вас за автомобиль? – спросил тот, что повыше.

– «Мерседес». Да?

– Да, – вежливо подтвердил спрашивавший. Его невысокий приятель с досадой закатил глаза. – Вижу, что «мерседес». Я имел в виду... У вас на самом деле «мерседес-гардиан»? – В его голосе слышалось благоговение. Похоже, они

¹ Ассоциация из восьми самых престижных американских университетов. –
Здесь и далее примеч. пер.

нашли бы общий язык с Эдвардом Калленом, моим... э-э... женихом (к чему отрицать очевидное, если до свадьбы считанные дни?). – Их ведь даже в Европе еще нет? – продолжал молодой человек. – А уж тут...

Пока он ощупывал машину взглядом (по мне, так совершенно обычный «мерседес», но я в этих вопросах полный «чайник»), у меня снова замелькали мысли, связанные со словами «жених», «свадьба», «муж» и т. п.

В голове не укладывается.

Во-первых, в силу воспитания от одной мысли о пышных платьях-тортах и свадебных букетах меня должно передергивать. Но самое главное, такое скучное, степенное, обыденное понятие, как «муж», просто не вяжется с моим представлением об Эдварде. Все равно что принимать архангела работать бухгалтером. Просто не представляю его в подобной заурядной роли.

Как обычно, стоило мне подумать об Эдварде, и голова закружилась от фантазий. Молодому человеку пришлось кашлянуть, чтобы привлечь мое внимание, – он все еще дожидался ответа про марку и модель машины.

– Не знаю, – честно призналась я.

– А можно мне с ней сфотографироваться?

Я не сразу поняла, о чем он.

– Сфотографироваться? С машиной?

– Ну да. Мне ведь иначе не поверят.

– Э-э. Хорошо. Пожалуйста.

Я поспешно вытащила «пистолет» и притаилась на переднем сиденье, дожидаясь, пока этот фанат выудит из рюкзака огромный профессиональный фотик. Сперва они с другом по очереди позировали у капота, потом переместились к багажнику.

– Пикапчик, мне тебя не хватает... – проскулила я.

Какое совпадение (подозрительное, я бы сказала), что мой старичок испустил дух через считанные недели после нашего с Эдвардом необычного уговора. Ведь одним из условий Эдвард поставил разрешение подарить мне новую машину, когда старой придет конец. А пикап, видите ли, и так дышал на ладан – мол, прожил долгую насыщенную жизнь и умер своей смертью, клятвенно уверял меня Эдвард. И разумеется, я никак не могла ни подловить его на лжи, ни воскресить пикап из мертвых своими силами. Мой любимый механик...

Я оборвала мысль, не дав себе додумать до конца. Вместо этого прислушалась к доносившимся снаружи приглушенным голосам.

– ...на видео жгли огнеметом, и хоть бы что! Даже краска пузырями не пошла!

– Еще бы! Ее под танк можно. Кому ее здесь покупать? Вот ближневосточным дипломатам, торговцам оружием и наркобаронам – в самый раз, для них и делалась.

– Думаешь, эта, за рулем – важная персона? – вполголоса усомнился тот, что пониже. Я резко опустила голову, пытаюсь скрыть пылающие щеки.

– Хм-м... – Высокий пожал плечами. – Кто ее знает. Ракетонепробиваемое стекло и восемнадцать тонн брони – в наших-то краях – зачем бы? Наверняка едет куда-то, где есть чего опасаться.

Броня. Восемнадцать тонн брони. Ракетонепробиваемое стекло? Миленько. Пуленепробиваемое, значит, уже не копируется?

Теперь все понятно. По крайней мере человеку с извращенным чувством юмора.

Нет, я догадывалась, что Эдвард воспользуется нашим уговором и перетянет одеяло на себя, чтобы отдать гораздо больше, чем получить. Я согласилась на замену пикапа – когда тот уже не сможет мне служить, – разумеется, никак не ожидая, что это случится так скоро. Признавая суровую правду – мой пикап превратился в вечный памятник классике «шевроле», я понимала, что скромностью замена скорее всего отличаться не будет. Что она будет притягивать взгляды и вызывать перешептывания. Я угадала. Однако мне даже в страшном сне не могло присниться, что машин будет подарено две.

Одна «до» и одна «после», как объяснил Эдвард, когда я запротестовала.

Это всего лишь та, которая «до». Получена в прокате, и после свадьбы вернется обратно. Я никак не могла взять в толк, зачем такие сложности. Теперь поняла.

Ха-ха, как смешно! Я ведь такая по-человечески хруп-

кая, притягиваю опасности, вечно становлюсь жертвой своего собственного невезения – разумеется, только противотанковая броня сможет хоть как-то меня обезопасить. Ухотаться! Представляю, как он с братьями валялся от смеха, пока я не видела.

«А вдруг – представь на секундочку, дурашка, – зашептал робкий голосок, – это вовсе не шутка? И он действительно за тебя беспокоится? Ведь уже не первый раз он, защищая тебя, слегка перегибает палку».

Я вздохнула.

Машину, предназначенную на «после», я еще не видела. Она скрывалась под тентом в самом дальнем углу калленовского гаража. Многие, знаю, не выдержали бы и глянули одним глазком под тент, но мне просто не хотелось.

Брони там наверняка не будет – после медового месяца она мне уже не понадобится. В числе прочих бонусов меня ждет и неуязвимость. Прелести принадлежности к Калленам не ограничиваются дорогими автомобилями и впечатляющими кредитками.

– Эй! – позвал высокий, приставив ладони к стеклу, чтобы лучше видеть. – Мы уже все! Спасибо!

– Не за что! – ответила я и, внутренне сжавшись, потихоньку – осторожно! – нажала на газ...

Сколько раз я ездила по этой дороге до дома, и все равно упорно лезут в глаза вылинявшие от дождя объявления. На каждом телеграфном столбе, на каждом указателе – бьют

наотмашь, как пощечины. Заслуженные пощечины. Моментально всплыла та самая мысль, которую я резко оборвала на заправке. На этой дороге от нее не отделаешься. Как отделаться, когда лицо моего любимого механика возникает перед глазами снова и снова, через равные промежутки?

Мой лучший друг. Мой Джейкоб.

Это не его отец придумал расклеить повсюду объявления, вопящие: «Вы видели этого мальчика?» Это мой папа, Чарли, напечатал постеры и наводнил ими город. Причем не только Форкс, но и Порт-Анджелес, Секвим, Хоквиам, Абердин – весь Олимпийский полуостров. Заодно позаботился, чтобы такое же объявление висело в каждом полицейском участке штата Вашингтон. В его собственном участке под поиски Джейкоба отвели целый пробковый стенд, который, к великому папиному огорчению и неудовольствию, все равно пустовал.

Огорчение, впрочем, ему доставлял не только пустой стенд. Гораздо больше папу расстраивало поведение Билли – папиного лучшего друга, отца пропавшего Джейкоба.

Почему он не принимает более активного участия в розысках шестнадцатилетнего «беглеца»? Почему отказывается вешать объявления в Ла-Пуш, резервации, где жил Джейкоб? Почему смирился с исчезновением, как будто ничего и сделать-то не может? Почему твердит: «Джейкоб уже взрослый. Захочет – сам вернется»?

Я его тоже расстраиваю. Потому что я на стороне Билли.

Я не вижу смысла клеить объявления. Мы с Билли в курсе, куда, так сказать, делся Джейкоб, и прекрасно знаем, что «мальчиком» его точно никто не видел.

При виде объявлений у меня ком встает в горле и слезы жгут глаза. Хорошо, что Эдвард уехал на охоту. Заметив, как мне плохо, он бы тоже начал переживать.

Не очень, конечно, удобно, что сегодня суббота. Поворачивая к дому, я обратила внимание на папину патрульную машину, припаркованную во дворе. Опять пропускает рыбалку. Все еще обижается из-за свадьбы.

Значит, домашний телефон отпадает. Но мне очень нужно позвонить...

Поставив машину рядом с памятником «шевроле», я вытаскиваю из бардачка сотовый, выданный Эдвардом на случай крайней необходимости. Набираю номер, приготовившись тут же нажать «отбой», если что...

– Алло? – раздается в трубке голос Сета Клируотера, и я облегченно вздыхаю. Боялась нарваться на его старшую сестру Ли. Выражение «она же тебя не съест» – категорически не про нее.

– Здравствуй, Сет, это Белла.

– Здорово! Как дела?

Задыхаюсь от слез. Кто бы успокоил.

– Нормально!

– Звонишь узнать, какие новости?

– Ты у нас ясновидящий?

– Да нет. Куда мне до Элис? А с тобой все и так понятно. – Шутит. Из всей стаи квилетов, обитающих в Ла-Пуш, он один способен назвать кого-то из Калленов по имени, а тем более прохаживаться насчет моей почти всевидящей будущей невестки.

– Ну да, есть такое, – признала я и наконец решилась спросить: – Как он?

Вздых в трубке.

– Все так же. Разговаривать не хочет, хотя нас слышит, мы же знаем. Пытается не думать по-человечески... Ну ты понимаешь. Живет инстинктами.

– Где он?

– Где-то на севере Канады. В какой точно провинции, понятия не имею. Для него границы сейчас – пустой звук.

– А он ну хотя бы намеком не?..

– Нет, Белла, домой он не собирается. Прости.

Я сглотнула.

– Ничего, Сет. Я догадывалась. Просто ничего не могу с собой поделать.

– Ясно. У нас то же самое.

– Спасибо, что общаешься со мной, Сет. Представляю, как тебя остальные за это травят.

– Да уж, горячих поклонников ты среди них не найдешь. И глупо, по-моему. Джейкоб сделал свой выбор, ты – свой. Он остальных не одобряет. Правда, твои постоянные подглядывания его тоже не сказать чтобы радуют.

– Ты же говоришь, он все время молчит? – ахнула я.

– От нас не скроешь, как ни старайся.

Выходит, Джейкоб в курсе, что я беспокоюсь. Даже не знаю, как с этим быть. По крайней мере он знает, что я не умчалась на закат, забыв о нем навсегда. Он вполне мог решить, что я на это способна.

– Тогда увидимся... на свадьбе? – Я с трудом заставила себя произнести последнее слово.

– Да, мы с мамой придем. Здорово, что ты нас пригласила!

Я улыбнулась, услышав столько радости в его голосе. Пригласить Клируотеров – инициатива Эдварда, и я нескананно счастлива, что он об этом подумал. Сет мне просто необходим – тоненькая, но все же ниточка к моему отсутствующему лучшему другу.

– Куда же я без тебя?

– Передавай привет Эдварду!

– Обязательно.

Я покачала головой. Зародившаяся между Эдвардом и Сетом дружба приводила меня в замешательство. И все же вот оно, доказательство, что не должно быть так, как есть сейчас. Что, если захотеть, вампиры спокойно уживаются с оборотнями.

Только не всем это по душе.

– Ой! – голос у Сета взлетел вверх. – Ли пришла.

– Ой! Все, пока!

Тишина в трубке. Я положила телефон на сиденье и со-

браслась с духом, чтобы зайти домой, где меня ждет Чарли.

Бедный папа, на него столько всего навалилось... Сбежавший Джейкоб – лишь одна капля в переполненной чаше. За меня, свою едва совершеннолетнюю дочь, которая вот-вот станет женой, он беспокоится куда больше.

Медленно подходя к дому под моросящим дождем, я вспоминала тот вечер, когда мы ему сказали...

Шум подъехавшей патрульной машины возвестил прибытие Чарли, и кольцо у меня на пальце как будто сразу стало в сто раз тяжелее. Я бы сунула руку в карман или за спину, но выдернуть ее из твердых цепких пальцев Эдварда не было никакой возможности.

– Не нервничай, Белла. И не забывай, что ты не в убийстве признаешься.

– Легко тебе говорить!

Зловещий топот папиных ботинок все ближе. Гремит ключ в незапертом замке. Как в фильме ужасов, когда героиня осознает, что не задвинула засов.

– Успокойся, Белла! – шепчет Эдвард, услышав мое лихорадочно забившееся сердце.

Дверь с грохотом распахивается, и я дергаюсь, как от электрошока.

– Здравствуйте, Чарли! – поприветствовал папу абсолютно спокойный Эдвард.

– Нет! – вырвалось у меня.

– Что такое? – удивленно прошептал Эдвард.

– Пусть сначала пистолет повесит.

Эдвард со смехом пригладил спутанные бронзовые волосы.

Чарли вошел в комнату – все еще в форме и при оружии, – заметным усилием заставив себя не нахмуриться при виде нас с Эдвардом в обнимку на диване. В последнее время он так старался хоть чуть-чуть потеплеть к Эдварду, а сейчас мы объявим новость, и все старания пойдут насмарку.

– Привет, ребята! Что нового?

– Мы хотели бы вам кое-что сказать, – безмятежно проговорил Эдвард. – Новости у нас хорошие.

Показное радушие Чарли тут же сменилось грозной подозрительностью.

– Хорошие? – прорычал он, сверля меня взглядом.

– Пап, ты садись.

Приподняв одну бровь, он пристально смотрел на меня секунд пять, затем протопал к креслу и примостился на самом краешке, неестественно выпрямив спину.

– Ты не волнуйся, пап, – прервала я напряженное молчание. – Все в порядке.

Эдвард дернул уголком рта. Всего-навсего «в порядке»? «Чудесно», «великолепно», «замечательно» – вот как надо говорить!

– Конечно, Белла, конечно. Только, если все в порядке, почему с тебя пот градом катит?

– Вовсе нет! – соврала я.

Я прижалась к Эдварду, уклоняясь от папиного грозного взгляда, и машинально вытерла улику со лба тыльной стороной кисти.

– Ты беременна! – загремел Чарли. – Беременна, да?

Вопрос явно предназначался мне, хотя папин испепеляющий взгляд был прикован к Эдварду, и, могу поклясться, рука его невольно дернулась к кобуре.

– Нет! Конечно же, нет! – Я вовремя удержалась, чтобы не подтолкнуть Эдварда локтем – все равно только синяк заработаю. Говорила ведь ему, что именно так все и воспримут. Что еще может в восемнадцать лет заставить кого-то в здравом уме и твердой памяти сыграть свадьбу? («Любовь» – получила я от Эдварда достойный умиления ответ. Ну да, да...)

Чарли слегка поостыл. Видимо, поверил, у меня ведь все на лице написано.

– Хм... Прости.

– Извинения приняты.

Повисло молчание. Потом я вдруг поняла, что оба ждут от меня каких-то слов. Я в панике глянула на Эдварда. Язык не шевелился.

Улыбнувшись, Эдвард расправил плечи и посмотрел папе в глаза.

– Чарли, я понимаю, что несколько нарушил заведенный порядок. По традиции полагалось бы сперва заручиться вашей поддержкой. Ни в коем случае не хотел показаться

неучтывым, однако поскольку Белла уже дала согласие, а я не хочу умалять значимость ее выбора, я не стану просить у вас ее руки, но попрошу родительского благословения. Мы решили пожениться, Чарли. Я люблю вашу дочь больше всего на свете, больше собственной жизни, и – по чудесному совпадению – она так же любит меня. Благословляете ли вы нас?

Само спокойствие и уверенность. Завороженная невозмутимым голосом, я на миг увидела Эдварда со стороны, глазами остального мира. Мне показалось, что закономернее нашей новости и быть не может...

И тут я заметила, с каким выражением Чарли смотрит на кольцо.

С остановившимся сердцем я следила, как папа сначала краснеет, потом багровеет, потом синееет. Потом меня как подбросило – не знаю, что конкретно я хотела сделать, может, применить метод Хаймлиха, которым спасают подавившихся, – но Эдвард удержал меня за руку и едва слышно прошептал: «Погоди, дай ему минутку».

На этот раз молчание затянулось надолго. Постепенно краска начала отливать, и цвет папиного лица вернулся к нормальному. Губы плотно сжаты, между бровями складка – я заметила, у папы всегда так, когда он чем-то озабочен. Под его долгим пристальным взглядом я почувствовала, как Эдвард рядом слегка расслабился.

– А чему я, собственно, удивляюсь? – пробухтел Чарли. – Знал ведь, что так оно в скором времени и случится.

Я выдохнула.

– Решение окончательное? – сверкнув глазами, грозно спросил папа.

– Я уверена в Эдварде на все сто! – последовал моментальный ответ.

– Да, но свадьба... К чему такая спешка? – Он снова окинул меня подозрительным взглядом.

Спешка к тому, что я с каждым днем приближаюсь к проклятым девятнадцати, а Эдвард навеки застыл в своем семнадцатилетнем великолепии, в котором и пребывает последние девяносто лет. Это не значит, что по моим представлениям отсюда вытекает необходимость срочно пожениться. Необходимость вытекает из сложного и запутанного соглашения, которое мы с Эдвардом заключили – необходимость как-то обозначить грань, мой переход из мира смертных к бессмертию.

Однако Чарли я этого объяснить не могла.

– Осенью мы вместе едем в Дартмут, – напомнил Эдвард. – Я хочу, чтобы все было... ну, как положено. Так меня воспитали. – Он пожал плечами.

Без преувеличения. Во времена Первой мировой воспитывали и впрямь несколько несовременно.

Чарли задумчиво подвигал губами. Ищет подходящий контраргумент. Хотя какие тут могут быть возражения? «Я бы предпочел, чтобы ты сначала пожила в грехе»? Он отец, у него руки связаны.

– Знал, что так и будет... – снова пробурчал он. И вдруг папино лицо прояснилось, от озабоченной складки не осталось и следа.

– Папа? – Встревоженная резкой переменой, я украдкой глянула на Эдварда, но и по его лицу ничего прочитывать не смогла.

– Ха! – Вдруг вырвалось у папы. Меня опять подбросило на диване. – Ха-ха-ха!

Согнувшись пополам, он трясся от хохота. Я смотрела, не веря своим глазам.

В поисках объяснения перевела взгляд на Эдварда и по плотно сжатым губам догадалась, что тот сам едва сдерживает смех.

– Хорошо, давайте! – наконец выговорил Чарли. – Женись! – Новый взрыв хохота. – Только...

– Только что?

– Только маме сама сообщишь! Я ей и словом не обмолвлюсь. Давай сама как-нибудь! – И комнату снова сотрясли громовые раскаты.

Я в задумчивости застыла перед дверью, улыбаясь воспоминаниям. Конечно, тогда решение Чарли повергло меня в страх. Сообщить Рене! Это же Страшный суд. Для нее ранний брак – худшее преступление, чем сварить щенка заживо.

Кто мог предвидеть ее реакцию? Точно не я. И не Чарли. Элис, возможно, однако ее спросить я не догадалась.

– Ну что сказать, Белла, – произнесла Рене, когда я, запинаясь и заикаясь, выговорила невозможное: «Мама, мы с Эдвардом решили пожениться». – Меня, конечно, слегка задевает, что ты так долго тянула, прежде чем сообщить. Билеты на самолет с каждым днем дорожают. И да, вот еще что, – спохватилась она, – как ты думаешь, с Филя к тому времени гипс уже снимут? Обидно, если на фотографиях он будет не в смокинге.

– Стоп, мам, подожди секундочку! – ахнула я. – В каком смысле «тянула»? Мы только сегодня об... об... – слово «обручились» не шло с языка, – все уладили.

– Сегодня? Правда? Надо же. А я думала...

– Что ты думала? И давно?

– Когда ты приезжала ко мне в апреле, мне показалось, что дело, как говорится, на мази. У тебя ведь все на лице написано. Я тогда ничего не сказала, потому что это ровным счетом ни к чему бы не привело. Ты прямо как Чарли. – Она смиренно вздохнула. – Если приняла решение – точка, спорить бесполезно. И так же будешь идти до конца.

А дальше мама произнесла что-то совсем неожиданное.

– Я верю, Белла, на мои грабли ты не наступишь. Понимаю, ты меня боишься сейчас, боишься моей реакции. Да, я много чего высказывала о браке и глупостях – и назад свои слова брать не буду, – но ты пойми, я ведь по своему опыту судила. А ты совсем другая. И шишки набиваешь другие. Зато верная и преданная. Так что у тебя куда больше надежд

на удачный брак, чем у большинства моих сорокалетних знакомых. – Рене снова рассмеялась. – Моя не по годам мудрая девочка... Впрочем, тебе, кажется, повезло на такого же мудрого душой.

– Ты... мам, это точно ты? Разве я, по-твоему, не совершаю громаднейшую ошибку?

– Само собой, подождать пару лет не повредило бы. Я еще слишком молода для тещи, не считаешь? Да ладно, не отвечай. Главное не я, главное – ты. Ты счастлива?

– Непонятно. Я сейчас себя как будто со стороны наблюдаю.

Рене усмехнулась:

– Ты с ним счастлива, Белла?

– Да, но...

– Тебе когда-нибудь нужен будет кто-то другой?

– Нет, но...

– Но что?

– Так говорят и говорили испокон веков все обезумевшие от любви подростки.

– Ты никогда не вела себя как подросток, девочка моя. И ты знаешь, как будет лучше для тебя.

Последние несколько недель Рене вдруг с головой ушла в предсвадебные хлопоты. Телефонные переговоры с Эсми, мамой Эдварда, длились часами (судя по всему, размолвок между будущими родственниками не предвидится). Рене полюбила Эсми всей душой – да и кто мог устоять перед моей

замечательной уже почти свекровью?

Я смогла вздохнуть свободно. Всю подготовку взяли на себя родственники с обеих сторон, избавив меня от нервозности и волнений.

Чарли, конечно, обиделся, но хоть не на меня, и то хорошо. Предательницей оказалась Рене. Он-то рассчитывал на маму как на тяжелую артиллерию, а вышло... Что делать, если решающий способ воздействия – страх перед маминой реакцией – себя не оправдал? Все карты биты, крыть нечем. И вот обиженный папа бродит по дому, бормоча под нос, что кругом враги...

– Папа? – позвала я, открывая дверь. – Я дома!

– Подожди, Беллз, не входи!

– А? – Я покорно замерла.

– Сейчас, секундочку! Ай, Элис, больно!

Элис?

– Простите, Чарли! – зазвенел мелодичный голосок Элис. – Ну как?

– Сейчас все кровью заляпаю.

– Ничего подобного. Даже царапины нет, уж я бы знала.

– Что происходит? – требовательно спросила я, не отходя от двери.

– Полминуточки, Белла, пожалуйста! – откликнулась Элис. – Потерпи, и тебя ждет награда.

Чарли хмыкнул в подтверждение.

Я начала постукивать ногой, считая каждый стук. До

тридцати не дошла, Элис окликнула меня раньше:

– Все, Белла, заходи!

Я осторожно заглянула в гостиную.

– Ух! – вырвалось у меня. – Ого! Папа, ты смотришься...

– Глупо? – подсказал Чарли.

– Скорее, импозантно.

Чарли залился краской. Элис, ухватив его за локоть, медленно развернула кругом, чтобы во всей красе продемонстрировать светло-серый смокинг.

– Прекрати, Элис! Я выгляжу полным идиотом.

– В моих руках никто никогда не выглядит идиотом! – возмутилась Элис.

– Она права, пап. Смотришься потрясающе! По какому поводу наряжаемся?

Элис закатила глаза.

– Сегодня последняя примерка. Для вас обоих причем.

С трудом оторвав взгляд от непривычно элегантного Чарли, я наконец заметила аккуратно уложенный на диване белый одежный чехол.

– А-а...

– Помечтай пока, Белла, я тебя надолго не займу.

Сделав глубокий вдох, я закрыла глаза и на ощупь начала подниматься по лестнице к себе в комнату. Там разделась до белья и вытянула руки.

– Можно подумать, я тебе иголки под ногти собралась загонять, – пробурчала Элис, входя следом за мной.

Я не слышала. Я погрузилась в сладкие мечты.

Там, в мечтах, свадебный переполох давно закончился. Все позади.

Мы одни, только я и Эдвард. Окружающая обстановка при этом оставалась расплывчатой и постоянно менялась – от туманного леса до скрытого за облаками города или полярной ночи. Все потому, что Эдвард, желая сделать сюрприз, упорно скрывал, где будет проходить медовый месяц. Собственно, «где» меня и так не особо заботило.

Мы с Эдвардом вместе, и я честно выполнила свою часть уговора. Я вышла за него замуж. Это самый главный пункт. А еще я приняла все его невозможные подарки и поступила – хоть и фиктивно – в Дартмутский колледж. Теперь его очередь.

Прежде чем превратить меня в вампира – выполняя свою часть соглашения, – он обязался сделать кое-что еще.

Эдвард безумно переживал из-за того, что превращение в вампира лишит меня некоторых человеческих радостей, которых он меня лишать не хотел бы. Я-то как раз готова была отказаться от большинства – например, от выпускного бала – безо всякого сожаления. И лишь одну человеческую радость я все же хотела бы испытать сполна. Разумеется, Эдвард был бы счастлив, если бы именно о ней я забыла и не вспоминала.

Однако в этом и загвоздка. Я приблизительно представляю, как буду себя ощущать, когда сменю человеческий облик на вампирский. Мне довелось видеть новорожденных

вампиров собственными глазами, да и рассказы будущих родственников неплохо дополнили картину. Несколько лет сплошной ненасытной жажды. Владеть собой я научусь не сразу, и даже когда научусь, чувства и ощущения вернутся уже другими.

Надо сейчас, пока я еще человек... и страстно влюблена.

Прежде чем сменить свое теплое, хрупкое, управляемое феромонами тело на прекрасное, сильное и... незнакомое, я хотела испытать отпущенное ему сполна. Чтобы у нас с Эдвардом был настоящий медовый месяц. И он согласился попробовать, несмотря на грозящую мне в таком случае опасность.

Я едва замечала суеотящуюся вокруг меня Элис и прикосновения струящегося шелка. Позабыла о ходящих по городу пересудах. О том, что скоро мне предстоит сыграть главную роль в представлении. Перестала волноваться, что споткнусь о собственный шлейф или захихикаю в неподобающий момент, не тревожилась больше из-за возраста и сосредоточенных на мне пристальных взглядов. Даже отсутствие моего лучшего друга не вызывало былой горечи.

Мы с Эдвардом одни, в лучшем месте на земле.

Глава 2

ДОЛГАЯ НОЧЬ

– Я уже скучаю.

– Мне не обязательно уходить. Могу остаться...

– М-м...

Воцарилась тишина, нарушаемая только стуком моего сердца, нашим прерывистым дыханием и чмоканьем движущихся в унисон губ.

Как легко порой было забыть, что целуешься с вампиром. Не потому, что он становился обыкновенным, как человек, – я ни на секунду не теряла ощущения, что в моих объятиях скорее ангел, чем смертный; нет, прижимаясь губами к моим губам, шее, лицу, он давал мне понять, что ничего страшного не произойдет. Он уверял, что моя кровь уже не вызывает такой жажды, как раньше, что страх потерять меня излечил его от пагубной страсти. Но я-то знала, что запах моей крови по-прежнему мучает его, разжигая в горле пожар.

Я открыла глаза и увидела, что он тоже не сводит с меня взгляда. В такие моменты мне не верилось в происходящее. Как будто я и есть награда, а вовсе не бессовестный везунчик, которому она досталась.

Наши взгляды встретились. В его золотистых глазах таилась такая глубина, что мне на секунду почудилось, будто я сейчас загляну ему прямо в душу. Неужели у меня когда-то

возникал этот глупейший вопрос: а есть ли у Эдварда душа, пусть даже он и вампир? Конечно есть, самая прекрасная. Прекраснее, чем его блестящий ум, неописуемо красивое лицо и невероятная фигура.

Его взгляд тоже, казалось, проник мне в самую душу, и, судя по всему, увиденное Эдварда не разочаровало.

Однако в мои мысли, в отличие от мыслей всех остальных, он проникнуть не мог. Кто знает почему – возможно, какой-то сбой в моем мозгу, сделавший его неуязвимым для сверхъестественных и пугающих способностей, которыми обладают некоторые бессмертные. (Это только мозг, тело же вполне себе поддавалось чарам других вампиров, действовавших иначе, чем Эдвард.) И все же я была бесконечно благодарна этому сбою за то, что мои мысли останутся тайной. А то я сгорела бы от стыда.

Я снова потянулась к нему губами.

– Точно остаюсь, – пробормотал он.

– Нет-нет. У тебя мальчишник. Надо идти.

Я говорила одно, а делала другое – пальцами правой руки распутывала его бронзовые кудри, левой прижимала крепче к себе. Его прохладная ладонь поглаживала мою щеку.

– Мальчишник нужен тем, кто провожает холостую жизнь с сожалением. А я счастлив оставить ее в прошлом. Так что не вижу смысла.

– Да! – выдохнула я в ледяную кожу на его шее.

Чарли спит без задних ног у себя в комнате, а значит, мы

все равно что одни. Свернувшись калачиком на моей узкой кровати, мы сплелись, насколько позволяло толстое покрывало, в которое я укуталась как в кокон. Без покрывала было бы куда романтичнее, но лучше так, чем клацать зубами от холода. А включить отопление в августе – Чарли сильно удивится...

Зато Эдварду в отличие от меня укутываться необходимости не было – наоборот, его рубашка валялась на полу. Я все еще никак не могла привыкнуть и каждый раз изумлялась совершенству его тела – белого, прохладного, гладкого, как мрамор. Моя ладонь благоговейно скользнула по твердокаменной груди, плоскому твердому животу. По его телу пробежала легкая дрожь, а губы снова отыскивали мои. Я осторожно тронула кончиком языка его зеркально-гладкую губу, и у него вырвался вздох. Лицо овеяло его легким дыханием, прохладным и свежим.

И вдруг Эдвард отстранился – машинально, как всегда бывало, когда он решал, что заходит слишком далеко, рефлексивный отказ от продолжения, когда именно продолжения хочется больше всего. Почти всю свою сознательную жизнь он заставлял себя отказываться от физического удовлетворения. Неудивительно, что теперь попытка изменить сложившейся привычке вызывает страх.

– Подожди! – Я обхватила его за плечи и притянула обратно к себе, а потом высвободила ногу из-под одеяла и обвила вокруг его талии. – Повторение – мать учения!

Эдвард хохотнул.

– Тогда мы уже должны были достичь совершенства. Тебе за этот месяц хоть раз поспать удалось?

– А это генеральная репетиция, – напомнила я. – При том, что половина спектакля вообще не отработана. Некогда осторожничать.

Я хотела рассмешить его, но Эдвард промолчал, замерев от неожиданного потрясения. Жидкое золото в его глазах, казалось, застыло тоже.

Мысленно прокрутив свои последние слова еще раз, я поняла, что он в них услышал.

– Белла... – прошептал он.

– Не надо начинать по-новой. Уговор есть уговор.

– Не знаю. Трудно сосредоточиться, когда ты со мной вот так. Мысли... путаются. Я не смогу себя сдерживать. А пострадаешь ты.

– Все будет в порядке.

– Белла...

– Ш-ш-ш! – Я прильнула к нему с поцелуем, чтобы прогнать непрощенный страх. Все это я уже слышала. Эдварду не отвертеться от уговора. Тем более настояв, чтобы сперва я вышла за него замуж.

На поцелуй он ответил, хотя явно старался не терять при этом головы. Тревога, вечная тревога. Как все изменится, когда исчезнет необходимость испытывать эту постоянную тревогу за меня... Он же не будет знать, куда деть освободив-

шееся время. Придется завести новое хобби.

– Дрожишь? – спросил Эдвард.

Я поняла, что он не про температуру.

– Нисколько. И завтра не дрогну.

– Точно? Не передумала? Еще не поздно.

– Хочешь меня бросить?

Эдвард рассмеялся:

– Всего лишь убедиться. Не надо делать того, в чем не уверена.

– В тебе я уверена. А остальное переживу.

Он замолчал, и я испугалась, что опять сморозила глупость.

– Переживешь? – тихо переспросил он. – Я не про свадьбу – ее ты точно переживешь, несмотря на все страхи, я про то, что будет потом... А как же Рене, как же Чарли?

Я вздохнула:

– Мне будет их не хватать. – Да, скучать я буду сильно, сильнее, чем они, но зачем подкидывать Эдварду лишние доводы?

– Анджела, Бен, Джессика, Майк?

– Да, и друзей тоже, – улыбнулась я в темноте. – Особенно Майка. Ох, Майк! Как же я без тебя...

Эдвард зарычал.

Я рассмеялась, но тут же посерьезнела.

– Мы все это уже столько раз проходили! Я знаю, что будет тяжело, но мне так нужно. Мне нужен ты, причем навсегда.

Одной человеческой жизни мне мало.

– Остаться навеки восемнадцатилетней, – прошептал он.

– Мечта любой нормальной женщины, – поддразнила я.

– Не меняться, не двигаться вперед...

– В каком смысле?

Эдвард начал подбирать слова:

– Помнишь, когда мы сообщили Чарли о предстоящей свадьбе? И он подумал, что ты... беременна?

– Он тебя чуть не пристрелил, – со смехом вспомнила я. – Честное слово, на какую-то секунду он всерьез готов был в тебя пальнуть.

Эдвард молчал.

– Что? В чем дело?

– Просто... как было бы здорово, если б его подозрения оправдались.

Я ахнула от изумления.

– То есть если бы это в принципе было возможно. Если бы мы могли. Мне больно, что ты этого лишишься.

Мне понадобилась минута на раздумья.

– Я знаю, на что иду.

– Откуда тебе знать, Белла! Погляди на мою мать, на сестру. Эта жертва гораздо тяжелее, чем кажется.

– Но ведь Эсми и Розали держатся, и держатся молодцом. Если когда-нибудь станет ясно, что дело плохо, поступим так же, как Эсми, – возьмем приемных.

Эдвард вздохнул, и в его голосе послышалась ярость.

– Так не должно быть! Я не хочу, чтобы ты шла на жертвы ради меня. Я хочу давать, а не отбирать. Не хочу лишать тебя будущего. Если бы ты осталась человеком...

Я прижала палец к его губам.

– Ты мое будущее. И хватит. Кончай хандрить, иначе я позову твоих братьев, чтобы они тебя забрали. Может, мальчишник и не повредит.

– Прости. Я хандрю, да? Наверное, нервы.

– Дрожишь? – поддразнила я.

– Не в том смысле. Я прождал сто лет, чтобы жениться на вас, мисс Свон. Свадебной церемонии я как раз жду с нетер... – Эдвард вдруг замер на полуслове. – Ох, ради всего святого!

– В чем дело?

Он скрипнул зубами.

– Братьев звать не надо. Такое чувство, что Эмметт и Джаспер решили своего не упускать.

На секунду я крепко-крепко прижала его к себе – и тут же отпустила. Состязаться с Эмметтом в перетягивании каната – гиблое дело.

– Повеселись хорошенько!

За окном раздался визг – кто-то царапал стальным когтем по стеклу, издавая невыносимо противный звук, от которого по спине бегут мурашки и хочется заткнуть уши. Меня перердернуло.

– Если не отдашь Эдварда, – угрожающе прошипел неви-

димый под покровом ночи Эмметт, – мы придем за ним сами!

– Иди! – рассмеялась я. – Пока дом еще цел.

Эдвард закатил глаза, но все же стремительным движением вскочил с кровати и не менее стремительным – набросил рубашку. Наклонившись, он поцеловал меня в лоб.

– Спи. Завтра важный день.

– Конечно. Теперь я точно успокоилась.

– Встретимся у алтаря.

– Я буду в белом, – улыбаясь собственной невозмутимости, пошутила я.

– Верю! – усмехнувшись, похвалил он и вдруг пригнулся, напружинив мускулы. В следующий миг он исчез, неумовленным движением метнувшись в окно.

Снаружи донесся приглушенный удар, затем ругательство – голосом Эмметта.

– Смотрите, как бы он завтра не опоздал, – пробормотала я, зная, что меня прекрасно расслышат.

И тут в окне показалось лицо Джаспера – медовые волосы в пробивающемся сквозь тучи лунном свете отливали серебром.

– Не волнуйся, Белла. Времени у него будет с запасом.

Я почувствовала неожиданное спокойствие, все страхи и тревоги улетучились. Джаспер обладал таким же даром, как Элис с ее точными предсказаниями. С той разницей, что ему подчинялось не будущее, а настроение, но противостоять на-

строению, которое он внушал, все равно было невозможно.

Я неуклюже села в кровати, по-прежнему завернутая в одеяло.

– Джаспер, а как проходит мальчишник у вампиров? В стрип-клуб же вы его не поведете?

– Не вздумай рассказывать! – прорычал снизу Эмметт. Послышался еще один глухой удар, потом тихий смех Эдварда.

– Не волнуйся! – велел Джаспер, и я перестала. – У нас, Калленов, свои традиции. Пара-тройка горных львов, несколько гризли... Обычная загородная вылазка.

Интересно, я тоже буду отзываться о вампирском «вегетарианстве» с такой бравадой?

– Спасибо, Джаспер.

Подмигнув на прощание, он скрылся из виду.

За окном наступила тишина. Из-за стены доносился приглушенный храп Чарли.

Я откинулась на подушку, понимая, что сейчас засну. Из-под отяжелевших век обвела взглядом стены своей маленькой комнатки, выбеленные лунным светом.

Последняя ночь в моей комнате. Последняя ночь в качестве Изабеллы Свон. Завтра вечером я уже стану Беллой Каллен. Сама свадебная церемония мне как нож к горлу, зато новое имя греет душу.

Я дала волю мыслям, надеясь быстрее заснуть. Однако через несколько минут поняла, что, наоборот, напрягаюсь еще

сильнее. В животе, скручивая его то так, то эдак, свернулась тревога. В постели без Эдварда слишком мягко и слишком жарко. Джаспер далеко, а внушенные им спокойствие и безмятежность тут же испарились.

День завтра предстоит долгий.

Конечно, я понимала, что мои страхи большей частью беспочвенны и главное – преодолеть себя. Нельзя прожить жизнь, не привлекая внимания. Нельзя вечно сливаться с пейзажем. И все же кое-какие мои тревобления вполне оправданны.

Во-первых, шлейф свадебного платья. Элис опрометчиво позволила эстетике взять верх над практичностью. Одолеть парадную лестницу в особняке Калленов на каблуках и в платье со шлейфом – слишком большой подвиг. Эх, тренироваться надо было...

Во-вторых, список гостей.

К началу церемонии прибудет клан из Денали во главе с Таней.

Очень трогательно собрать в одном помещении Танину семью и наших гостей из квилетской резервации – то есть Блэка-старшего и Клируотеров. Клан Денали не жалуется оборотней. Танина сестра Ирина так вообще на церемонию не придет. Она все еще жаждет отомстить оборотням за убийство своего друга Лорана (который, в свою очередь, хотел убить меня). Из-за этой вражды клан Денали покинул семью Эдварда в час страшной беды – и только не укладывающийся

ни в какие рамки союз с квилетскими волками не дал нам пасть в борьбе с ордой новорожденных вампиров...

Эдвард поклялся, что никакой опасности соседство деналийцев с квилетами не представляет. Тане и всей ее семье – за исключением Ирины – очень стыдно за свое дезертирство. Перемирие с оборотнями – ничтожная цена, пустяк для тех, кто хочет искупить вину.

Однако на этом тревоги не заканчиваются, ведь помимо серьезной проблемы есть и еще одна, поменьше. Моя низкая самооценка.

Ни разу не встретившись с Таней, я все равно прекрасно понимала, какой удар эта встреча нанесет по моему самолюбию. Когда-то в незапамятные времена, еще до моего рождения, она имела виды на Эдварда – тут я ее не виню, перед ним невозможно устоять. Но она ведь как минимум прекрасна и как максимум ослепительна. И пусть Эдвард определенно – хотя и необъяснимо – предпочел меня, все равно я невольно буду сравнивать.

Я попробовала поворчать на эту тему, но Эдвард знал, на что давить.

– Мы для них почти родные, Белла, – напомнил он. – Они до сих пор чувствуют себя сиротами, время тут не властно.

Пришлось скрепя сердце согласиться.

Теперь у Тани большая семья, почти такая же, как у Калленов. Их пять: помимо Тани, Кейт и Ирины, есть еще Кармен и Елеазар, появившиеся так же, как у Калленов появи-

лись Элис и Джаспер. Всех их объединяет более милосердное, чем у прочих вампиров, отношение к людям.

Однако, несмотря на расширение состава, Таня с сестрами по-прежнему чувствовали себя в определенном смысле обделенными. И по-прежнему носили траур. Ведь когда-то у них была еще и мать.

Я без труда могла понять, как пусто и одиноко им стало с ее потерей, которую не восполнить даже за тысячу лет. Попыталась представить, как жили бы Каллены, лишившись создателя своей семьи, ее главы и наставника, своего отца – Карлайла. Попыталась и не смогла.

Историю Таниного клана мне поведал Карлайл в один из тех долгих вечеров, когда я допоздна засиживалась у Калленов, пытаясь узнать как можно больше, подготовиться как можно полнее и глубже к тому будущему, которое выбрала. Танину мать постигла та же участь, что и многих других, и ее история должна была послужить мне уроком, наглядной иллюстрацией одного из правил обитания в мире бессмертных.

На самом деле правило это одно-единственное, распадающееся на тысячи подпунктов, – храни тайну.

Хранить тайну означает жить в неприметной глуши, подобно Калленам, переезжая с места на место, чтобы не вызвать подозрения своей вечной молодостью. Или вообще обходить людей стороной (за исключением тех случаев, когда одолевает голод) – так жили кочевники вроде Джеймса с Викторией и до сих пор живут приятели Джаспера, Питер

и Шарлотта. А еще это означает полную ответственность за создаваемых тобой новых вампиров. Которую смог обеспечить Джаспер, когда жил с Марией. И на которую наплевала расплодившая новорожденных вампиров Виктория.

Из этого следует запрет на создание того, что в принципе неподвластно контролю.

– Я не знаю, как звали Танину мать. – В отливающих золотом глазах Карлайла светилась печаль при воспоминании о Таниной боли. – Они стараются не упоминать о ней и по возможности не думать. Женщина, создавшая Таню, Кейт и Ирину – и, полагаю, любившая их как дочерей, – появилась на свет задолго до меня, когда в нашем вампирском мире свирепствовала чума. Нашествие бессмертных младенцев. О чем думали древние, мне не понять. Они превращали в вампиров детей, едва вышедших из грудного возраста.

Я представила себе эту картину и с трудом подавила поднявшуюся волну тошноты.

– Младенцы получались невыразимо прекрасными, – поспешно пояснил Карлайл, видя мою реакцию. – Такие души, такие очаровашки. К ним проникались любовью с первого взгляда, неизбежно и моментально. Однако при этом они не поддавались воспитанию. Замирали на уровне развития, предшествующем перерождению. Очаровательные двухлетние младенцы, картавящие, с ямочками на щечках, но в порыве гнева способные истребить полдеревни. Проголодавшись, они мчались на охоту, и любые увещевания, любые

запреты были бессильны. Они попадались на глаза людям, рождая слухи, паника распространялась со скоростью лесного пожара...

Одного такого младенца и создала Танина мать. Что ею – и другими древними – двигало, моему уму непостижимо. – Карлайл сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться. – И, разумеется, вмешались Вольтури.

Я, как обычно, дернулась при упоминании этого имени. Да, разумеется, без итальянского легиона – вампирской аристократии по сути – дело бы не обошлось. Закон не будет исполняться, если нет угрозы наказания, а наказание надо кому-то осуществлять. Вольтури двинули свои войска под предводительством старейшин – Аро, Марка и Кая. Мне довелось встретить их лишь однажды, и за эту короткую встречу настоящим лидером показал себя Аро со своим мощным даром читать мысли: одно прикосновение, и ему известно все, что когда-либо было у тебя на уме.

– Вольтури исследовали бессмертных младенцев – и у себя в Вольтерре, и в других уголках мира. Кай пришел к выводу, что хранить тайну они по малолетству не способны. А следовательно, подлежат уничтожению.

Как я уже сказал, младенцы были прелестны. Поэтому кланы сражались за них до последнего – многие погибли. И хотя по массовости война между вампирами уступала войнам, которые охватывали южную часть нашего континента, она оказалась не менее разрушительной. Древние кланы,

древние традиции, дружба... Потеряно было многое. В конце концов младенцев искоренили как явление. О них даже вспоминать не принято — что-то вроде табу.

Двух таких младенцев я видел своими глазами, когда жил у Вольтури, так что мне довелось на себе испытать их чары. Этих младенцев исследовал Аро, уже после того, как отшумела вызванная их появлением гроза. Ты знаешь, как он любознателен, — и он надеялся найти способ укротить их. Однако окончательный вердикт был единогласным: бессмертные младенцы не имеют права на существование.

И тут, когда я совсем забыла про мать сестер Денали, с которой и началась эта история, Карлайл вернулся к ней.

— Что именно произошло с Таниной матерью, неизвестно. Таня, Кейт и Ирина ни о чем не подозревали до того самого дня, когда к ним явились Вольтури, арестовав предварительно их мать и младенца. Неведение спасло сестрам жизнь. Одним прикосновением Аро получил доказательства их абсолютной невиновности, и они избежали уготованного матери наказания.

Ни одна из сестер прежде не видела этого младенца, даже не подозревала о его существовании до того самого дня, как его сожгли вместе с матерью у них на глазах. Полагаю, мать потому и не посвятила их в тайну, чтобы спасти от ужасной участи. Зачем же тогда она создала младенца? Кем он был, что значил для нее, если заставил перейти самую страшную черту? На эти вопросы ни Таня, ни остальные ответа не по-

лучили. Однако вина их матери была доказана, и, боюсь, девочки так и не смогли ее до конца простить.

Несмотря на свидетельство Аро о том, что девочки никоим образом не причастны к поступку матери, Кай хотел отправить на костер и их. За пособничество. Однако Аро проявил милосердие. Таня с сестрами получили прощение, а вместе с ним – незаживающую рану в сердце и пиетет перед законом...

Погрузившись в воспоминания, я сама не заметила, как заснула. Вот я слушаю Карлайла и вижу его лицо, а вот передо мной уже серая пустошь и в воздухе – густой едкий запах гари. На поле я не одна.

Посреди пустоши – группа фигур, укутанных в серые, пепельного цвета плащи. Это Вольтури, а я, несмотря на предписание, еще человек, и мне следовало бы испугаться до смерти. Но я чувствую, как иногда бывает во сне, что они меня не видят.

То тут, то там разбросаны курящиеся останки. Уловив характерный сладковатый запах, я старательно отвожу глаза. Смотрю мимо лиц сожженных, боясь разглядеть знакомое.

Кого – или что – окружили выстроившиеся плотным кольцом воины Вольтури? До меня доносится их возбужденный шепот. Я подхожу ближе, пытаюсь понять, что вызвало у них такой интерес. Осторожно прокраившись между двумя перешептывающимися фигурами в плащах, я наконец вижу предмет дискуссии, уложенный на небольшом пригорке.

Очаровательный пупсик, в точности как описывал Карлайл. Мальчик, едва вышедший из грудного возраста, года два на вид. Ангельское личико с пухлыми губками и щечками в обрамлении светло-каштановых кудрей. Малыш дрожит, зажмурившись, чтобы не видеть смерть, которая с каждой секундой все ближе.

Я хочу только одного – спасти несчастного напуганного кроху, и в этом порыве исчезает страх перед грозной мощью Вольтури. Я проталкиваюсь сквозь строй, мне уже все равно, видят они меня или нет. Кидаюсь к младенцу.

И останавливаюсь как вкопанная, разглядев пригорок, на котором он лежит. Это не земля и не камень, это груда обескровленных человеческих тел. Не успев отвести взгляд, я узнаю одно за другим знакомые лица – Анджела, Бен, Джесика, Майк... А прямо под пятками малыша тела моих папы и мамы.

Ребенок распахивает алые, налитые кровью глаза.

Глава 3

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЙ ДЕНЬ

От увиденного мои глаза тоже распахнулись.

Минуто-другую меня била дрожь, я хватала ртом воздух в своей нагретой постели и силилась стряхнуть сон. Пока я унимала бьющееся сердце, небо за окном успело посереть, затем подернуться бледно-розовым.

Наконец я вернулась в привычный мир, в свою маленькую захламленную комнатку, и тут же отругала себя. Очень подходящий сон – самое то накануне свадьбы! Меньше надо страшных историй вспоминать на ночь.

Чтобы окончательно избавиться от кошмара, я оделась и, несмотря на несусветную рань, вышла на кухню. Прибралась в чистых комнатах, потом испекла Чарли оладьи на завтрак. Мне в моем взвинченном состоянии было не до еды; я просто смотрела, как папа поглощает оладьи, и нервно подпрыгивала на стуле.

– В три тебе нужно заехать за мистером Вебером, помнишь?

– Беллз, ну как же я забуду, если на сегодня это моя единственная забота – привезти священника? – Ради свадьбы Чарли взял отгул и явно не знал с непривычки, куда себя деть. Его взгляд то и дело норовил метнуться к кладовке, где хранились рыболовные снасти.

– Не единственная. Еще нужно привести себя в порядок и одеться.

Папа опустил голову и, уставившись на миску с хлопьями, пробурчал что-то вроде: «Как клоун».

От входной двери донесся короткий быстрый стук.

– Думаешь, ты один попал? – скорчив рожицу, съехидничала я. – Меня вот Элис на целый день к рукам прибрала.

Чарли задумчиво кивнул, соглашаясь, что ему и вправду придется полегче. Я на ходу чмокнула его в макушку – он покраснел и что-то хмыкнул – и помчалась открывать дверь своей лучшей подруге и будущей золовке.

Короткие черные волосы Элис сегодня не топорщились ежиком, а обрамляли тщательно уложенными завитками ее обычно озорное лицо, сегодня выглядевшее деловым и сосредоточенным.

Без лишних слов, едва удостоив Чарли короткого «зд-расте», она сгребла меня в охапку и потащила за собой.

Усадила в «порше» и пригляделась повнимательнее.

– О Господи, ну и вид! – Элис в ужасе зацокала языком. – Ты что, до утра не спала?

– Почти.

Она возмущенно сверкнула глазами.

– Белла, у меня и так времени в обрез, чтобы сделать тебя ослепительной! Могла бы и побережнее обращаться с исходным материалом.

– Никто и не ждет, что я буду ослепительной. Гораздо ху-

же, если я засну во время церемонии, просплю момент, когда нужно сказать «да», и Эдвард сбежит.

Элис рассмеялась:

– Когда будет пора, я швырну в тебя букетом.

– Спасибо!

– Завтра в самолете отоспишься.

Я вопросительно изогнула бровь. «Завтра». Если мы отправляемся в путешествие сегодня вечером, и завтра еще будем в самолете... Так, Бойз, штат Айдахо, определенно отпадает. Эдвард пока ни намеком себя не выдал. А меня не столько пугала загадочность, сколько странно было не иметь ни малейшего понятия, где мы будем спать завтра ночью. То есть хочется надеяться, не будем спать...

Элис нахмурилась, спохватившись, что чуть не выдала тайну.

– Вещи уже упакованы, – дoloжила она, чтобы отвлечь меня от вычислений.

У нее получилось.

– Элис, ну почему мне самой нельзя было собрать чемодан?

– Тогда ты бы обо всем догадалась.

– Ага, а ты бы упустила возможность побегать по магазинам.

– Каких-нибудь десять часов, и ты официально станешь моей сестрой... пора уже избавиться от страха перед обновлениями.

До конца поездки я невидящим взглядом смотрела в окно.

– Эдвард вернулся? – спохватилась я на подъезде к дому.

– Не беспокойся, когда заиграет музыка, будет на месте.

Раньше ты его все равно не увидишь, так что без разницы, когда он приедет. Мы чтим традиции.

– Традиции! – фыркнула я.

– Если не считать собственно жениха с невестой.

– Он же наверняка уже подглядел.

– Ни в коем случае! В платье тебя видела только я. И старалась при нем этот образ в свои мысли не пускать.

– Ух ты! – поразила я, когда мы свернули на подъездную дорожку. – Вот и выпускные украшения пригодились.

Деревья вдоль всей четырехкилометровой аллеи искрились сотнями тысяч огоньков. Только на этот раз к огонькам добавились белые атласные банты.

– Кто умеет не транжирить, тот нужды не знает. А ты смотри хорошенько, потому что внутреннее убранство до самой церемонии не увидишь. – Элис свернула в огромный гараж к северу от дома. Так, джип Эмметта по-прежнему отсутствует.

– С каких это пор невесте нельзя видеть, как украсили дом? – возмутилась я.

– С тех самых, как невеста доверилась мне. А то неинтересно будет, когда станешь по лестнице спускаться.

На пороге кухни Элис закрыла мне глаза ладонями, и я не поняла, откуда доносится разлившийся в воздухе аромат.

– Что это?

– В нос бьет? До тебя тут людей не было, неужели я перестаралась?

– Чудесный запах! – успокоила я. Аромат на самом деле казался хотя и пьянящим, но не удушливым, ненавязчиво и тонко соединяя разные оттенки. – Померанцы... сирень... и еще что-то. Угадала?

– Да, правильно. Фрезия и розы, вот что еще.

Под эскортом Элис я проследовала в огромную ванную комнату, и только там мне было позволено открыть глаза. Которые тут же разбежались от обилия баночек и флакончиков – на длинной полке уместился арсенал целого салона красоты. Бессонная ночь дала себя знать.

– Без этого правда никак? Все равно рядом с ним я буду серой мышкой, как ты ни старайся.

Элис толкнула меня в низенькое розовое кресло.

– Посмотрим, у кого хватит наглости назвать серой мышкой результат моего труда!

– Еще бы... Ты же у них всю кровь выпьешь, – проворчала я себе под нос. Откинувшись в кресле, я закрыла глаза в надежде благополучно проспать все процедуры. Я то задремывала, то просыпалась, а Элис тем временем неустанно умащивала, подпиливала и наводила блеск на каждую клеточку моего тела.

Время шло к обеду. В дверях мелькнула Розали – мерцающее серебристое платье, золотые кудри уложены в корону –

я чуть не расплакалась. Какой смысл наводить красоту, если рядом Розали?

– Мальчики вернулись! – предупредила она, и моя детская ревность тут же улетучилась. Эдвард приехал.

– Не пускай его сюда!

– Он тебя и сам сегодня боится, – улыбнулась Роуз. – Ему жизнь дорога. И потом, Эми запрягла их доделывать что-то снаружи. Тебе помочь? Могу заняться прической.

Я оторопела от ее слов.

Розали с самого начала меня не жаловала. А потом я нанесла ей чуть ли не смертельную обиду своим выбором. Она бы с легкостью отдала все: свою неземную красоту, любящую семью, родственную душу в лице Эмметта – за то, чтобы вновь стать человеком. А человек, то есть я, вдруг швыряется этим недостижимым счастьем как нечего делать. Разумеется, теплых чувств ко мне у Роуз после такого не прибавилось.

– Конечно, давай, – с готовностью разрешила Элис. – Можешь начинать плести. Позатейливее. Фата будет крепиться вот сюда, снизу.

Ее руки принялись перебирать мои волосы, укладывая, приподнимая, переплетая, чтобы точно показать, что имеется в виду. Поняв, что требуется, Розали приступила к делу, едва касаясь волос легкими, как перышки, пальцами. Элис вернулась к макияжу.

Затем, одоббив дело рук Розали, Элис послала ее сперва

за моим платьем, а потом найти Джаспера, которому поручили забрать из гостиницы маму и ее мужа Фила. Снизу доносилось приглушенное хлопанье дверей. И оживленные голоса.

Я встала, чтобы Элис могла осторожно натянуть на меня платье, не испортив прическу и макияж. Коленки тряслись так, что атласная ткань разбегалась мелкими волнами до самого подола, мешая Элис, которая застегивала ряд мелких жемчужных пуговиц на спине.

– Дыши глубже, Белла! – попросила она. – И уйми сердцебиение, а то от испарины весь макияж поплывет.

В ответ я скорчила как можно более ехидную физиономию.

– Будет сделано!

– Мне нужно пойти одеться. Продержишься пару минут одна?

– Э-э... попробую.

Элис фыркнула и пулей выскочила за дверь.

Я постаралась дышать ровно, считая каждый вдох-выдох и разглядывая отблески света на сияющей ткани платья. В зеркало я взглянуть не смела – боялась, что, увидев свое отражение в свадебном наряде, растеряю остатки самообладания и ударюсь в панику.

Когда счет вдохов-выдохов начал приближаться к двумстам, Элис примчалась обратно – в вечернем платье, ниспадающем с ее точеной фигурки серебристым водопадом.

– Элис, восторг!

– Пустяки. На меня сегодня никто и не взглянет. Ты затмишь любую.

– Ха-ха...

– Ну что, взяла себя в руки? Или Джаспера позвать?

– Он уже вернулся? Мама тут?

– Только что вошла. Сейчас поднимется.

Рене прилетела два дня назад, и я отдавала ей каждую свободную минуту – если, конечно, удавалось оторвать маму от Эсми и предсвадебных хлопот. Она веселилась, как ребенок, забытый на ночь в Диснейленде, а я уже начинала чувствовать себя такой же обманутой, как и Чарли. Сколько пустых страхов, что мама будет против...

– О, Белла! – воскликнула мама, едва появившись в дверях. – Малышка, ты такая красавица! Я сейчас расплачусь! Элис, волшебница, вам с Эсми пора открывать свое свадебное агентство. Где ты отыскала это чудесное платье? Невероятно! Такое изящное, элегантное!.. Белла, ты прямо из фильма по Джейн Остин. – Мамин голос звучал как будто издалека, и комната расплывалась перед глазами. – Гениально придумано – оттолкнуться стилистически от кольца, которое Белле подарил Эдвард. Я так понимаю, оно передается в семье с начала девятнадцатого века?

Мы с Элис заговорщически переглянулись. Прибавь лет сто, мама. Стиль платья увязан вовсе не с кольцом, а с датой рождения Эдварда.

В дверях кто-то громко и хрипло кашлянул.

– Рене, Эсми просила передать, чтобы ты уже шла и садилась, – объявил Чарли.

– Чарли, какой же ты сегодня красавец! – изумленно произнесла Рене.

Чарли поспешно откестился:

– Дело рук Элис.

– Неужели пора? – пробормотала мама, судя по голосу, волнуясь не меньше меня. – Как все быстро. Голова кругом.

Так, теперь нас двое.

– Обнимемся напоследок, – попросила она. – Только аккуратно, чтобы ничего не помять.

Осторожно подержав меня за талию, мама развернулась к выходу, но вдруг вспомнила что-то и, обернувшись, снова оказалась лицом ко мне.

– Боже, чуть не забыла! Чарли, где она?

Вывернув все карманы, папа добыл и передал маме маленькую белую коробочку.

– Кое-что синее, – объявила она, открыв крышку и вручая коробочку мне.

– Причем кое-что старое. Их носила еще твоя прабабушка Свон, – добавил папа. – А мы сходили к ювелиру и заменили искусственные камни сапфирами.

В коробочке лежали два тяжелых серебряных гребня для волос. Темно-синие сапфиры густыми изящными букетиками разбегались над зубцами.

У меня перехватило дыхание.

– Мам, пап... не стоило...

– Все остальное взяла на себя Элис, ничего нам не давала сделать. Только заикнемся – она чуть не в глотку нам готова впитаться.

Я не смогла сдержать истерический смешок.

Элис моментально подскочила ко мне и ловким движением заправила гребни с одной и с другой стороны под густое переплетение кос.

– Кое-что старое, кое-что синее, – перечислила она задумчиво, отступая на несколько шагов, чтобы полюбоваться работой. – Кое-что новое – это твое платье, значит, остается...

Она метнула мне что-то стремительным жестом. Я машинально подставила руки, и в ладони порхнула невесомая белоснежная подвязка.

– Это моя, потом верни, – закончила она.

Я покраснела.

– Вот то, что надо! – удовлетворенно кивнула головой Элис. – Чуть-чуть румянца. Все, теперь ты полное совершенство. – С самодовольной улыбкой она обернулась к папе с мамой. – Рене, вам пора вниз.

– Да, мэм! – Послав мне воздушный поцелуй, мама покорно удалилась.

– Чарли, окажите любезность, принесите букеты, пожалуйста.

Дождавшись, пока папа выйдет, Элис выхватила из моих

рук подвязку и нырнула под шлейф. Почувствовав ее холодную руку на лодыжке, я невольно ахнула и пошатнулась, но Элис уверенно водрузила подвязку куда положено.

Выбраться из-под шлейфа она успела как раз вовремя – в комнату вошел Чарли с двумя пышными белыми букетами. Меня окутало облако нежного аромата роз, померанцев и фрезии.

Снизу раздались первые аккорды фортепианной мелодии – за инструмент села Розали, второй в семье музыкант после Эдварда. Узнав канон ре-мажор Пахальбея, я едва не задохнулась от волнения.

– Спокойнее, Беллз! – Чарли с тревогой повернулся к Элис. – Кажется, ей нехорошо. Думаешь, она выдержит?

Папин голос доносился как сквозь вату. Я не чувствовала ног.

– Еще как!

Элис подошла вплотную ко мне и, пристально глядя в глаза, обхватила запястья сильными пальцами.

– Белла, сосредоточься. Эдвард ждет внизу.

Я глубоко вдохнула, заставляя себя собраться.

Первая мелодия плавно перетекла в следующую.

– Беллз, наш выход! – подтолкнул меня папа.

– Белла? – позвала Элис, не отрывая пристального взгляда.

– Да, – пропищала я. – Эдвард. Точно.

Элис потянула меня за руки, и я покорно поплыла за ней.

Музыка заиграла громче. Мелодия плыла по лестнице вместе с благоуханием миллиона цветов. Только одна мысль – внизу ждет Эдвард – заставляла меня переступать ногами и двигаться вперед.

Знакомая мелодия. Традиционный марш Вагнера в праздничной аранжировке.

– Моя очередь! – пропела Элис. – Сосчитай до пяти – и спускайся следом.

Плавно и грациозно, как в танце, она двинулась по ступенькам. Я вдруг поняла, чем рискую, получив Элис в единственные подружки невесты. После нее я покажусь совсем деревянной и неуклюжей.

Внезапно в ликующую мелодию ворвались фанфары. Теперь точно мой выход.

– Папа, смотри, чтобы я не упала, – шепнула я. Чарли крепко взял меня под руку.

«Осторожно, по шажочку!» – напомнила я самой себе, и мы стали спускаться в медленном темпе марша. При виде меня гости начали оживленно перешептываться, но я не поднимала глаз, пока ноги не ступили на ровный пол. Румянец заливал щеки. Розовая от смущения невеста-скромница – это я, во всей красе.

Как только коварная лестница осталась позади, я забежала глазами в поисках Эдварда. На миг взгляд запутался в облаках белых цветов, гирляндами обвивавших все неподвижные предметы в помещении, и струящихся нитях белых га-

зовых лент. Но я заставила себя оторваться от пышного навеса и заметалась глазами по рядам обтянутых атласом стульев. Под устремленными на меня взглядами я покраснела еще больше – и тут наконец отыскала его, рядом с аркой, обрамленной настоящим водопадом цветов и лент.

Рядом с ним стоял Карлайл, а чуть поодаль – папа Анджелы, но я их не замечала. Я не видела маму, которая сидела где-то в первом ряду, не видела своих новых родственников и гостей – сейчас не до них.

Единственное, что я видела, было лицо Эдварда, заполнившее все мои мысли и чувства. Его глаза горели расплавленным золотом, а прекрасные черты казались почти суровыми от обилия переживаний. Но стоило ему встретиться со мной взглядом, и лицо озарила счастливая улыбка.

В этот миг только крепкое пожатие Чарли помешало мне кинуться сломя голову к алтарю.

Теперь я, наоборот, большим усилием заставляла ноги двигаться медленнее, подстраиваясь под размеренный ритм марша. К счастью, до арки было недалеко. Вот и она, наконец! Эдвард протянул руку. Чарли древним как мир символическим жестом накрыл его перевернутую ладонь моей. Я почувствовала прикосновение холодных пальцев, и на сердце воцарились мир и покой.

Мы обменялись клятвами – обычные традиционные слова, миллион раз произнесенные у алтаря до нас, хотя вряд ли в мире нашлась другая такая же необычная пара. По нашей

просьбе мистер Вебер внес единственное крошечное изменение и покорно проговорил вместо «пока смерть не разлучит нас» более логичное «отныне и навеки».

И только тут, когда священник произнес эти слова, полный кавардак в моей голове наконец исчез, и мысли пришли в порядок. Я поняла, как глупо было бояться свадебной церемонии, будто непрошеного подарка на день рождения или нелепой показухи выпускного. Заглянув в сияющие ликованием глаза Эдварда, я осознала, что не только он добивается сегодня своего, но и я. Мы вместе навсегда, а остальное не важно.

Пришло время произнести главные слова, и я вдруг осознала, что из глаз катятся слезы.

– Да! – выдохнула я едва слышным шепотом, смаргивая пелену с ресниц, чтобы видеть лицо Эдварда.

Его ответ прозвучал громко и победно.

– Да!

Мистер Вебер объявил нас мужем и женой, и Эдвард бережно, как бутон благоухающего у нас над головами цветка, взял в ладони мое лицо. Я смотрела на него сквозь застилающую глаза пелену, пытаюсь осознать невероятное – этот удивительный человек теперь мой. У него по щекам, казалось, тоже вот-вот покатятся слезы, но я знала, что это невозможно. Эдвард склонил голову, и я, приподнявшись на цыпочках, не выпуская букета из рук, обвила его за шею.

Поцелуй Эдварда был полон любви и нежности. Я забыла

о толпе гостей, о том, где мы и зачем мы здесь... Все, что я помнила, — он любит меня, я нужна ему, я принадлежу ему.

Он начал поцелуй, ему и заканчивать. Я прильнула к его губам, не обращая внимания на смешки и покашливания среди гостей. Наконец он убрал ладони от моего лица и отстранился (как скоро...), глядя на меня. Его улыбка могла показаться удивленной и даже слегка ехидной, но я прекрасно знала, что напускное изумление от моей неожиданной раскованности скрывает глубочайшую радость.

Собравшиеся взорвались громом аплодисментов, и Эдвард, обняв меня, развернулся к нашим друзьям и родным.

Меня тут же прижала к себе мама, ее залитое слезами лицо было первым, что я увидела, когда страшным усилием оторвала взгляд от Эдварда. А потом меня начали передавать от одного гостя к другому, из объятий в объятия... Я не видела лиц, чувствовала только руку Эдварда, крепко зажатую в своей. Человеческое тепло и холодные, осторожные прикосновения моей новой родни слились в одно целое.

И лишь от одного гостя полыхнуло настоящим жаром — Сет Клируотер прорвался сквозь толпу вампиров, чтобы поздравить меня вместо моего лучшего друга-оборотня, пропавшего без вести.

Глава 4

ВЫХОДКА

Торжественная церемония плавно перетекла в празднично-банкетную часть – заслуга Элис с ее незаурядным организаторским талантом. Над рекой сгустились сумерки, время было заранее рассчитано так, чтобы солнце успело скрыться за деревьями. Эдвард провел меня через стеклянные двери в сад, в море мерцающих огней и цветочного сияния. Еще тысяч десять цветов образовывали благоухающий воздушный навес над танцевальной площадкой между двух древних кедров.

Мягкий августовский вечер прогнал прочь суету. Приглашенные разбрелись под сенью мерцающих огоньков, друзья, едва выпустив нас из объятий, снова подходили с поздравлениями. Пришло время общаться и веселиться.

– Мои поздравления, ребята! – воскликнул Сет Клируотер, подныривая под цветочную гирлянду. Следом показалась его мать, Сью Клируотер, окидывающая гостей настоженным взглядом. Ее неширокое лицо казалось резким, и короткая строгая стрижка только усиливала впечатление. Ее дочь Ли тоже коротко стрижется. Интересно, это из солидарности? Билли Блэк, подошедший вместе с ними, выглядел в отличие от Сью спокойным.

При виде папы Джейкоба я каждый раз не могла отделать-

ся от ощущения, что передо мной два человека. Первый – пожилой мужчина в инвалидном кресле, морщинистый и беззубый, тот же, кого видят все остальные. И второй – прямой потомок могущественных вождей, обладающих волшебными способностями, в ореоле власти, данной ему от рождения. И пусть волшебство в его поколении не проявилось за отсутствием катализатора, Билли все равно остается частью древней легенды и носителем власти. Они у него в крови. И в крови его сына, который не желает эту волшебную силу принимать. А значит, вожаком и преемником остается Сэм Адли.

Билли выглядел на удивление спокойным, учитывая окружение и повод торжества. Его черные глаза лучились радостью, как будто от приятного известия. Я поражалась его выдержке. Ведь ему эта свадьба как кость в горле, худшей участи для дочери лучшего друга и не придумаешь.

Я понимала, какого труда ему стоило справиться с чувствами, тем более что наша свадьба несет угрозу для древнего уговора, заключенного между квилетами и Калленами, запрещающего вампирам создавать себе подобных. Волки знали, что уговор вот-вот будет нарушен, но как они себя поведут, для Калленов оставалось загадкой. До альянса разрыв уговора означал бы только войну. Квилеты напали бы без промедления. Теперь, когда стороны знают друг друга чуть ближе, может быть, конфликт удастся погасить?

Словно в ответ на мои мысли, Сет подался вперед с рас-

простертыми для Эдварда объятиями. Эдвард обнял его свободной рукой. Сю едва заметно вздрогнула.

– Как хорошо, что у вас все получилось! Я ужасно за вас рад!

– Спасибо, Сет. Мне очень дороги твои слова. – Отстранившись, он обратился к Сю и Билли: – И вам спасибо! За то, что позволили Сету прийти. И что радуетесь за Беллу.

– Не стоит благодарности. – В густом баре Билли прозвучал неожиданный оптимизм. Неужели не за горами новое, более прочное перемирие?

Увидев, что позади скапливается очередь, Сет откланялся и покатил кресло Билли к столам с закусками. Сю держала обоих под руки.

Вслед за ними к нам прорвались Анджела и Бен, потом родители Анджелы, а потом Майк с Джессикой, которые, к моему удивлению, не размыкали рук. А я и не знала, что они снова вместе. Приятный сюрприз!

Моих человеческих друзей сменила новоиспеченная родня, клан вампиров из Денали. С бьющимся сердцем я смотрела, как первая из них – судя по клубничному оттенку светлых волос, Таня – обнимает Эдварда. Рядом с ней стояли еще трое вампиров, разглядывая меня с неприкрытым любопытством. Одна пепельная блондинка с прямыми, как дождь, волосами и двое темноволосых, мужчина и женщина, с бледной, едва заметного оливкового оттенка кожей.

Все четверо были так прекрасны, что у меня внутри все

сжалось.

Таня по-прежнему прижималась к Эдварду.

– Эдвард! Как я по тебе соскучилась.

Эдвард с коротким смешком высвободился из объятий и, положив ладонь ей на плечо, отступил на шаг, будто чтобы окинуть давнюю знакомую взглядом.

– Да, Таня, столько времени прошло. Отлично выглядишь.

– Ты тоже.

– Позволь представить тебе мою жену. – Эдвард впервые после окончания церемонии воспользовался официальным титулом, и вид у него был такой, словно он сейчас лопнет от удовольствия. Гости из Денали весело рассмеялись в ответ. – Таня, это моя Белла.

Таня, воплощая мои худшие кошмары, сияла красотой. Скользнув по мне чуть более оценивающим, чем позволяют приличия, взглядом, она взяла мою протянутую руку.

– Добро пожаловать в нашу семью, Белла, – с горьковатой улыбкой произнесла она. – Мы действительно считаем себя частью семьи Карлайла, и я очень сожалею о том... эпизоде... когда мы предали родственные узы. Нам следовало познакомиться раньше. Простишь ли ты нас?

– Конечно! – выдохнула я. – Приятно познакомиться.

– Теперь все Каллены по парам. Дальше наш черед, а, Кейт? – Она подмигнула блондинке.

– Мечтать не вредно. – Ее сестра закатила золотистые гла-

за и крепко сжала мою руку. – Добро пожаловать, Белла!

Темноволосая вампирша накрыла наши руки своей.

– Я Кармен. А это Елеазар. И мы очень рады наконец-то увидеться с тобой.

– Вз-заимно. – С легкой запинкой выговорила я.

За Таней дожидались своей очереди нас поздравить папин заместитель Марк и его жена, уставившиеся на красавиц из Денали широко раскрытыми глазами.

– У нас еще будет время, чтобы как следует узнать друг друга. Целая вечность! – рассмеялась на прощание Таня.

Все шло своим чередом, согласно традиции. Под огнем слепящих вспышек мы с Эдвардом занесли нож над грандиозным свадебным тортом – чересчур большим для нашей довольно скромной компании друзей и родных. Потом по очереди кормили им друг друга, и Эдвард мужественно проглотил свой кусок (провожаемый моим изумленным взглядом). Я неожиданно ловко швырнула букет, и он угодил прямо в руки не ожидавшей такого счастья Анджелы. Эмметт с Джаспером покатывались со смеху, глядя, как Эдвард – с величайшей осторожностью – снимает зубами одолженную подвязку (я предусмотрительно спустила ее чуть ли не до лодыжки). Лукаво подмигнув мне, он точным броском отправил ее в лицо Майку Ньютону.

А когда заиграла музыка, Эдвард притянул меня к себе, приглашая на традиционный первый танец. Хоть танцевать я так и не научилась – тем более перед публикой, – сопро-

тивляться и в мыслях не было, я просто таяла от счастья в его объятиях. Он вел уверенно, мне ничего не пришлось делать, только покружиться под мерцающими огоньками навеса и фотовспышками.

– Вам весело, миссис Каллен? – прошептал он мне на ухо.

Я рассмеялась:

– Уйма времени уйдет, пока привыкну.

– Уйма времени у нас найдется, – напомнил он звенящим от счастья голосом и, не прерывая танца, наклонился поцеловать меня. Защелкали вспышки.

Мелодия сменилась, и Чарли, незаметно подкравшись сзади, похлопал Эдварда по плечу.

С папой непринужденно вальсировать не получилось. Танцоры мы с ним оба еще те, поэтому просто переступали на раз-два-три по маленькому квадрату. Эдвард тем временем подхватил Эсми, и они закружились вихрем – вылитые Фред Астер и Джинджер Роджерс.

– Без тебя дом опустеет, Белла. Я уже скучаю.

В горле стоял ком, но я попыталась отшутиться:

– Теперь вся готовка на тебе, и это преступная халатность с моей стороны. Имеешь полное право посадить меня под арест.

Папа улыбнулся:

– Готовку я как-нибудь переживу. Ты, главное, навещать не забывай.

– Не забуду.

Я перетанцевала практически со всеми. Приятно было видеть старых друзей, но больше всего на свете мне хотелось бы не отрываться от Эдварда. Поэтому, когда, едва началась новая мелодия, он разбил нашу с Майком пару, я просияла от счастья.

– Все еще недолюбливаешь Майка? – поддела я Эдварда, увлекающего меня в танце на другую сторону площадки.

– С его-то мыслями? Пусть скажет спасибо, что с лестницы не спустил. Или еще чего похлеще.

– Ну да, конечно.

– А ты себя в зеркале видела?

– Э-э... Нет, кажется. Некогда было. А что?

– Боюсь, тогда ты даже не представляешь, как невыразимо прекрасна. Ничего странного, что бедняге Майку так и лезут в голову непристойные по отношению к чужой жене мысли. Как же Элис не заставила тебя хоть раз в зеркало глянуть?

– Твое предвзятое мнение в расчет не принимается.

С укоризненным вздохом Эдвард развернул меня лицом к дому. В стеклянной стене, как в огромном черном зеркале, отражались танцующие пары. Рука Эдварда протянулась к двум фигурам прямо напротив нас.

– Предвзятое, говоришь?

Я скользнула взглядом по отражению Эдварда, в точности воспроизводившему идеальные черты. Рядом с ним стояла темноволосая красавица. Нежная персиковая кожа, огромные сияющие от счастья глаза в обрамлении густых ресниц.

Узкое, как перчатка, мерцающее платье расходится внизу широким шлейфом, делая девушку похожей на перевернутый цветок каллы. В ней столько грации, столько изящества... Главное не шевелиться, а то все испорчу.

Я застыла, боясь, что моргну – и прекрасная незнакомка исчезнет, оставив меня прежней, но Эдвард вдруг окаменел и обернулся, как будто его окликнули.

– Вот оно что... – На лбу возникла озабоченная складка – и тут же разгладилась.

Эдвард как ни в чем не бывало сиял лучезарной улыбкой.

– В чем дело? – насторожилась я.

– Сюрприз для новобрачных.

– В смысле?

Вместо ответа он снова закружил меня в танце, увлекая в противоположную сторону, подальше от залитой светом площадки.

Остановились мы только под сенью раскидистого кедра. Эдвард устремил взгляд в густую темноту.

– Спасибо, – произнес он. – Очень... мило с твоей стороны.

– Милый – мое второе имя, – отозвалась темнота знакомым хрипловатым голосом. – Я вас разобью?

Ахнув, я схватилась за горло и чуть не рухнула в обморок – спасибо, Эдвард поддержал.

– Джейкоб! – выдохнула я, когда спазм прошел. – Джейкоб!

– Привет, Беллз!

Негнушмиися ногами я шагнула на голос. Эдвард не выпускал мой локоть, пока из темноты мне навстречу не протянулась другая пара крепких рук. Джейкоб притянул меня к себе, и от него полыхнуло жаром, от которого не спасла тонкая ткань платья. Танцевать он не пытался, только стоял, обнимая меня, а я уткнулась лицом ему в грудь. Склонив голову, он коснулся щекой моей макушки.

– Розали не простит, если я лишу ее права потанцевать с женихом, – вполголоса проговорил Эдвард, и я поняла, что он собирается оставить меня с Джейкобом наедине – щедрый подарок с его стороны.

– Джейкоб! – Я захлебнулась слезами. – Спасибо!

– Ну что ты нюни развела? Платье испортишь. Это всего лишь я.

– Всего лишь? Ох, Джейк! Теперь я совершенно счастлива.

– Еще бы! – фыркнул он. – Начинайте свадьбу. Шафер прибыл.

– Теперь все, кого я люблю, рядом.

Его губы коснулись моих волос.

– Прости, что задержался, подруга.

– Как я счастлива тебя видеть!

– В том и смысл.

Я мельком оглянулась на гостей, но за танцующими парами отыскать Билли Блэка там, где я его видела последний

раз, не удавалось. Может, он уже ушел.

– Билли знает, что ты здесь? – спросила я и тут же поняла, что да, знает. Как еще объяснить его приподнятое настроение?

– Сэм наверняка доложил. Я его навещу... когда все закончится.

– Он будет рад, что ты снова дома.

Джейкоб разжал объятия и выпрямился. Обвив меня одной рукой за талию, он задержал мою правую ладонь в своей и поднес к груди. Я почувствовала, как бьется его сердце, – видимо, на это и был расчет.

– Не знаю, удастся ли мне урвать еще один танец... – С этими словами Джейкоб медленно повел меня по кругу в собственном ритме, не имеющем ничего общего с мелодией на танцевальной площадке. – Так что воспользуюсь.

Мы танцевали под стук его сердца.

– Правильно, что пришел, – немного помолчав, произнес он вполголоса. – Не ожидал, что будет так хорошо. Но я рад, что увидел тебя... еще раз. Думал, будет больнее.

– Не хочу, чтобы тебе было больно.

– Знаю. И я пришел не затем, чтобы ты чувствовала себя виноватой.

– Что ты! Я счастлива. Лучшего подарка и придумать нельзя.

– Да? Хорошо. Потому что настоящего подарка я приготовить не успел, – рассмеялся он.

Глаза понемногу привыкали к темноте, и я разглядела его лицо – несколько выше, чем предполагала. Неужели он до сих пор растет? Так и за два метра перевалит. После долгой разлуки я с особой радостью изучала знакомые черты – глубоко посаженные глаза под кустистыми черными бровями, высокие скулы, полные губы, растянутые в насмешливой улыбке над белоснежными зубами. В глазах притаилось напряжение – осторожничают. Каждый свой шаг выверяет. Чтобы я была счастлива и не замечала, каких усилий ему стоит не сорваться.

Я не заслуживаю такого друга, как Джейкоб. Ни одним своим поступком.

– Почему ты вдруг решил вернуться?

– Сознательно или подсознательно? – Он глубоко вдохнул, прежде чем ответить на собственный вопрос. – Не понимаю. Потихоньку брел в этом направлении, ноги сами несли. А утром вдруг взял и помчался бегом. Не знал, успею или нет. – Он рассмеялся. – Не представляешь, как странно снова ходить на двух ногах. Да еще в одежде! А еще страннее, что мне это странно. Я и предположить не мог. Отвык от всего человеческого.

Мы медленно кружили в танце.

– Но я бы очень много потерял, если бы не увидел тебя такой. Ради этого стоило побегать. Ты невероятно красивая, Белла.

– Элис постаралась. И потом, здесь темно.

– Мне светло, ты ведь знаешь.

Да, правда. Обостренные чувства оборотня. Но глядя на него в человеческом облике, о них и не вспомнишь. Тем более в такой момент.

– Ты подстригся, – обратила внимание я.

– Да. Так проще. Решил, что пока есть руки, надо ими пользоваться.

– Хорошо вышло. – Тут я слукавила.

Джейкоб фыркнул:

– Точно. Обкорнал ржавыми кухонными ножницами. – Широкая улыбка вдруг померкла, и он посерьезнел. – Белла, ты счастлива?

– Да.

– Ладно. – Джейкоб пожал плечами. – Это главное.

– А ты как, Джейкоб? Если по правде?

– Все в порядке. По правде. За меня не беспокойся. И Сета не тереби.

– Я его не поэтому тереблю. Он мне нравится.

– Да, он хороший парень. И с ним куда проще, чем с некоторыми. Ох, если бы еще отключить этот хор голосов в голове, тогда и в волчьем облике не жизнь была бы, а малина.

Я рассмеялась:

– Да уж. Мне бы тоже отключить.

– Тоже голоса? Значит, крыша поехала. Хотя я и так всегда знал, что с головой у тебя не в порядке.

– Ну спасибо!

– Нет, по-моему, сумасшествие лучше, чем общий эфир со всей стаей. Гудят себе голоса в голове и гудят, не порываясь чуть что прислать няньку...

– А?

– Сэм вышел за мной приглядеть. И еще парочка. На всякий, понимаешь ли, пожарный.

– Какой пожарный?

– Ну, вдруг я не смогу держать себя в руках. И устрою дебош. – На губах мелькнула улыбка – «а что, хорошая мысль». – Я здесь не затем, чтобы портить тебе свадьбу, Белла. Я здесь затем... – он не договорил.

– Чтобы сделать ее идеальной.

– Высокая планка.

– Так ты и есть высокий.

Джейкоб застонал от моего примитивного каламбура, а потом горестно вздохнул.

– Я здесь как твой друг. Лучший друг, в последний раз.

– Сэм зря тебе не доверяет.

– Может, я слишком близко к сердцу все принял. Может, они все равно пришли бы – прикрыть Сета. Вампиров-то уйма вокруг. А Сету по барабану.

– Потому что Сет знает, что никакой угрозы нет. Он чувствует Калленов куда лучше, чем Сэм.

– Ну да, да. – Джейкоб поспешил спустить все на тормозах, пока я не вспылила.

Когда он успел стать таким дипломатом?

– Жаль, что тебя так донимают. Если бы я могла хоть чем-нибудь помочь... – И не только в этом.

– Не так уж все и плохо. Просто ною.

– Ты... счастлив?

– Почти. Но что мы все обо мне? Сегодня твой день. – Он хохотнул. – Ты небось на седьмом небе от восторга? Столько внимания...

– А то! Всегда мечтала.

Рассмеявшись, Джейкоб вдруг посмотрел куда-то поверх моей головы. Сжав губы, он скользил взглядом по сияющим огням, по кружащимся в танце парам, по невесомо опускающимся на землю белым лепесткам с гирлянд. Я тоже оглянулась. Отсюда, из темноты и тишины, праздничная кутерьма казалась необычно далекой. Как будто смотришь на вихрящиеся хлопья в снежном шаре.

– Да, этого у них не отнять. Умеют устроить праздник! – признал он.

– Все Элис. Ее, как ураган, с пути не свернешь.

Джейкоб вздохнул.

– Вот и кончилась песня. Можно еще один танец? Или я зарываюсь?

Я крепко сжала его руку.

– Сколько хочешь.

– Заманчиво, – рассмеялся он. – Нет уж, ограничусь двумя. А то пойдут слухи...

Мы сделали еще круг.

– Пора бы уже мне привыкнуть с тобой прощаться, – пробормотал Джейкоб.

Я сглотнула, пытаюсь подавить предательский ком в горле.

Джейкоб посмотрел на меня и, нахмурившись, провел кончиками пальцев по моей щеке, смахивая слезы.

– Не твой сегодня черед плакать, Белла.

– Все плачут на свадьбе, – сдавленным голосом проговорила я.

– Ты ведь этого хотела?

– Да.

– Значит, улыбнись.

Я попробовала. Джейкоб рассмеялся, увидев мою жалкую гримасу.

– Надо запомнить тебя такой. А потом представить, что ты...

– Что я что? Умерла?

Он стиснул зубы. Нелегко преодолеть себя, раз уж дал слово дарить мне сегодня только радость и воздержаться от комментариев. Хотя я догадывалась, что он хочет сказать.

– Нет, – наконец произнес Джейкоб. – Но вспоминать я тебя буду такой. Румянец на щеках. Стук сердца. Обе ноги левые. Вот так.

Я с чувством наступила ему на ногу.

Джейк расплылся в улыбке.

– Во-от! Узнаю свою подругу.

Он хотел еще что-то сказать и вдруг резко захлопнул

рот. Вновь эта внутренняя борьба и стиснутые зубы, чтобы непрощенные слова не прорвались наружу.

До чего же легко мне было когда-то дружить с Джейкобом... Почти как дышать. Но с тех пор как в мою жизнь вернулся Эдвард, между нами выросла стена. Ведь – по мнению Джейкоба – выбирая Эдварда, я выбираю участь если не худшую, чем смерть, то примерно равную.

– Что такое, Джейк? Скажи. Я пойму.

– Н-ничего.

– Ну давай. Говори уже, что хотел сказать.

– Я... Все наоборот. Не сказать, а спросить. Чтобы ты мне кое-что сказала.

– Ну так спрашивай.

Еще минуту он мучился сомнениями, потом выдохнул:

– Нет, не надо. Не важно. Просто нездоровое любопытство.

И тут я догадалась – мне ли его не знать?

– Нет, Джейк, это произойдет не сегодня, – прошептала я.

Мой человеческий облик заботил Джейка еще больше, чем Эдварда. Он дорожил каждым стуком моего сердца, зная, что биться ему осталось недолго.

– А, – пытаюсь скрыть облегчение, ответил он. – Ну да.

Мелодия снова сменилась, но в этот раз Джейк даже не заметил.

– А когда же?

– Не знаю точно. Через неделю-другую.

– В чем задержка? – уже другим, напряженным, с легкой издевкой голосом поинтересовался он.

– Не хотелось бы весь медовый месяц корчиться от нестерпимой жажды.

– А чем же вы тогда займетесь? В шашки будете играть? Ха-ха-ха!

– Очень смешно...

– Шутка, Беллз. Но я честно не понимаю. Настоящий медовый месяц вам с вампиром все равно не положен, так зачем? Давай начистоту. Ты уже не первый раз отодвигаешь решающий момент. Что, кстати, и к лучшему, – неожиданно серьезно оговорился он. – К чему притворяться?

– Ничего я не отодвигаю! – отрезала я. – А медовый месяц у нас будет самый настоящий! Имею право! И не лезь.

Джейк резко перестал меня кружить. «Неужели заметил, что мелодия давно играет не та?» – удивилась я и стала прикидывать, как бы поскорее загладить размолвку. Нехорошо прощаться на такой ноте.

Но его глаза расширились от недоумения и ужаса.

– Что? – задохнулся Джейкоб. – Что ты сказала?

– Когда? Джейк! Ты что?

– В каком это смысле? Настоящий медовый месяц? Пока ты еще человек? Скажи, что пошутила! И шуточки у тебя, Белла, идиотские!

Я сверкнула глазами.

– Говорю же, не лезь, Джейк! Тебя это абсолютно не ка-

сается. Зря я... Не надо было даже разговор заводить. Это мое личное...

Огромными руками он сграбастал меня за плечи, сжимая так, что костяшки пальцев побелели.

– Ай, Джейк, больно! Отпусти!

Он встряхнул меня.

– Белла! У тебя правда крыша поехала? Нельзя быть такой дурой! Скажи, что пошутила!

Джейк встряхнул меня еще раз. Руки, которыми он сжимал меня как в тисках, задрожали пронизывающей до костей дрожью.

– Джейк, прекрати!

Темнота вдруг ожила.

– Убери руки! – ледяным и острым, как бритва, тоном отрезал Эдвард.

За спиной Джейкоба раздался негромкий рык, следом почти сразу же еще один.

– Джейк, братишка, перестань, – уговаривал Сет Клируо-тер. – Ты чуток перегнул.

Джейкоб как будто окаменел, уставившись перед собой широко распахнутыми, полными ужаса глазами.

– Ей же больно! – шепнул Сет. – Отпусти!

– Сию секунду! – рявкнул Эдвард.

Руки Джейкоба безвольно повисли. Не успела я понять, что происходит, как вместо горячих ладоней меня обхватили холодные, и вокруг заструился рассекаемый воздух.

Моргнув, я поняла, что стою метрах в двух от прежнего места. Настороженный Эдвард прикрывает меня собой. Между ним и Джейкобом два напряженных мышцы волка – впрочем, на драку они, судя по всему, не настроены. Скорее пытались предотвратить.

А Сет – неокрепший пятнадцатилетний пацан – обхватил сопротивляющегося Джейкоба и пытается оттащить. Если Джейкоб перевоплотится прямо в объятиях Сета...

– Джейк, не надо! Пойдем...

– Я тебя убью! – севшим от ненависти голосом прохрипел Джейкоб. Устремленный на Эдварда взгляд полыхал яростью. – Своими руками! Сию секунду! – Его затрясло.

Черный волк, тот, что покрупнее, утробно зарычал.

– Сет, в сторону! – прошипел Эдвард.

Упрямый Сет снова попробовал сдвинуть Джейка с места. И сдернул почти на метр – от ярости тот даже сопротивляться не мог.

– Не надо, Джейк. Пойдем! Ну же!

На помощь Сету пришел Сэм – тот самый громадный черный волк. Он уткнулся мордой Джейку в грудь и подтолкнул.

Вся троица – трясущийся Джейк на буксире у Сета и подталкивающий спереди Сэм – моментально растворилась в темноте.

Оставшийся волк посмотрел им вслед. В полумраке не видно, какая у него шкура; если шоколадно-коричневая, тогда это, возможно, Квил.

– Прости, – шепнула я волку.

– Все хорошо, Белла, все хорошо, – пробормотал Эдвард.

Волк перевел взгляд на него. Не сказать чтобы дружжелюбный взгляд. Эдвард ответил холодным кивком. Коротко фыркнув, волк удалился вслед за остальными и исчез в темноте.

– Ну что ж, – отметил про себя Эдвард и обратился ко мне: – Пойдем обратно.

– Но Джейк...

– Сэм его скрутит. Они ушли, все.

– Эдвард, прости! Я так сглупила...

– Ничего страшного ты не сделала.

– Кто меня за язык тянул? Чем я думала?

– Не волнуйся. – Он коснулся моего лица. – Надо идти обратно, пока нас не хватились.

Я непонимающе покачала головой. «Пока не хватились»? Неужели кто-то умудрился пропустить такое зрелище?

А потом, прокрутив случившееся в голове, я поняла, что катастрофу удалось уладить в мгновение ока, причем в полной тишине и вдали от посторонних глаз.

– Дай мне пару секунд, – взмолилась я.

В душе бушевали паника и отчаяние, но сейчас не до них, сейчас нужно сохранить лицо. Этому мне еще учиться и учиться.

– Как платье?

– Все в порядке. И прическа волосок к волоску.

Я сделала два глубоких вдоха.

– Хорошо, идем.

Обняв меня за плечи, Эдвард направился к освещенной площадке и под мерцающим навесом легко влился в круг танцующих пар – будто мы и не исчезали никуда.

Я украдкой оглядела гостей: нет, ни испуга, ни возмущения на лицах не видно. Только на самых бледных читаются признаки беспокойства, но и те искусно скрыты. Джаспер и Эмметт не отходят от края площадки – видимо, какие-то отголоски схватки до них донеслись.

– Ты...

– Я нормально. Просто поверить не могу. Что со мной не так?

– Все с тобой так.

Я была так рада видеть Джейкоба. Я знала, на какие жертвы он идет, чтобы здесь появиться. А потом взяла и все испортила, превратила сюрприз в склоку. Меня надо посадить под замок.

Но я не позволю, чтобы по моей дурости погибло все остальное. Задвинем случившееся в самый дальний угол, запрем на ключ – разберемся потом. Для самобичевания будет достаточно времени, сейчас все равно ничего не поправишь.

– Не надо больше об этом, – попросила я.

Я думала, Эдвард моментально согласится, но он промолчал.

– Эдвард?

Закрыв глаза, он прижался ко мне лбом.

– Джейкоб прав, – тихо произнес он. – О чем я думаю?

– Нет, не прав. – Ради толпы гостей я пыталась сохранить напускную беззаботность. – Джейкоб слишком субъективен, чтобы мыслить здраво.

Эдвард что-то пробормотал, я разобрала только: «Пусть бы лучше убил меня за одну только мысль...»

– Прекрати! – велела я и, сжав его лицо в ладонях, подождала, пока он откроет глаза. – Ты и я. Остальное не важно. Больше ни о чем тебе сейчас думать нельзя. Слышишь?

– Да, – вздохнул он.

– Забудь, что приходил Джейкоб. – У меня же получается. Должно получиться. – Ради меня. Обещай, что не будешь вспоминать.

Пристально посмотрев мне в глаза, он кивнул:

– Обещаю.

– Спасибо, Эдвард. Я не боюсь.

– А я боюсь, – прошептал он.

– Ну так не бойся! – улыбнулась я. – И кстати, я люблю тебя.

Он улыбнулся:

– Поэтому мы и тут.

– Ты монополизируешь невесту, – укоризненно произнес подошедший к Эдварду со спины Эмметт. – Дай и мне потанцевать с младшей сестричкой. Вряд ли у меня будет еще шанс заставить ее покраснеть. – И громко засмеялся, как

обычно не обращая ни малейшего внимания на перемены в атмосфере.

Оказалось, что я все-таки много с кем еще не танцевала, зато смогла успокоиться и прийти в себя, пока исправляла упущение. Поэтому когда Эдвард потребовал меня обратно, «ящичек» с мыслями о Джейке был задвинут далеко и надолго. В объятиях Эдварда ко мне вернулись прежняя радость и уверенность, что все в моей жизни сложилось как надо. Улыбнувшись, я опустила голову ему на грудь. Руки, сжимающие меня в объятиях, чуть напряглись.

– Я, кажется, привыкаю.

– Больше не стесняешься танцевать? Не может быть!

– Танцевать не так уж и страшно – если с тобой. Но я про другое. – Я прижалась к нему крепче. – Исчезает страх, что ты со мной расстанешься.

– Никогда не расстанусь! – пообещал он, наклоняясь поцеловать меня.

Поцелуй был серьезным – долгим и настойчивым...

И когда я уже успела забыть, где мы, раздалась серебряная трель Элис:

– Белла! Пора!

Я почувствовала укол раздражения – умеет моя новоиспеченная сестра выбрать время.

Эдвард оставил ее слова без внимания, только губы стали еще настойчивее. Мое сердце колотилось как бешеное, а ладони вспотели.

– На самолет хотите опоздать? – Голос прозвучал уже почти над ухом. – Милое дело – провести медовый месяц в аэропорту, дожидаясь следующего рейса.

Эдвард оторвался на секундочку, чтобы пробормотать: «Элис, уйди!» – и снова прильнул ко мне губами.

– Белла, в самолет в свадебном платье полезешь? – Элис гнула свою линию.

Я не откликнулась. Какая мне разница?

Элис недовольно заворчала:

– Тогда я сейчас скажу ей, куда вы летите, Эдвард. Вот возьму и скажу!

Эдвард замер. Потом, неохотно отстранившись, грозно глянул на свою обожаемую сестру.

– Такая маленькая на вид – и такая зануда!

– То есть я, по-твоему, дорожный костюм ей зря готовила? – возмутилась Элис, хватая меня за руку. – Пойдем, Белла!

Вместо того чтобы покорно потянуться за ней, я приподнялась на цыпочках и еще раз поцеловала Эдварда. Элис нетерпеливо дернула меня за руку, чтобы я наконец оторвалась. Послышался смех. Тогда я сдалась и послушно пошла за Элис в пустой дом.

Вид у нее был недовольный.

– Ну извини, – покаялась я.

– Да я не сержусь, Белла, – вздохнула она. – Но самой тебе не справиться.

Глядя на ее скорбное лицо, я не смогла сдержать улыбку, и Элис тут же нахмурилась.

– Элис, спасибо тебе! Ты устроила самую прекрасную на свете свадьбу, – искренне поблагодарила я. – Все прошло идеально. Ты у меня самая лучшая, самая умная и самая талантливая сестра в мире!

Моментально оттаявшая Элис просияла.

– Рада, что тебе понравилось!

Наверху ждали Эсми и Рене. В шесть рук они с Элис быстро вытряхнули меня из платья и облачили в темно-синий дорожный костюм, заранее отобранный Элис. Чьи-то добрые пальцы вынули шпильки из моей прически, и волнистые от косичек волосы свободно заструились по спине. По маминому лицу непрерывно катились слезы.

– Я тебе позвоню, как только узнаю, куда мы летим, – пообещала я, обнимая ее на прощание. Вот уж кто с ума сходит от неизвестности – мама терпеть не может сюрпризы... особенно если ее в тайну не посвятили.

– Я вам все расскажу, как только Белла уедет, – перебила Элис, самодовольно улыбаясь при виде моей обиженной физиономии. Ну вот! Несправедливо, что я узнаю все самой последней.

– Приезжайте к нам с Филом поскорее. Вам надо на юг, хоть на солнышке погрееетесь, – настаивала Рене.

– Сегодня дождя не было! – возразила я, ловко увильывая от обещания.

– Только чудом.

– Все готово! – объявила Элис. – Вещи в машине, Джаспер ее сейчас подгонит. – И она поволокла меня к лестнице. Рене кинулась за нами, пытаясь обнять меня на ходу.

– Мам, я люблю тебя, – шепнула я, спускаясь. – Как хорошо, что ты с Филом. Берегите друг друга.

– Я тебя тоже люблю, Белла, солнышко!

– Пока, мама. Люблю тебя, – еще раз повторила я прерывающимся голосом.

Эдвард ждал внизу, протягивая мне руку. Я сжала его ладонь, но мой взгляд тут же обеспокоенно забегал по небольшой группке собравшихся нас провожать.

– Где папа? – Я никак не могла его найти.

– Вон он, – вполголоса ответил Эдвард и потянул меня за собой.

Гости расступились. Чарли, оказывается, неуклюже подпирал стену позади всех, как будто нарочно спрятался. Покрасневшие глаза подтвердили мою догадку.

– Ой, пап...

Я прижалась к нему, не сдерживая льющихся ручьем слез, – что-то у меня сегодня глаза на мокром месте. Папа успокаивающе похлопал меня по спине.

– Ну что ты, что ты... Так на самолет опоздаешь.

Нелегко было сказать Чарли, как я его люблю, – в этом мы с ним похожи: нам проще перевести разговор на пустяки, чем признаться в чувствах. Нет уж, надо отбросить сму-

щение.

– Я всегда буду любить тебя, пап. Не забывай.

– Я тоже, Беллз. Любил и буду любить.

Мы одновременно чмокнули друг друга в щеку.

– Позвони! – напомнил он.

– Обязательно, – пообещала я, зная, что больше ничего обещать не могу. Только звонить. Маме с папой нельзя больше со мной видаться, я стану совсем другой – и крайне опасной.

– Тогда поезжай, – глухо напутствовал папа. – А то опоздаете.

Гости снова расступились. Эдвард, шагая к выходу, обнял меня покрепче.

– Ну что, готова?

– Да! – И это была чистая правда.

Под всеобщие аплодисменты Эдвард поцеловал меня в дверях, и мы кинулись к машине, осыпаемые рисовым дождем. Большая часть пролетела мимо, но чья-то метко запущенная горсть (наверняка Эмметт!) срикошетила от спины Эдварда и угодила прямо в меня.

Машина тоже купалась в цветах – длинные гирлянды тянулись вдоль корпуса, а позади болтались привязанные к бамперу невесомыми газовыми лентами туфли – ни разу не надетая дизайнерская обувь.

Я пробралась в машину, пока Эдвард прикрывал меня от рисового града, и он скользнул следом. Машина рванула с

места, я успела помахать рукой в окно и крикнуть «Люблю вас!» всем родным, собравшимся у дверей.

Последнее, что я успела заметить, были мои родители. Фил нежно обнимал маму за плечи. Она обвила его рукой за талию, но другой держала за руку папу. Настоящая симфония разных образов любви. Картина показалась мне весьма оптимистичной.

Эдвард сжал мою руку.

– Я люблю тебя!

Я прижалась к его плечу и процитировала им же сказанное:

– Поэтому мы здесь.

Он коснулся губами моих волос.

Когда мы выехали на темное шоссе и Эдвард по-настоящему прибавил газу, сквозь урчание мотора донесся какой-то звук. Из леса. Если слышно мне, то Эдварду тем более. Но он не произнес ни слова. Я тоже промолчала.

Пронзительный, полный тоски вой затихал вдали, пока не смолк совсем.

Глава 5

ОСТРОВ ЭСМИ

– Хьюстон? – удивилась я, когда в Сиэтле мы прошли на посадку.

– Промежуточная остановка, – с улыбкой пояснил Эдвард.

Потом я почувствовала, как он меня будит, хотя только на секундочку задремала. Полусонная, я тащила за ним по аэропорту, после каждого моргания заново вспоминая, как открывать глаза. Поэтому, когда мы остановились в зале международных вылетов и встали в очередь на регистрацию, до меня не сразу дошло.

– Рио-де-Жанейро? – уже с беспокойством переспросила я, прочитав надпись на мониторе.

– Тоже пересадка, – кивнул Эдвард.

Перелет оказался долгим, но мы устроились с комфортом в салоне первого класса, и я уснула в объятиях Эдварда. На этот раз поспать удалось как следует. Я проснулась неожиданно бодрой, когда самолет уже начал заходить на посадку. В иллюминаторы проникали косые лучи заходящего солнца.

Вопреки моим предположениям мы не остались в аэропорту и не пошли пересаживаться на следующий рейс. Такси мчало нас по темным улицам Рио, где кипела бурная жизнь. Не разобрав ни слова из того, что Эдвард на беглом португальском объяснял водителю, я сообразила, что мы, судя

по всему, едем в гостиницу, переночевать и набраться сил перед следующим этапом путешествия. В животе шевельнулось что-то похожее на мандраж. Такси летело по бурлящим улицам, но вот оживление заметно спало, и впереди показалась западная окраина города, вдающаяся в океан.

Такси затормозило в доках.

Эдвард уверенно зашагал вдоль белоснежных яхт, показывающихся на темной воде. Та, у которой он остановился, казалась поменьше и стройнее остальных – сразу видно, скоростная, а не плавучий дом. При этом все равно роскошная, просто более изящная. Эдвард ловко, несмотря на тяжеленные чемоданы, прыгнул на борт. Сгрузив багаж на палубу, он протянул руку, помогая мне забраться.

Я молча смотрела, как он готовит яхту к отплытию, поражаясь его уверенным и точным движениям – он ведь никогда даже не упоминал, что интересуется морем. С другой стороны, когда у него что-то получалось неидеально?

Мы взяли курс на восток, в открытый океан, и я попыталась восстановить в памяти школьную географию. Хм... Не припомню ничего существенного к востоку от Бразилии... Разве что Африка?

Эдвард вел яхту полным ходом прямо вперед, пока огни Рио не растаяли за кормой. На лице его сияла восторженная улыбка – движение, скорость, что еще нужно для счастья... Яхта рассекла носом волну, и меня окатило фонтаном брызг. Наконец упорно сдерживаемое любопытство взяло верх.

– А нам еще долго плыть?

Вряд ли Эдвард позабыл о моих человеческих слабостях, но мало ли – вдруг он решит пожить какое-то время на этом суденышке?

– Полчаса примерно. – Заметив, как я вцепилась в сиденье, он улыбнулся.

Ну-ну... Он, в конце концов, вампир. Может и в Атлантиду увезти.

Прошло двадцать минут, и я услышала, как Эдвард зовет меня, перекрикивая рев мотора.

– Белла, смотри! – Он показывал куда-то вперед.

Там ничего не было, только крошечная тьма и лунная дорожка на воде. Но присмотревшись получше, я разглядела темное пятно на посеребренных лунным светом волнах. Я прищурилась, и силуэт обрел очертания. Приземистый неправильный треугольник, один угол тянется длинным хвостом, зарываясь в волны. Мы подошли поближе, и верхняя кромка треугольника закачалась под легким бризом пушистыми перьями.

Я моргнула, и образ вдруг сложился в одно целое – прямо по курсу из океана вставал крошечный островок с раскидистыми пальмами и сияющим под луной пляжем.

– Где мы? – прошептала я в изумлении. Яхта тем временем огибала остров, двигаясь к северной оконечности.

Эдвард умудрился расслышать мой шепот за рокотом двигателя и расплылся в широченной сияющей улыбке.

– Это остров Эсми.

Яхта с картинной точностью причалила к выбеленному лунным светом деревянному пирсу. Эдвард заглушил мотор, и мир погрузился в непривычно глубокую тишину. Только плеск волн за бортом и шелест бриза в пальмах. Воздух теплый, влажный и напоен ароматами – как в ванной после горячего душа.

– Эсми? – Я переспросила вполголоса, но в ночной тишине вопрос все равно прозвучал чересчур громко.

– Подарок от Карлайла. Эсми нам его любезно одолжила. Подарок. Разве острова дарят? Я озадаченно сморщила лоб. Могла бы и раньше догадаться, что неслыханная щедрость Эдварда имеет семейные корни.

Сгрузив чемоданы на пирс, он обернулся, чтобы помочь мне сойти. Но вместо того чтобы просто поддержать, одним махом подхватил меня на руки.

– Полагается вроде переносить через порог? – обрета дар речи, поинтересовалась я, когда мы приземлились на доски причала.

– Все продумано! – улыбнулся Эдвард.

Ухватив свободной рукой два огромных чемодана на колесиках, Эдвард донес меня до песчаной тропинки, теряющейся в буйных зарослях.

Сперва я ничего не могла разобрать в этих джунглях, потом впереди показалось светлое пятно. И когда стало ясно, что это никакое не пятно, а дом, светящийся двумя широ-

кими окнами по обеим сторонам от входной двери, на меня опять напал мандраж. Еще худший, чем когда я думала, что мы сейчас заселимся в гостиницу.

Я почти слышала, как стучит по ребрам сердце, дыхание перехватило. Не в силах поднять взгляд на Эдварда, я смотрела невидящими глазами прямо перед собой.

Эдвард вопреки обыкновению даже не спрашивал, о чем я думаю. Получается, ему тоже страшно стало.

Он поставил чемоданы на широкую веранду, чтобы освободить руку и открыть дверь – гостеприимно незапертую.

Перед тем как перенести меня через порог, он дождался, пока я все же взгляну ему в глаза.

А потом в молчании пронес по всему дому, зажигая на ходу свет в комнатах. Дом показался мне довольно большим для крошечного островка – и смутно знакомым. Привычная цветовая гамма Калленов, пастельно-кремовая. Как будто и не уезжали. Подробностей я, впрочем, не разглядела. Из-за бешено стучащего в ушах пульса все слилось в одно сплошное пятно.

И тут Эдвард повернул последний выключатель.

Просторная комната в светлых тонах, одна стена полностью стеклянная – узнаю стиль своих вампиров. За окном луна серебрила белый песок, и в каких-нибудь паре метров от дома плескались волны. Но мой взгляд был прикован не к ним, а к огромной белой кровати под пышными облаками москитной сетки.

Эдвард опустил меня на ноги.

– Схожу... за чемоданами.

В комнате было тепло, теплее, чем в душной тропической ночи за окном. По шее скатилась капелька пота. Я осторожно подошла к кровати и, протянув руку, дотронулась до воздушной сетки. Хотелось убедиться, что это не мираж и не сон.

Я даже не услышала, как вернулся Эдвард. Поняла, что он тут, только почувствовав прикосновение ласковых ледяных пальцев, смахивающих бисеринки пота с моей шеи.

– Жарковато здесь, – извиняющимся тоном произнес он. – Мне показалось... так будет лучше.

– Все продумано? – пробормотала я, и он едва слышно хихикнул. Нервный смех. Не похоже на Эдварда.

– Я пытался все заранее предусмотреть, чтобы было легче, – объяснил он честно.

Я шумно сглотнула, избегая встречаться с ним взглядом. Был ли у кого-нибудь когда-нибудь медовый месяц, подобный нашему?

Ответ известен. Нет. Никогда и ни у кого.

– Я тут подумал... – медленно проговорил Эдвард, – может, сперва... может, ты хочешь пойти поплавать со мной? – Его голос зазвучал увереннее: – Вода как парное молоко.

– Хорошая мысль, – дрогнувшим голосом согласилась я.

– Тебе, наверное, надо побыть одной пару минут, почувствовать себя человеком? Все-таки дорога была долгой.

Я скованно кивнула. До человека мне сейчас далеко, но пара минут наедине с собой не помешает.

Губы Эдварда коснулись шеи, прямо под ухом. Он рассмеялся, и прохладное дыхание щекотнуло влажную от жары кожу.

– Только не слишком долго, миссис Каллен!

Я дернулась с непривычки, услышав свое новое имя.

Эдвард покрыл легкими поцелуями мою кожу от шеи до плеча.

– Жду тебя в океане. – С этими словами он распахнул стеклянные двери, выходящие прямо на песчаный пляж. На ходу одним движением плеч сбросил рубашку и шагнул в лунное сияние. В комнату ворвался влажный соленый ветер.

Кожа горела так, что я даже глянула проверить. Нет, не похоже. По крайней мере внешне.

Стараясь не забывать делать вдох-выдох, я направилась к гигантскому чемодану, который Эдвард оставил открытым на длинной белой прикроватной тумбе. Судя по знакомой косметичке и преобладающему розовому цвету, чемодан мой – но я не узнавала ни одной вещи. Лихорадочно роюсь в аккуратно уложенных стопках, я надеялась найти хоть что-то родное – теплые треники, например, – однако под руку попадались сплошные кружева и крохотные вещицы из шелка. Белье. Самое что ни на есть. С французскими этикетками.

Ну, Элис! Когда-нибудь ты мне за это заплатишь, придет

день!

Наконец я сдалась и ушла в ванную, украдкой глянув в узкие окна, выходившие на тот же пляж. Эдварда не видно. Наверное, он в воде и даже не удосужится вынырнуть, чтобы глотнуть воздуха. Высоко в небе сияла почти идеально круглая луна, а внизу расстился ослепительно белый в ее свете песок. Краем глаза я уловила какое-то движение... Присмотрелась. Остальная одежда Эдварда, небрежно переброшенная через ветку пальмы, раскачивается на морском ветру.

Кожу снова обдало жаром.

Сделав два глубоких вдоха, я подошла к зеркалу, вытянувшемуся параллельно длинному туалетному столику. Сразу видно, что я весь день спала в самолете. Вооружившись щеткой, я принялась раздирать спутавшиеся космы, пока не добилась результата – гладкая прическа и вся щетина щетки в волосах. Тщательно почистила зубы. Два раза. Умылась и плеснула водой на шею, которая горела, как в лихорадке. Сразу стало легче, поэтому я полила и на руки. А потом решила не мучиться и принять душ. Глупо, конечно, лезть в душ перед купанием в океане, но мне нужно было как-то прийти в себя, а горячая вода – отличное средство.

Выйдя из душа, я завернулась в огромное белое полотенце.

И тут же передо мной встала неожиданная проблема. Что надевать? Купальник исключается. Одеваться тоже глупо. О содержимом заботливо упакованного Элис чемодана даже

думать страшно.

Дыхание снова участилось, руки задрожали – вот тебе и успокоительное влияние душа. Перед глазами все поплыло, предвещая настоящую волну паники. Я уселась прямо в полотенце на прохладный кафельный пол. Главное, чтобы Эдвард не явился проведать, пока я не пришла в себя. Предполагаю, что он подумает, увидев меня в таком разобранном состоянии. Вывод будет только один: мы совершаем огромную ошибку.

Но ведь я терзаюсь не потому, что мы совершаем ошибку. Нет. А потому, что не знаю, как все пройдет. Боюсь выйти из ванной и столкнуться с неизвестностью. Тем более во французском белье. К такому я пока не готова.

Такое ощущение, что мне предстоит выйти на сцену перед переполненным зрительным залом, а я не помню ни строчки из текста.

Как отваживаются остальные доверить другому свои страхи и неуверенность, если этот другой в отличие от Эдварда не связан с ними нерушимой связью? Если бы не Эдвард, в безраздельной, безусловной и, честно говоря, необъяснимой любви которого я уверена каждой своей клеточкой, я бы, наверное, так и не вышла из ванной.

Но меня ждал именно Эдвард, поэтому, прошептав: «Не трусь!» – я поднялась на ноги. Подтянула полотенце и, закрепив его потуже, решительным шагом двинулась на выход. Не удостоив даже взглядом раскрытый чемодан, полный белья,

и огромную кровать. За распахнутыми стеклянными дверями расстился мягкий, как пудра, песок.

В лунном свете все казалось черно-белым, без полутонов. Медленно ступая по мягкой «пудре», я подошла к пальме, где Эдвард повесил одежду. Плавно провела рукой по шершавому стволу, восстанавливая дыхание. Хотя бы чуть-чуть.

Мой взгляд скользнул вдоль темной ряби в поисках Эдварда.

Он стоял ко мне спиной по пояс в воде, подняв голову к сияющему лунному диску. В бледном свете его кожа казалась белоснежной, как песок и сама луна, а волосы – черными, как океан. Эдвард не двигался, просто стоял, касаясь ладонями воды, мелкие волны разбивались об него, как об утес. Я обвела взглядом его спину, плечи, руки, шею...

Кожа перестала пылать огнем, пламя затихло, стало ровным и глубоким, испепелив мою неловкость и робость. Я решительно сбросила полотенце и повесила на дерево рядом с одеждой Эдварда. А потом шагнула в лунное сияние. Пусть и у меня кожа будет белая, как песок.

Не слыша собственных шагов, я подошла к кромке воды. Эдвард наверняка слышал. Но не обернулся. Ласковые волны заплескались у ступней. Эдвард был прав – теплые, как в ванне. Я стала заходить глубже, осторожно нащупывая невидимое дно, однако опасения оказались напрасными – под ногами, постепенно понижаясь, расстился все тот же идеально ровный песок. Почти не ощущая сопротивления воды, я

подошла вплотную к Эдварду и накрыла его прохладную ладонь своей.

– Как красиво! – По его примеру я тоже посмотрела на луну.

– Вполне, – подтвердил он будничным тоном и медленно повернулся. Между нами заплясали крошечные волны. Глаза на его ледяном лице отливали серебром. Эдвард развернул ладонь под водой, и наши пальцы переплелись. Я даже не почувствовала привычных мурашек от его прикосновения – так было тепло.

– Для меня не существует другой красоты, – наконец проговорил он, – кроме твоей.

Улыбнувшись, я приложила руку, переставшую наконец дрожать, к его груди, там, где сердце. Белое на белом. В кои-то веки я с ним совпала. Эдвард слегка вздрогнул от моего теплого прикосновения. Дыхание стало чуть прерывистее.

– Я обещал, что мы попробуем, – напомнил он с неожиданной сдержанностью в голосе. – И если я сделаю что-нибудь не то, если тебе будет больно, сразу же дай мне знать.

Я с серьезным видом кивнула, не переставая смотреть Эдварду в глаза, а потом шагнула ближе и прижалась к его груди.

– Не бойся, – шепнула я. – Мы созданы друг для друга.

И тут же сама осознала всю истинность своих слов. В такой момент, когда все вокруг идеально, в них не могло быть и тени сомнения.

Руки Эдварда сомкнулись у меня за спиной, он подтянул меня поближе, и мы застыли, обнявшись, – зима и лето. По моим нервам как будто ток пропустили.

– Навсегда, – подтвердил он и осторожно потянул меня за собой в океан.

Разбудили меня лучи жаркого солнца на обнаженной спине. Было позднее утро. А может, уже день. Все остальное, впрочем, казалось ясным и понятным, я прекрасно помнила, где мы – в белоснежной комнате с огромной кроватью, ослепительное солнце струится через распахнутые стеклянные двери. Москитный полог защищает от яркого света.

Я не торопилась открывать глаза. Пусть все остается таким же идеальным, не хочу ничего менять, даже такой пустяк. Слышен только шелест волн, наше дыхание и стук моего сердца...

Даже обжигающее солнце не нарушало идиллии. Прохладная кожа Эдварда спасает от любой жары. Лежать в его объятиях, на его зимне-снежной груди – нет ничего проще и естественнее... С какой стати, спрашивается, я вчера такую панику развела? Теперь все ночные страхи выглядели глупыми и никчемными.

Эдвард медленно провел пальцами вдоль моего позвоночника, и я поняла: он уже знает, что я не сплю. Не открывая глаз, я прижалась к нему крепче.

Он молчал. Пальцы рассеянно, едва касаясь, чертили узо-

ры на моей спине.

Я могла бы лежать так вечно, чтобы счастье не кончалось, но организм требовал свое. Нетерпеливый у меня желудок, однако. Я тихонько рассмеялась. После нашей необыкновенной ночи голод казался слишком банальным желанием. Как будто меня резко опустили с небес на землю.

– Что смешного? – не переставая поглаживать мою спину, поинтересовался Эдвард. Его серьезный хриловатый голос пробудил поток воспоминаний, от которых меня тут же бросило в жар.

В желудке заурчало – вот и ответ на вопрос. Я снова рассмеялась.

– Никуда не денешься от человеческой природы.

Я ждала, что Эдвард посмеется вместе со мной, но он молчал. Сквозь клубившийся в голове туман безграничного счастья пробилося тревожное ощущение, что снаружи все не так радужно.

Пришлось открыть глаза. И первое, что я увидела, – бледную, почти серебристую кожу его шеи и изгиб скулы прямо перед собой. Сведенной от напряжения скулы. Приподнявшись на локте, я заглянула ему в лицо.

Эдвард лежал, подняв глаза к воздушному противомоскитному пологу, и даже не посмотрел на меня, когда я попыталась понять причину неожиданной суровости.

Меня будто током дернуло, когда я увидела его глаза.

– Эдвард? – позвала я внезапно севшим голосом. – Что

случилось?

– Ты еще спрашиваешь? – резко и с издевкой отозвался он.

Как человек всю жизнь считавший себя хуже других, я попыталась вспомнить, что же сделала не так. Но, прокрутив в голове всю симфонию прошлой ночи, я не услышала там ни одной фальшивой ноты. Все оказалось куда проще, чем я предполагала, мы с Эдвардом подошли друг другу, как две половинки одного целого. Еще один повод для моей тайной радости – раз мы идеально совместимы физически, значит, во всем остальном тем более. Огонь и лед, не уничтожающие друг друга, а причудливым образом соединяющиеся. Мы созданы, чтобы быть вместе, какие еще нужны доказательства?

Так почему лицо Эдварда вдруг стало суровым и мрачным? Я чего-то не знаю?

Эдвард разгладил собравшиеся на моем лбу морщинки.

– О чем ты думаешь?

– Тебя что-то тревожит. А я не понимаю. Я что, что-то не так...

Он сузил глаза.

– Ты сильно пострадала? Только правду, Белла, пожалуйста, не надо ничего преуменьшать.

– Пострадала? – От удивления даже голос повысился.

Эдвард пристально смотрел на меня.

Я машинально вытянулась, проверяя, все ли со мной в порядке, подвигала руками, ногами. Ну да, чувствуется некото-

рая тяжесть, мышцы слегка ноют, но в основном такое чувство, что кости исчезли, и я растекаюсь, как медуза. Ощущение не сказать чтобы неприятное.

И тогда я разозлилась. Что это такое – портить лучшее в мире утро какими-то мрачными подозрениями!

– С чего ты решил? В жизни себя лучше не чувствовала.

Глаза тут же закрылись.

– Перестань!

– Что перестать?

– Перестань меня выгораживать. Я чудовище, у которого хватило ума согласиться...

– Эдвард! – прошептала я, уже по-настоящему выбитая из колеи. Зачем он втаптывает в грязь мои светлые воспоминания? – Не говори так!

Глаза не открывались. Будто он не в силах меня видеть.

– Посмотри на себя, Белла. А потом уже убеждай, что я не чудовище.

Оскорбленная в лучших чувствах и расстроенная, я окинула себя взглядом – и ахнула.

Что такое? Почему я вся в снегу? Я потрясла головой, рассыпая каскад снежных хлопьев.

Поймав одну снежинку, я поднесла ее к глазам. Птичий пух.

– Откуда эти перья? – озадаченно поинтересовалась я.

Эдвард нетерпеливо втянул воздух.

– Я разорвал зубами подушку. Может, две. Но я не об

этом.

– Подушку? Зубами? Но почему?

– Белла, да посмотри же ты! – почти рывкнул он, резко хватая меня за руку и вытягивая ее вперед. – Вот, гляди!

И тут я поняла, о чем он.

Под слоем налипшего пуха на бледной коже расцветали багровые синяки. Они поднимались до плеча и переходили дальше, на грудную клетку. Высвободив руку, я ткнула пальцем гематому на левом предплечье – синяк на мгновение пропал и тут же проявился снова. Чуть-чуть побаливает.

Едва касаясь, Эдвард приложил ладонь к синяку на плече. Очертания точно совпали с контуром его длинных пальцев.

Я попыталась восстановить в памяти момент, когда мне стало больно – и ничего не вспомнила. Не было такого, чтобы он сжал или сдавил меня слишком сильно. Наоборот, мне хотелось, чтобы объятия стали крепче, и было так хорошо, когда он прижимал меня к себе...

– Прости, Белла... – прошептал Эдвард, глядя, как я уставилась на синяки. – Мне следовало... Нельзя... – Из его груди вырвался возглас отвращения. – Передать не могу, как я перед тобой виноват.

Он замер, уткнувшись лицом в ладони.

Я тоже замерла – от изумления, – пытаюсь осознать его горе, которому я теперь хотя бы знала причину. Но осознание давалось нелегко – сама-то я чувствовала совершенно противоположное.

Изумление постепенно прошло, оставив после себя ничем не заполненную пустоту. Никаких мыслей. Я понятия не имела, что сказать. Как объяснить ему, чтобы он понял? Как передать ему мое счастье – то, в котором я купалась еще минуту назад?

Я дотронулась до его руки. Он не шевельнулся. Я потянула сильнее, пытаясь оторвать его ладонь от лица. С таким же успехом можно было теревить мраморную статую.

– Эдвард...

Ноль реакции.

– Эдвард!

Молчание.

Ладно, значит, будет монолог.

– Я ни о чем не жалею, Эдвард. Я... я даже передать не могу. Я так счастлива! И этим все сказано. Не сердись. Не надо. Со мной все хорошо...

– Не надо! – В его голосе звучал лед. – Если не хочешь, чтобы я сошел с ума, не вздумай говорить, что с тобой все в порядке.

– Но так и есть, – прошептала я.

– Белла!

Он все-таки отнял руки от лица. Золотистые глаза смотрели настороженно.

– Не порть мое счастье. Я. Правда. Счастлива.

– Я все испортил, – прошелестел он.

– Прекрати!

Он скрежетнул зубами.

– О-ох! – простонала я. – Ну почему ты не можешь прочесть мои мысли?

Его глаза расширились от удивления.

– Это что-то новенькое. Тебе же нравится, что я их не читаю?

– А сейчас жалею.

– Почему? – Он уставился на меня в недоумении.

Я в отчаянии всплеснула руками. Плечо пронзила боль, но я не обращала внимания. Обе ладони я с размаху обрушила Эдварду на грудь.

– Потому что ты почувствовал бы мое счастье и перестал терзаться попусту! Пять минут назад я была счастлива. Абсолютно, безгранично и безмерно. А теперь... Теперь я злюсь.

– Я этого заслуживаю.

– Ну вот, я на тебя зла! Доволен?

– Нет, – вздохнул он. – Как я могу теперь быть чем-то доволен?

– Именно! – отрезала я в ответ. – Поэтому я и злюсь. Ты рушишь мое счастье, Эдвард.

Он покачал головой.

Я вздохнула. Мышцы ныли все сильнее, но это не страшно. Как на следующий день после силовой тренировки. Было дело – у Рене случился приступ увлечения фитнесом, и она затащила меня в спортзал. Шестьдесят пять выпадов на раз-

ные ноги поочередно с четырехкилограммовыми гантелями. На следующий день ходить не могла. Так что сейчас по сравнению с тем – пустяки, детский сад.

Проглотив злость, я заговорила успокаивающе и ласково: – Мы понимали, что будут сложности. А все оказалось гораздо проще и легче. Так что ничего страшного. – Я провела пальцами по руке. – Для первого раза, когда мы оба не знали, как все пройдет, по-моему, просто чудесно. Немного практики...

На его лице вдруг отразилось такое, что я умолкла на полуслове.

– Понимали? То есть ты примерно этого и ожидала? Ожидала, что я причиню тебе боль? Думала, что будет хуже? Раз на ногах держишься – значит, эксперимент прошел удачно, да? Кости целы, и слава богу?

Я дождалась конца пламенной тирады. Потом еще чуть-чуть, пока он не задышал ровнее. И только увидев долгожданное спокойствие в его глазах, я ответила, чеканя каждое слово:

– Я не знала, чего ждать, – но уж точно не подумала бы, что будет настолько... прекрасно и идеально. – Голос превратился в шепот, а голова безвольно качнулась вниз. – Я не знаю, как тебе, но мне было именно так.

Эдвард холодным пальцем приподнял мой подбородок.

– И это все, что тебя беспокоит? – выдавил он сквозь зубы. – Получил ли я удовольствие?

– Я знаю, что ты чувствуешь иначе. Ты же не человек. Я просто хотела сказать, что для человеческого существа вряд ли в жизни найдется что-то прекраснее, – не поднимая взгляда, ответила я.

Мы надолго замолчали. Наконец я не выдержала и посмотрела на Эдварда. Вид у него был уже не такой суровый, а скорее задумчивый.

– Получается, я еще не за все прощение попросил, – нахмурился он. – Мне и в голову не могло прийти, что из моих слов ты сделаешь вывод, будто эта ночь не была... самой лучшей за все мое существование. Но разве я могу так думать, когда ты...

Я не удержалась от улыбки.

– Правда? Лучшей? – робко переспросила я.

– Когда мы заключили уговор, я побеседовал с Карлайлом. Надеялся, он чем-нибудь поможет. Он меня, конечно, сразу предупредил, какая тебе грозит опасность. – По его лицу пробежала тень. – И все же он в меня верил. Как выяснилось, зря.

Я хотела возразить, но Эдвард приложил два пальца к моим губам.

– Еще я спросил, чего ожидать мне самому. Ведь я понятия не имел, как это ощущается... у нас, вампиров. – Губы изогнулись в слабом подобии улыбки. – И Карлайл признался, что по силе воздействия этому нет сравнения. Он предупреждал, что с физической любовью не шутят. Ведь мы

почти не меняемся в эмоциональном плане, а такое мощное потрясение может привести к большим сдвигам. Однако на этот счет, сказал он, беспокоиться нечего – ты и так сделала меня совершенно иным. – Теперь улыбка была совершенно искренней. – Братьев я тоже спрашивал. Оба в один голос твердят, что это огромное удовольствие. Приятнее только человеческую кровь пить. – Его лоб прорезала складка. – Но я пробовал твою кровь, и для меня нет ничего притягательнее... Хотя, наверное, они правы. Просто у нас с тобой по-другому.

– Так и было. Все лучшее сразу.

– Только это не умаляет моей вины. Даже если тебе и в самом деле было хорошо.

– В каком смысле? Думаешь, я притворяюсь? Зачем?

– Чтобы я не терзался. Я ведь не могу отрицать очевидное. И выкинуть из головы прошлые разы, когда ты делала все, чтобы я забыл о своих ошибках.

Я взяла его за подбородок и наклонилась близко-близко.

– Послушай меня, Эдвард Каллен. Я ни капельки не притворяюсь. У меня и в мыслях не было, что тебя надо утешать, пока ты не развел тут мировую скорбь. Никогда в жизни не чувствовала себя счастливее – даже когда ты понял, что не можешь убить меня, потому что любишь. Или когда я проснулась, а ты ждал меня в комнате утром. И когда твой голос звал меня там, в балетном классе... – Эдвард вздрогнул, вспомнив, как я оказалась на волосок от смерти в лапах

вампира-ищейки. – И когда ты произнес «да» и я осознала, что теперь никогда тебя не потеряю. Это мои самые счастливые воспоминания. Однако сегодняшняя ночь сделала меня еще счастливее. Вот и не отрицай очевидное.

Эдвард нежно коснулся моей щеки.

– Я причиняю страдания. Но я не хочу, чтобы ты страдала.

– Тогда сам не страдай. Ведь все остальное просто чудесно.

Он прищурился, потом с глубоким вздохом кивнул.

– Ты права. Что сделано, то сделано, тут ничего не изменишь. Нельзя, чтобы по моей милости ты тоже расстраивалась. Что угодно сделаю, чтобы исправить тебе настроение.

Я посмотрела на него подозрительно, а он ответил безмятежной улыбкой.

– Что угодно?

В животе раздалось урчание.

– Ты же у меня голодная! – Он вскочил с кровати, взметнув облако пуха.

Тут я вспомнила.

– Чем провинились подушки Эсми? – Я села в постели и потрясла головой, добавляя к снегопаду свою лепту.

Эдвард, успевший натянуть легкие полотняные брюки, застыл в дверях, ероша волосы, из которых тоже вылетела пара перьев.

– Провинились... Как будто я нарочно, – пробормотал он. – Скажи спасибо, что я не тебя растерзал, а подушки.

Он со свистом втянул в себя воздух и помотал головой, отгоняя злые мысли. Его губы расплылись в улыбке, но я догадывалась, какого труда она ему стоила.

Когда я соскользнула с высокой кровати, синяки и ушибы заныли более ощутимо.

Эдвард ахнул. Он стоял, отвернувшись, сжимая побелевшие в костяшках кулаки.

– Что, все настолько страшно? – как можно более беззаботно спросила я.

Эдвард справился с дыханием, но пока не поворачивался, пряча от меня лицо. Я отправилась в ванную оценивать масштабы бедствия.

Зеркало за дверью отразило меня в полный рост.

Бывало, прямо скажем, и похуже. Легкая синева на скуле, распухшие губы – в остальном лицо в порядке. Тело покрыто лиловато-сиреневыми узорами. Самые трудно скрываемые – на руках и плечах. Ну и подумашь! Я всю жизнь в синяках хожу, пока очередной успеет проступить, уже забываешь, откуда он взялся. Эти, правда, еще свежие – завтра зрелище будет пострашнее...

Я перевела взгляд на волосы – и застонала.

– Белла? – Эдвард вырос рядом со мной.

– Мне эти перья за всю жизнь не вычесать! – Я горестно ткнула в похожую на куриное гнездо прическу и принялась выбирать пушинки по одной.

– И, кроме перьев, ее ничего не волнует... – пробормотал

Эдвард, но пух вытаскивать помог, причем у него дело двигалось в два раза быстрее.

– Неужели тебе не смешно? Я же вылитое пугало огородное!

Он не ответил, только еще проворнее заработал пальцами. Собственно, что спрашивать? И так понятно, в таком на строении ему не до смеха.

– Ничего не выйдет, – вздохнула я. – Все присохло намертво. Попробую смыть под душем. – Повернувшись, я обняла его за талию. – Поможешь?

– Лучше раздобуду что-нибудь на завтрак, – тихо ответил он, размыкая мои руки, и поспешно удалился. Я вздохнула ему вслед.

Вот и весь медовый месяц. В горле встал комок.

Смыв почти все перья и переодевшись в непривычное белое хлопковое платье, удачно скрывающее самые страшные синяки, я прошлепала босиком на восхитительный запах яичницы с беконом и чеддером.

На кухне Эдвард у сияющей плиты как раз перекладывал омлет со сковороды на голубую тарелку. От запаха закружилась голова. Сейчас проглочу весь омлет одним махом вместе с тарелкой и сковородой!

– Держи. – Эдвард с улыбкой повернулся и поставил тарелку на выложенный мозаикой столик.

Примостившись на кованом стуле, я набросилась на горячий омлет. Обожгла все горло, но темпа не сбавила.

Эдвард сел по другую сторону стола.

– Надо кормить тебя чаще.

– Когда? Во сне? – удивилась я. – Очень вкусно, кстати.

А уж из рук повара, который сам ничего не ест, – вообще шедевр.

– Кулинарные передачи, – пояснил он, просяив моей любимой хитрой улыбкой.

Какое счастье видеть его улыбающимся! Наконец-то он хоть чуть-чуть пришел в себя.

– А яйца откуда?

– Передал уборщикам, чтобы забили холодильник. Впервые за все время. Надо их будет попросить собрать перья... – Осекшись, Эдвард уставился в пространство поверх моей головы. Я промолчала, боясь снова его расстроить.

Завтрак я слопала весь, хотя еды там было на двоих.

– Спасибо! – Я перегнулась через стол, чтобы поцеловать Эдварда. Он машинально ответил, но тут же замер и отстранился.

Я скрежетнула зубами. Вопрос, который я все равно собиралась задать, прозвучал как обвинение:

– То есть ты вообще больше до меня дотрагиваться не будешь?

Эдвард помолчал, едва улыбнувшись, погладил меня по щеке. В его прикосновении было столько нежности, что я невольно наклонила голову и уткнулась ему в ладонь.

– Ты же понимаешь, я не об этом.

Он со вздохом опустил руку.

– Понимаю. Да, именно так. – Эдвард вздернул подбородок и проговорил решительно: – Пока ты не переродишься, я не стану заниматься с тобой любовью. Чтобы не причинить тебе новую боль.

Глава 6

РАЗВЛЕЧЕНИЯ

Найти, чем меня развлечь, стало занятием номер один на острове Эсми. В ход шло все. Подводное плавание (я с трубкой, Эдвард – без, демонстрируя способность подолгу обходиться без воздуха). Экспедиция в джунгли, узкой полосой окаймляющие скалистый пик. Прогулки в гости к попугаям, обитателям южной оконечности острова. Мы любовались закатом из каменистой лагуны на западном берегу. Играли с дельфинами, плещущимися на теплом мелководье. Вернее, играла я; завидев Эдварда, дельфины тут же бросались врассыпную, как от акулы.

Эдвард пытался загрузить меня по полной, чтобы я даже не заикалась о сексе. Все попытки пристроиться с ним вдвоем перед плоским плазменным экраном и не делать ничего тут же пресекались волшебными словами «коралловые рифы», или «подводные пещеры», или «морские черепахи». Целый день мы носились по острову и, когда садилось солнце, я уже не могла шевельнуть ни рукой, ни ногой.

За ужином я клевала носом над тарелкой – однажды так и заснула, Эдварду пришлось нести меня в постель. А еще он все время готовил огромные двойные порции, которые я съедала одна, умирая от голода после карабкания по скалам и плавания. Осоловев от еды, я, само собой, засыпала на хо-

ду. Хитроумный план в действии.

При таком раскладе шансы соблазнить Эдварда катастрофически таяли. Но я не сдавалась. Пробовала переубеждать, уговаривать, дуться – без толку. Какие тут убеждения, если глаза слипаются на полуслове... А мне снились сны – в основном кошмары, настолько яркие и неотличимые от реальности (видимо, из-за буйства красок на острове), что я все равно поднималась утром невыспавшаяся.

Примерно через неделю я решила поискать компромисс.

Теперь я спала в голубой комнате. Уборщики пока не приходили, поэтому в белой спальне до сих пор высились сугробы из пуха и перьев. А голубая была поменьше, и кровать поскромнее. Стены отделаны темными тиковыми панелями, и все обтянуто роскошным голубым шелком.

Постепенно я привыкла переодеваться на ночь в кружевные наряды из коллекции Элис. По сравнению с микроскопическими купальниками, которые она сунула мне в чемодан, их можно было считать целомудренными. Неужели Элис было видение, что мне понадобится что-нибудь в таком роде, и все эти соблазнительные кружева и шелк не случайность? Бр-р. Представить стыдно.

Начинала я потихоньку – с шелковой пижамы цвета слоновой кости, опасаясь, что слишком открытые вещи при моих синяках скорее оттолкнут. Я была готова пойти дальше. Но Эдвард обращал на кружева и шелк не больше внимания, чем на заношенные треники, в которых я спала дома.

Синяки постепенно проходили – местам желтея, местами исчезая совсем. Поэтому сегодня я утащила в отделанную деревом ванную, чтобы переодеться после душа, самый куртизанский комплект. Черный кружевной – даже смотреть стыдно. До самого выхода из ванной я старательно отворачивалась от зеркала. Боялась струсить.

Наградой мне были широко распахнувшиеся при виде меня глаза Эдварда – лишь на секунду, потому что справился он с собой моментально.

– Ну как? – Покрутившись, чтобы продемонстрировать наряд со всех сторон, спросила я.

Он откашлялся.

– Очень красиво. Ты всегда красивая.

– Спасибо... – с легкой обидой протянула я.

Мягкая постель манила со страшной силой. Эдвард обнял меня и прижал к себе – все как всегда, как и в предыдущие ночи. В этой жаре и духоте без его прохладных рук не заснешь.

– Давай договоримся, – сквозь подступающий сон пробормотала я.

– Никаких уговоров!

– Ты ведь даже не знаешь, о чем...

– Все равно.

– Ну и пусть, – со вздохом согласилась я. – Я просто хотела... А, ладно.

Подождем, пока проглотит наживку. Я зевнула.

Хватило минуты. Я даже не успела вырубиться окончательно.

– Хорошо. Рассказывай, что ты хотела.

Я стиснула зубы, чтобы не улыбнуться. Перед возможностью сделать мне подарок Эдвард никогда не мог устоять.

– Мне тут подумалось... По идее Дартмут всего лишь прикрытие, но что плохого, если я действительно поучусь семестр в колледже? – Я повторяла его собственные слова из прошлого, когда он уговаривал меня повременить с превращением в вампира. – Буду развлекать Чарли историями о студенческой жизни. Обидно, конечно, если не смогу угнаться за институтскими умниками. И все же... Восемнадцать, девятнадцать – какая по большому счету разница? Морщинами за год я вряд ли покроюсь.

Эдвард погрузился в долгие размышления. Затем произнес глухим голосом:

– Ты хочешь подождать. Побывать человеком.

Я прикусила язык, чтобы дать Эдварду как следует все обдумать.

– Зачем ты так со мной? – неожиданно зло выпалил он сквозь зубы. – Думаешь, мне и без этого не тяжело? – Эдвард собрал в кулак кружевную пену, и я испугалась, что сейчас он оторвет все оборки с мясом. Но пальцы разжались. – А, все равно. Никаких уговоров.

– Я хочу в колледж.

– Нет, не хочешь. Ради чего снова подвергать твою жизнь

опасности? Ставить ее под удар?

– Я правда хочу. Не столько в колледж, если честно, сколько еще чуть-чуть побыть человеком.

Эдвард закрыл глаза и шумно выдохнул через нос.

– Белла, ты меня с ума сведешь! Сколько было разговоров на эту тему, и каждый раз ты умоляла сию же секунду сделать тебя вампиром.

– Да, но... Теперь у меня есть причина остаться человеком подольше.

– Какая причина?

– Догадайся. – Я сползла с подушек и поцеловала его.

Эдвард ответил, но это был совсем не тот поцелуй, который означал бы мою победу. Поцеловал просто из вежливости, чтобы не обидеть. Полностью себя контролируя. Издевательство какое... Он бережно отстранил меня и, обвив руками, прижал к груди.

– В тебе и так столько человеческого, Белла. Поведением правят гормоны, – усмехнулся он.

– В том-то и дело, Эдвард. Эта часть человеческой натуры мне нравится. И я пока не хочу с ней расставаться. Пройдут годы, прежде чем я перестану быть жаждущим крови новорожденным вампиром и снова обрету эту радость.

Я не смогла подавить зевок, и Эдвард улыбнулся.

– Ты устала. Поспи, любимая. – И он начал напевать мою колыбельную, которую сочинил в нашу первую встречу.

– Интересно, откуда взялась усталость? – ехидно пробормо-

мотала я. — Ты ведь совсем ни при чем, да?

Он снова усмехнулся и продолжил мурлыкать колыбельную.

— Учитывая, как я еле до кровати доползаю, должна была бы спать как сурок.

Колыбельная прервалась.

— Так и есть. Спишь как убитая. За все время, что мы тут, я от тебя во сне и слова не слышал. Если бы ты не храпела, подумал бы, что впадаешь в кому.

Я пропустила мимо ушей шутку насчет храпа — я не храплю.

— И не металась во сне? Странно. Обычно, когда снятся кошмары, я всю постель переворачиваю. И кричу.

— Тебе снятся кошмары?

— Реалистичные до жути. И очень выматывающие. — Я зевнула. — Не может быть, чтобы у меня никаких воплей во сне не вырывалось.

— А что именно снится?

— Сны разные. И одновременно похожие. Потому что цветные.

— Цветные?

— Очень яркие, совсем как в жизни. Обычно во сне я чувствую, что сплю. А здесь нет. И от этого еще страшнее.

— Что же в них страшного? — В голосе Эдварда послышалась тревога.

Я поежилась.

– В основном... – И умолкла.

– В основном? – переспросил Эдвард.

Что-то мешало мне рассказать о появляющемся во всех кошмарах младенце. Это слишком мое, слишком личное. Поэтому я ограничилась только одним фрагментом сна. Которого, впрочем, было достаточно, чтобы на кого угодно нагнать страху.

– Вольтури! – прошептала я.

Эдвард прижал меня к себе крепче.

– Они нас больше не тронут. Ты скоро станешь бессмертной, а значит, им не к чему будет придаться.

Я уютно устроилась в его объятиях, чувствуя, правда, легкий укол совести, что ввела Эдварда в заблуждение. В кошмарах я боялась совсем не того, о чем он подумал. Не за себя. За мальчика.

Теперь я видела другого ребенка, не того вампиреныша с налитыми кровью глазами на груди тел моих родных и близких. Младенец, являвшийся мне уже четыре раза за прошедшую неделю, был явно человеческим – розовые щечки, светло-зеленые широко распахнутые глаза. Но, как и вампиреныш, при виде Вольтури он трясся от ужаса и отчаяния.

В этой смеси прежнего и нового кошмаров я чувствовала себя обязанной защитить неизвестного малыша. По-другому никак. И в то же время я знала, что это невозможно.

От Эдварда не укрылось появившееся у меня на лице затравленное выражение.

– Чем тебе помочь?

Я поспешно прогнала страшные мысли.

– Это просто сны, Эдвард.

– Хочешь, я буду петь колыбельную? Всю ночь. И ни один кошмар близко не подобрется.

– Ну, там ведь не только кошмары. Некоторые сны очень красивые. Разноцветные. Как будто я плаваю под водой, среди рыб и кораллов. Как наяву, совершенно не чувствуешь, что спишь. Наверное, все дело в этом острове. Тут везде такие яркие краски...

– Хочешь домой?

– Нет. Пока нет. Мы можем еще тут побыть?

– Сколько угодно, Белла, – пообещал он.

– А когда начинается учебный год? Я совсем забыла о времени.

Эдвард вздохнул. И наверное, снова замурлыкал колыбельную, но я уже не слышала, провалилась в сон.

Когда я проснулась, вздрагивая от ужаса, снаружи было темно. Этот сон – такой живой, такой настоящий, со всеми ощущениями... Я ахнула вслух, не понимая, где я и почему вокруг темно. Еще миг назад я грелась в лучах ослепительно яркого солнца.

– Белла? – прошептал Эдвард, обнимая меня и укачивая как ребенка. – Все хорошо, любимая?

– Ох! – выдохнула я. Всего лишь сон. Мне все приснилось.

Из глаз вдруг стремительным потоком хлынули слезы.

– Белла! – уже громче, с тревогой позвал Эдвард. – Что с тобой? – Холодными пальцами он вытирал слезы с моих горячих щек.

– Мне все приснилось! – Из груди вырвалось рыдание. Непрошенные слезы пугали, но справиться с охватившим меня горем не было сил. Я хочу, хочу, чтобы этот сон оказался явью!

– Все хорошо, любимая, все в порядке. Я здесь. – Эдвард баюкал меня в объятиях, чуть-чуть резковато для попытки утешить. – Опять страшный сон? Это сон, всего лишь сон...

– Не страшный... – Я мотнула головой и потерла глаза тыльной стороной кисти. – Это был хороший сон. – Голос опять дрогнул.

– Тогда почему ты плачешь? – недоумевал Эдвард.

– Потому что проснулась! – прорыдала я, стискивая руки у него на шее и захлебываясь слезами.

Загадочная женская логика насмешила Эдварда, но смех вышел обеспокоенный.

– Все хорошо, Белла. Дыши глубже.

– Он был такой настоящий. Я думала, это все по правде...

– Расскажи, – попросил Эдвард. – Вдруг поможет?

– Мы были на пляже... – Я замолчала, вглядываясь сквозь пелену слез в его прекрасное встревоженное лицо, едва различимое в темноте. Необъяснимое горе накатило с новой силой.

– И? – не выдержал он.

Я сморгнула слезы, разрываясь от горя.

– О, Эдвард...

– Рассказывай, Белла! – взмолился Эдвард, обеспокоенный прозвучавшей в моем голосе болью.

Я не могла. Только снова повисла у него на шее и впилась поцелуем ему в губы. Это было не просто желание, а физическая потребность, острая до боли. Эдвард начал целовать меня в ответ, но тут же опомнился.

Оправившись от неожиданности и осторожно выпутавшись из моих объятий, он отстранил меня, придерживая за плечи.

– Белла, нет, – настойчиво проговорил он, пристально глядя в глаза – как будто опасался, что я сошла с ума.

Мои руки безвольно упали, слезы хлынули новым потоком, к горлу подступили рыдания. Он, наверное, прав – я схожу с ума.

Эдвард смотрел на меня ничего не понимающим, растерянным взглядом.

– П-прости! – выдавила я.

Он притянул меня к себе, прижимая к холодной мраморной груди.

– Не могу, Белла, нельзя! – взвыл он как подраненный.

– Пожалуйста! – умоляла я, уткнувшись носом в его грудь. – Эдвард, прошу тебя!

Может, он не смог больше выносить моих слез, может, его

смутила внезапность атаки, а может, у него, как и у меня, больше не было сил бороться с желанием. Он отыскал мои губы и закрыл их страстным поцелуем, простонав от бессилия.

И мы продолжили с того места, где прервался мой сон.

Проснувшись утром, я лежала не шевелясь, стараясь дышать как можно ровнее. Глаза открывать было страшно.

Моя голова покоилась на груди у Эдварда, который тоже лежал не шевелясь и не касаясь меня руками. Плохой знак. Как же страшно показать, что я уже не сплю, и выдержать возможный гнев – не важно, на кого обрушенный, на меня или на него самого...

Я глянула сквозь прикрытые ресницы. Эдвард лежал на спине, закинув руки за голову, уставившись в темный потолок. Приподнявшись на локте, я заглянула ему в лицо. Оно было совершенно бесстрастным.

– Мне бежать в укрытие? – робко поинтересовалась я.

– Немедленно! – подтвердил он, поворачиваясь ко мне с ехидной улыбкой.

Я облегченно вздохнула.

– Прости! Ни в коем случае не хотела... Не знаю, что на меня нашло ночью. – Я помотала головой, вспомнив беспричинные слезы и глубокое горе.

– Ты так и не рассказала, что тебе снилось.

– Не рассказала. Зато показала. – У меня вырвался нерв-

ный смешок.

– О... – Эдвард заморгал. – Вот как. Надо же.

– Это был замечательный сон! – Эдвард не отвечал, поэтому, выждав несколько секунд, я решилась: – Ты меня простил?

– Еще думаю.

Я села в кровати, оглядывая себя. В этот раз никаких перьев. Однако перед глазами тут же все поплыло, и я откинулась обратно на подушки.

– Ой! Голова закружилась.

Эдвард моментально обнял меня.

– Ты долго спала. Двенадцать часов.

– Двенадцать? – Странно.

Я поспешно – и как можно незаметнее – осмотрела себя. Все в порядке. Синяки на руках старые, желтеющие. Попробуем потянуться. Тоже нормально. Даже лучше, чем нормально.

– Инвентаризация пройдена?

Я смущенно кивнула.

– И подушки вроде не погибли

– Подушки – нет. А вот твоя... м-м... пижама – увы, да. – Эдвард кивком показал на лоскутки черного кружева, раскиданные по шелковым простыням у изножия кровати.

– Какое несчастье! Она мне нравилась.

– Мне тоже.

– Еще жертвы есть? – робко поинтересовалась я.

– Придется купить Эсми новую кровать, – оглядываясь через плечо, признался Эдвард. Я повернула голову и наткнулась взглядом на жуткие царапины, избороздившие спинку.

– Хм, – нахмурилась я. – Странно, что я не слышала.

– Ты отличаешься поразительной невнимательностью, когда чем-то увлечена.

– Да, я слегка увлеклась. – Щеки от смущения стали пунцовыми.

Эдвард коснулся моей пылающей щеки и вздохнул:

– Румянца мне будет очень не хватать.

Я вглядывалась в его лицо, опасаясь найти признаки сожаления или недовольства. Но оно было спокойным и непроницаемым.

– А ты как себя чувствуешь?

Эдвард рассмеялся.

– Что смешного?

– У тебя такой виноватый вид – будто преступление совершила.

– Примерно... – пробормотала я.

– Подумаешь, соблазнила собственного не особо сопротивлявшегося мужа. Тоже мне криминал.

Ишь ты, подкалывает.

Щеки запылали сильнее.

– «Соблазнить» подразумевает некоторый умысел.

– Положим, я неточно выразился, – уступил Эдвард.

– Ты не сердишься?

– Не сержусь... – ответил он с грустной улыбкой.

– Почему?

– Ну, во-первых, на этот раз обошлось без увечий. Я нашел способ контролировать избыток эмоций, перенаправив его в другое русло. – Он покосился на поцарапанную спинку кровати. – Наверное, потому что я уже знал, чего ждать.

Я улыбнулась:

– Вот видишь! Говорила же, главное – побольше практики.

Эдвард покачал головой.

Тут у меня в желудке заурчало.

– Человекам пора завтракать! – рассмеялся Эдвард.

– Пожалуй, – кивнула я, спрыгивая с кровати. И тут же зашаталась от резкого движения, как пьяная. Спасибо Эдварду, подхватил – иначе врезалась бы в комод.

– Ты что это?

– Если в следующей жизни останусь такой же неуклюжей, потребую компенсацию за моральный ущерб.

Завтрак готовила я – простую яичницу, на кулинарные изыски терпения бы не хватило. Не дожидаясь, пока дожарится, я перевернула ее на тарелку.

– И давно ты стала есть яичницу подрумяненной стороной вверх? – поинтересовался Эдвард.

– Только что.

– А ты в курсе, сколько яиц съела за эту неделю? – Он вытащил из-под раковины мусорную корзину, полную голубых

упаковок.

– Надо же... – удивилась я, проглатывая обжигающий кусок. – Это у меня на острове аппетит разыгрался. – А еще сны странные снятся и равновесие ни к черту. – Но мне здесь нравится. Правда, нам, наверное, все равно скоро ехать, если не хотим опоздать к началу семестра в Дартмуте? Ух! Еще ведь жилье надо найти и все такое.

Эдвард присел рядом.

– С колледжем можешь больше не притворяться. Ты ведь своего добила? А уговор мы не заключали, так что никаких обязательств.

Я возмущенно засопела.

– Все по-честному, Эдвард! В отличие от некоторых я не строю целыми днями хитроумные планы. «Как бы так поинтереснее вымотать Беллу?» – передразнила я. Эдвард рассмеялся. – Мне правда нужно еще капельку побыть человеком. – Я пробежалась пальцами по его обнаженной груди. – Мне пока мало.

– Ради этого? – Кинув на меня недоуменный взгляд, Эдвард перехватил подбирающуюся к его животу руку. – То есть дело только в сексе? – Он усмехнулся. – Мог бы и раньше догадаться. Разом прекратил бы кучу споров.

– Наверное, – рассмеялась я.

– В тебе столько человеческого, – повторил Эдвард уже когда-то сказанное.

– Знаю.

– Значит, едем в Дартмут?

– Не бойся, я на первой же сессии вылечу...

– Я тебя подтяну. – Улыбка стала шире. – А в колледже тебе понравится.

– Думаешь, еще не поздно искать жилье?

Эдвард виновато улыбнулся.

– У нас там вроде как есть дом... На всякий случай.

– Ты купил дом?!

– Недвижимость – оптимальное вложение средств.

Вот значит как.

– Тогда едем.

– Только сперва узнаю, можно ли не возвращать пока машину «до»...

– Конечно! А то, не дай Бог, на меня танк поперет.

Эдвард рассмеялся.

– Сколько еще мы можем тут побыть?

– Времени достаточно. Несколько недель у нас точно есть.

А потом, перед отправкой в Нью-Гэмпшир, предлагаю навестить Чарли. Рождество можно встретить с Рене...

Он рисовал полное радужных перспектив будущее, где никому не придется причинять боль. Почти никому – поправила себя я, услышав, как затрясся запертый на ключ ящик с мыслями о Джейкобе.

Так ничего не выйдет. Стоило почувствовать прелесть человеческого бытия во всей полноте, как далеко идущие планы тут же поплыли. Где восемнадцать, там и девятнадцать,

где девятнадцать, там и двадцать... Какая разница? За год я и не изменюсь совсем. Но быть человеком рядом с Эдвардом... С каждым днем выбор все сложнее.

– Несколько недель, – согласилась я. И тут же добавила, чувствуя, как неумолимо бежит время: – Помнишь, что я говорила насчет практики? Может...

Эдвард рассмеялся.

– Не упускай эту мысль. Я слышу лодку. Похоже, уборщики прибыли.

Не упускать мысль? То есть мешать ее осуществлению он больше не будет? Я улыбнулась.

– Сейчас объясню Густаво, что стряслось в белой спальне, и можем двигаться. На южной стороне в джунглях есть одна полянка...

– Не хочу двигаться. Я сегодня не в настроении мотаться по острову. Хочу остаться тут и посмотреть фильм.

Эдвард сжал губы, чтобы не рассмеяться над моим капризным тоном.

– Хорошо, как скажешь. Выбирай фильм, а я пока дверь открою.

– Что-то я не слышала стука.

Эдвард склонил голову, прислушиваясь. Через секунду в дверь робко постучали. Эдвард с довольной улыбкой отправился открывать.

На полках под большой телевизионной панелью выстроились ряды фильмов. Не знаешь, с какого бока начать... Их

тут больше, чем в прокате.

Из коридора донесся приглушенный бархатистый баритон Эдварда, что-то объясняющий, насколько я догадывалась, на португальском. Ему отвечали на том же языке резковатым хриплым голосом.

Эдвард провел уборщиков в комнату, по пути махнув рукой в сторону кухни. На его фоне оба местных жителя казались чересчур темнокожими и низкорослыми. Плотный мужчина и миниатюрная женщина, лица у обоих сухие, морщинистые. Эдвард с гордой улыбкой жестом представил меня, и в потоке незнакомых слов я расслышала собственное имя. При мысли о том, что сейчас эти люди войдут в засыпанную перьями комнату, щеки тут же порозовели. Мужчина приветствовал меня почтительной улыбкой.

Его крошечная спутница с кофейного цвета кожей, наоборот, улыбаться не спешила. В ее взгляде отражались изумление, беспокойство и всепоглощающий ужас. Не успела я хоть что-то сказать или сделать, как Эдвард махнул им рукой, и они отправились созерцать разгром в курятнике.

Вернулся он один. Стремительно подлетел ко мне и обнял.

– Что с ней? – тревожно прошептала я, вспомнив этот панический взгляд.

Эдвард бесстрастно пожал плечами.

– У Каури индейские корни, ее воспитывали тикунa. А они куда более суеверны – иными словами, более вниматель-

ны, чем основная масса наших современников. Так что она догадывается, кто я такой. – В голосе его не было беспокойства. – У них здесь свои легенды. Лобисомем, демон-кровопийца, охотящийся исключительно на красавиц. – Эдвард изобразил плотоядную улыбку.

Только на красавиц? Это, кажется, комплимент!

– Но у нее такой перепуганный вид...

– Да. Ей страшно – за тебя.

– За меня?

– Ее пугает, что я привез тебя сюда совсем одну. – Зловеще усмехнувшись, он перевел взгляд на уставленные фильмами полки. – Ладно, давай, ты уже выберешь фильм и мы усядемся его смотреть. Вполне человеческое занятие.

– Точно! Она сразу убедится, что ты человек. – Я рассмеялась и повисла у него на шее, приподнявшись на цыпочки. Эдвард сперва наклонился, подставляя губы, а потом обхватил меня за талию и приподнял, чтобы не нагибаться.

– Фильмы-фигильмы... – пробормотала я, перебирая пальцами бронзовые кудри. Его губы в это время путешествовали по моей шее.

За спиной кто-то ахнул от ужаса, и Эдвард тут же опустил меня на пол. В дверях стояла оцепеневшая Каури – в волосах перья, в руках набитый пакет для мусора, на лице смертельный страх. Она смотрела на меня, а я покраснела и смущенно опустила взгляд.

Уборщица тут же опомнилась и пробормотала извинение

– слова незнакомые, но по интонации все понятно. Эдвард ответил миролюбиво и с улыбкой. Она отвела темные глаза и пошла работать дальше.

– Она правда подумала то, что, как мне показалось, она подумала?

Ну и завернула... Эдвард рассмеялся.

– Да.

– Вот, держи. – Я наугад сняла диск с полки. – Включим и притворимся, что смотрим.

В коробке оказался старый мюзикл с улыбающимися де-вушками в пышных платьях на обложке.

– Как раз для медового месяца, – одобрил Эдвард.

Глядя на экран, где актеры вытанцовывали под задорную вступительную песню, я забралась на диван и свернулась клубком в объятиях Эдварда.

– Теперь можно будет снова перебраться в белую спальню? – мимоходом поинтересовалась я.

– Не знаю... Учитывая, что кровать в другой спальне я тоже угробил, может, в разрушениях пока ограничимся одной комнатой? Если повезет, Эсми когда-нибудь нас еще сюда пригласит...

Я просияла:

– Громим дальше?

Эдварда моя радость насмешила.

– Уж лучше запланированно, чем ты застанешь меня врас-
плох посреди ночи.

– Да, долго ждать не придется, – небрежно согласилась я. Кровь при этом бешено застучала в висках.

– С сердцем перебои?

– Нет. Здорова как бык. Ну что, пойдём испытаем боевой полигон?

– Наверное, лучше дожидаться, пока мы останемся одни. Это ты не замечаешь, как я мебель крушу, а уборщики испугаются.

Надо же! Вылетело из головы, что в доме посторонние.

– Точно. Вот черт...

Густаво и Каури неслышно перемещались из комнаты в комнату, а я нетерпеливо считала минуты и пыталась проникнуться сказочной идиллией на экране. Постепенно меня начало клонить в сон – хотя, если верить Эдварду, я и так проспала полдня.

Проснулась я от резкого голоса. Эдвард сел, не выпуская меня из объятий, и ответил беглой португальской скороговоркой. Густаво, кивнув, направился к выходу.

– Они закончили, – сообщил Эдвард.

– Значит, теперь мы одни?

– Может, сперва перекусим?

Я прикусила губу, разрываясь между двумя желаниями. Есть хочется страшно.

Эдвард взял меня за руку и с улыбкой повел на кухню. Ну и что, что он не читает мои мысли? Зато мое лицо для него как открытая книга.

– Совсем в обжору превращаюсь, – пожаловалась я, плотно набив живот.

– Хочешь, пойдем поплаваем с дельфинами – сожжешь лишние калории?

– Можно, только не сейчас. Калории можно сжечь и по-другому.

– Это как же?

– Ну, там еще не вся кроватная спинка растерзана...

Договорить я не успела. Эдвард подхватил меня на руки и, поцелуем заставив замолчать, с нечеловеческой скоростью уволок в голубую спальню.

Глава 7

НЕОЖИДАННОСТЬ

Черная туча катит на меня сквозь пелену тумана. Я вижу, как горят от жажды их рубиновые глаза, как отчаянно им хочется убить. Зубы оскалены – у кого в хищной, у кого в довольной ухмылке, с острых клыков капает слюна.

Малыш за моей спиной хнычет от страха, но я не могу повернуться. Как ни велико желание проверить, не случилось ли с ним чего, отвлекаться нельзя ни на секунду.

Они подбираются ближе, черные плащи с капюшонами едва заметно трепещут на ветру. Скрючиваются бледные когтистые пальцы. Строй рассыпается, нас обтекают с флангов. Мы окружены. Гибель близка.

И вдруг, как будто под яркой вспышкой, сцена предстанет в ином свете. Вроде бы ничего не изменилось – Вольгури по-прежнему смыкают смертельное кольцо. Но я уже смотрю на все по-другому. Во мне пробуждается нетерпение. Я хочу, чтобы они скорее напали. Паника сменяется жаждой крови, я пригибаюсь, как зверь перед прыжком, на лице улыбка, сквозь оскаленные зубы рвется утробный рык.

Проснувшись, я резким движением села в постели.

В комнате темно. Влажная духота. Волосы на висках слиплись от пота, капли катятся по шее.

Откинув взмокшие простыни, я поняла, что лежу в постели одна.

– Эдвард?

И тут пальцы нашарили что-то гладкое, плоское и шуршащее. Сложенный пополам лист бумаги. С запиской в руке я на ощупь добралась до выключателя.

Адресатом записки значилась миссис Каллен.

«Надеюсь, ты не проснешься среди ночи и не станешь гадать, куда я делся. Но если вдруг проснешься – не бойся, я скоро вернусь. Уехал на материк поохотиться. Ложись спать, утром я уже буду с тобой. Люблю тебя».

Я вздохнула. Мы здесь две недели, могла бы догадаться, что рано или поздно он уйдет на охоту. Время летит так незаметно... Как будто его вовсе нет, а мы просто плывем в бесконечном счастье.

Смахнув пот со лба, я поняла, что совершенно не хочу спать, хотя часы на комодке показывают второй час ночи. В этой липкой духоте все равно не заснешь. Тем более, стоит погасить свет и закрыть глаза, как темные фигуры снова начнут сжимать свое хищное кольцо...

Я отправилась бесцельно бродить по дому, щелкая выключателями. Без Эдварда он кажется огромным и пустым.

Наконец ноги привели меня в кухню. А что, подкрепиться не помешает...

Поиски в холодильнике увенчались успехом. Все ингредиенты для жареной курицы в наличии. В шипении и шквор-

чании мяса на сковороде было что-то успокаивающее – родной, домашний звук разгонял неуютную тишину.

Курица пахла так аппетитно, что я начала есть прямо со сковороды, обжигая язык. Но на пятом или шестом куске мясо уже слегка подостыло, и я распробовала, что жую. Челюсти задвигались медленнее. Какой-то странный вкус... Мясо белое, я проверяла, но вдруг все-таки не прожарилось? Я куснула еще, пожевала. Фу! Явно протухло! Подскочив, я выплюнула недоеденный кусок в раковину. От запаха жареной курицы и масла меня вдруг чуть не стошнило. Содержимое сковороды отправилось в мусорное ведро, а я настежь распахнула окно, чтобы прогнать запах. Крепчайший бриз освежил разгоряченную кожу, и стало чуть легче.

Хотя я вдруг почувствовала полный упадок сил, идти обратно в душную спальню не хотелось. Тогда я пооткрывала все окна в комнате с телевизором и улеглась прямо под ними. Потом включила тот же мюзикл, который мы смотрели с Эдвардом, и благополучно уснула под вступительную песню.

Когда я открыла глаза, солнце стояло высоко в зените, но проснулась я не от его ярких лучей. Меня разбудили ласковые прохладные руки Эдварда. И сразу скрутило живот, как будто кто-то ткнул мне туда кулаком.

– Прости! – проводя ледяной ладонью по моему влажному лбу, приговаривал Эдвард. – Все продумано, все продумано... А сам не догадался, что без меня ты тут сваришься. К следующему разу кондиционер поставлю.

Я едва слышала, что он говорит. Со сдавленным «сейчас!» я попыталась выбраться из объятий.

Эдвард машинально разжал руки.

– Белла?

Прижимая ладонь ко рту, я помчалась в ванную. Мне было так худо, что я даже не сразу заметила прилетевшего следом Эдварда. Теперь он видит, как я скорчилась над унитазом.

– Белла, что с тобой?

Я не могла говорить. Он встревоженно убрал мне волосы с лица и подождал, пока я отдышусь.

– Дурацкая тухлая курица! – простонала я.

– Ты как? Жива? – голос Эдварда звенел от напряжения.

– Вроде... – тяжело дыша, прохрипела я. – Просто отравилась. Не смотри. Уйди.

– Нет уж, Белла.

– Уходи! – снова застонала я, поднимаясь на ноги, чтобы прополоскать рот. Эдвард помог подняться, не обращая внимания на слабые отпихивания.

Потом он отнес меня в комнату и бережно усадил на кровать, поддерживая, чтобы я не упала.

– Отравилась, говоришь?

– Угу, – промямлила я. – Ночью решила курочку пожарить. Она оказалась испорченной, я ее выкинула. Но пару кусков съесть успела.

Холодная ладонь опустилась на лоб. Приятно.

– А сейчас как себя чувствуешь?

Я прислушалась к ощущениям. Тошнота отпустила, все как в любое другое утро.

– Нормально. Есть хочется, если честно.

Эдвард на всякий случай продержал меня еще час впроголодь, заставил выпить большой стакан воды и только потом поджарил яичницу. Я уже вполне пришла в себя, лишь слабость некоторая осталась от того, что проснулась среди ночи. Эдвард включил Си-эн-эн (мало ли, вдруг там Третья мировая в разгаре, а мы прохлаждаемся), и я сонно прилегла к нему на колени.

Устав от новостей, я повернулась поцеловать Эдварда. И вдруг, как утром, живот скрутило от острой боли. Прижимая руку ко рту, я вскочила и бросилась к кухонной раковине, осознав, что до ванной не добегу.

Он снова придерживал мне волосы на затылке.

– Может, вернемся в Рио, покажем тебя врачу? – с тревогой предложил Эдвард, пока я полоскала рот.

Мотая головой, я сделала шагок в сторону коридора. Врачи, уколы... Нет уж.

– Сейчас зубы почищу и буду как огурчик.

Когда запах во рту почти исчез, я пошла перекапывать чемодан в поисках аптечки. Предусмотрительная Элис запасла все, что может понадобиться хрупкому человеческому организму, – бинты, болеутоляющее и – как раз на такой случай – лекарство от расстройства желудка. Надеюсь, поможет, и

Эдвард успокоится...

Тут мне попало на глаза еще одно средство, уложенное заботливыми руками Элис. Забыв обо всем, я остановившимся взглядом смотрела на голубую коробочку.

Потом начала подсчитывать. Один раз. Другой. Заново.

И застыла как громом пораженная. Голубая коробочка вывалилась из рук обратно в чемодан.

– Ты хорошо себя чувствуешь? – позвал Эдвард из-за двери. – Или снова тошнит?

– И да, и нет, – сдавленно откликнулась я.

– Белла? Впусти меня, пожалуйста. – В голосе звучала тревога.

– Хо...рошо.

Я с ошарашенным лицом сидела по-турецки перед раскрытым чемоданом. Эдвард сел рядом со мной. Прохладная рука снова легла мне на лоб.

– Что случилось?

– Сколько дней прошло со свадьбы? – прошептала я.

– Семнадцать, – моментально ответил он. – Белла, да что с тобой такое?

Я принялась пересчитывать. Подняв палец, чтобы Эдвард не перебивал, я шевелила губами, называя цифры. Прежние подсчеты неверны. Мы здесь, оказывается, дольше, чем я думала. Сбилась, начала заново.

– Белла! – нетерпеливым шепотом вмешался Эдвард. – Ты меня пугаешь.

Я попыталась сглотнуть. Не помогло. Тогда я снова нашла в чемодане голубую коробочку с тампонами и молча показала ее Эдварду.

– И что? – удивился он. – Хочешь сказать, тебя жестокий ПМС замучил?

– Нет! – Спазм в горле чуть-чуть ослаб. – Хочу сказать, что у меня задержка уже пять дней.

Эдвард ничуть не изменился в лице. Как будто не слышал.

– И отравление, видимо, ни при чем.

Он не отвечал. Окаменел как статуя.

– Кошмары... – пресным голосом бормотала я. – Недосып. Слезы. Еда как не в себя. Все сходится.

Эдвард смотрел невидящим взглядом, как будто сквозь меня.

Моя рука непроизвольно дернулась к животу.

– Ой! – пискнула я.

Выскользнув из оцепеневших рук Эдварда, я кое-как поднялась. В суматохе даже пижаму переодеть не успела, и теперь, задрав голубую ткань топики, я разглядывала свой живот.

– Не может быть...

Я по беременностям, младенцам и прочим подобным радостям, конечно, не специалист, но и не дура. Фильмов и телепередач пересмотрела достаточно, так что прекрасно знаю: все происходит не так. У меня задержка всего пять дней. Если даже я беременна, на фигуре это пока не отразит-

ся. И для утренней тошноты слишком рано. Даже перебои со сном и разгулявшийся аппетит – не по графику.

А уж небольшой, но все же заметный холмик на месте обычно плоского живота – на таком сроке точно не бывает.

Я повернулась туда-сюда, разглядывая живот под разными углами... Как будто, если найти правильный ракурс, холмик исчезнет. Провела по нему ладонью. Он оказался неожиданно твердым как камень.

– Не может быть, – повторила я. Холмик не холмик, задержка не задержка (ясно, что задержка, до сих пор всю жизнь все было четко, день в день), но забеременеть я не могла. Ради всего святого, я не занималась сексом ни с кем, кроме вампира!

Который окаменел на полу ванной и, похоже, в жизни больше не шевельнется.

Значит, должно быть другое объяснение. Со мной что-то не так. Загадочная южноамериканская болезнь, по всем симптомам напоминающая ускоренную беременность...

И тут память услужливо подсунула мне картинку из далекого прошлого, когда я все утро просидела в Интернете, ища информацию. За окном пасмурная мгла, на столе хрипит старенький компьютер, а я жадно глотаю страницы сайта «Вампиры от А до Я». Накануне Джейкоб Блэк, развлекающая меня квилетскими легендами, в которые тогда и сам толком не верил, поведал, что Эдвард – вампир. И вот я лихорадочно перескакиваю с ссылки на ссылку, читая мифы

о вампирах у разных народов. Данаг у филиппинцев, Эстри у евреев, румынские вараколаки, итальянские Стрегони Бенефици (последняя легенда своим появлением обязана проделкам молодости моего новоиспеченного свекра и его тогдашних приятелей Вольтури – но, сидя на сайте, я об этом понятия не имела)... Легенды делались все менее и менее правдоподобными, и я перестала вчитываться. Помню только отдельные обрывки из последних статей. Сказки, выдуманные в оправдание высокой детской смертности или супружеских измен. «Нет, дорогая, что ты, какая любовница?! А, красотка, украдкой выскользнувшая через черный ход? Так это злой демон, суккуб. Скажи спасибо, что я жив остался!» (С другой стороны, зная, на что способны Таня с сестрами, поневоле призадумалась...) Для женского пола своя отмазка: «Я тебе изменяю? Да как ты смеешь?! Ну и что, что ты два года провел в море, а я беременна! Это был инкуб... От его таинственных чар нет спасения...»

То есть инкуб на это способен. Зачать ребенка своей бездыханной жертве.

Я ошарашенно потрясла головой. Но как же...

Как же тогда Эсми? А тем более Розали? У вампира не может быть детей. Если бы хоть малейшая возможность существовала, Розали давно ею воспользовалась бы. Инкуб – это сказки.

С другой стороны... есть все же разница. Розали не в состоянии вынашивать ребенка по той простой причине, что

ее организм навеки застыл в том виде, в котором она перешла из мира смертных в мир бессмертия. Он не подвержен изменениям. А женское тело не может не меняться в процессе воспроизводства. Повторяющиеся преобразования, связанные с циклом, и куда более серьезные трансформации во время беременности. Тело Розали неизменно.

Зато мое меняется. И еще как. Я дотронулась до холмика на животе, которого еще вчера и в помине не было.

А вот мужчины... По большому счету от полового созревания до смерти особых неожиданностей не предвидится. Вспомнились невесты откуда почерпнутые забавные факты: Чарли Чаплину было за семьдесят, когда у него родился младший сын. У мужчин не тикают биологические часы и не бывает периодов овуляции.

Как узнать, может ли вампир зачать ребенка, если его спутница жизни не способна к деторождению в принципе? А если проверять теорию с человеческой женщиной, то какому вампиру хватит выдержки оставить партнершу в живых? И какой вампир захочет эту выдержку проявить?

Я знаю только одного.

Сознание работало наполовину – часть перебирала факты, теории и обрывочные воспоминания, а другую, ту, что отвечает за мелкую моторику, как будто парализовало. Одеревеневшими губами я пыталась окликнуть Эдварда – пусть объяснит мне наконец, что творится, – и не могла. Хотела подойти к нему, прикоснуться – тело не слушалось. Я только

смотрела в ошеломленные глаза своего отражения и прижимала руки к подросшему животу.

И вдруг, как в недавнем кошмаре, сцена предстала в ином свете. Раз! И зеркало отражает совсем не то, что секунду назад, хотя на самом деле ничего не изменилось.

А все потому, что изнутри меня легонько толкнули в прижатую к животу ладонь.

И в этот же миг у Эдварда пронзительно и требовательно зазвонил телефон. Ни Эдвард, ни я не двинулись с места. А телефон не унимался. Я ждала, не убирая ладонь с живота, пытаюсь отключиться от навязчивой трели. Лицо в зеркале уже не казалось ошеломленным, скорее прислушивающимся. Я не сразу заметила, что по щекам катятся слезы.

Телефон разрывался. Почему Эдвард не отвечает? У меня тут такой момент! Наверное, величайший в жизни.

Дзынь! Дз-зын-нь! Дзз-зынн-нь!

Наконец терпение лопнуло. Я опустилась рядом с Эдвардом на колени – в тысячу раз осторожнее, чем обычно, следя за каждым движением, – и принялась шарить по карманам в поисках телефона. Отчасти я надеялась, что Эдвард «отомрет» и ответит сам, но он не шелохнулся.

Разглядев на дисплее знакомый номер, я сразу поняла, почему она звонит.

– Привет, Элис. – Голос не прорезался. Пришлось откашляться.

– Белла? Белла, у тебя все нормально?

– Да. Э-э... А Карлайл близко?

– Близко. Что случилось?

– Я... не до конца... уверена.

– С Эдвардом ничего? – тревожно спросила она. Потом, отвернувшись от трубки, позвала Карлайла, а меня, не дожидаясь ответа на первый вопрос, тут же огорошила вторым: – Почему Эдвард сам не подошел?

– Не знаю точно.

– Белла, что у вас творится? Я только что увидела...

– Что увидела?

Она не ответила.

– Вот, даю Карлайла, – наконец проговорила Элис.

Мне в вены как будто ледяную воду впрыснули. Если Элис привиделся зеленоглазый малыш с ангельским личиком у меня на руках, почему мне об этом не сказать?

На ту долю секунды, что Карлайл брал трубку, перед глазами заплесало придуманное для Элис видение. Крохотный прелестный малыш, даже прелестнее, чем зеленоглазик в моих снах. Крошечная копия Эдварда. По венам, прогоняя лед, побежало приятное тепло.

– Белла, это Карлайл. Что случилось?

– Я... – А что ответить? Вдруг он посмеется над моими рассуждениями, решит, что я спятила? Или, может, это очередной цветной сон? – Я... Меня беспокоит Эдвард. У вампиров бывает ступор?

– Его ранили? – Голос на том конце сразу стал четким и

собранным.

– Нет-нет, – успокоила я. – Просто... застали врасплох.

– Белла, я не понимаю.

– Я... кажется... может быть... по-моему, я... – Так, глубокий вдох. – Беременна.

И как будто в подтверждение, меня снова пихнули изнутри. Рука тут же дернулась к животу.

Карлайл умолк. Потом в нем заговорил профессионал.

– Когда началась последняя менструация?

– За шестнадцать дней до свадьбы. – После всех подсчетов-пересчетов я могла утверждать с уверенностью.

– Как ты себя чувствуешь?

– Странно. – Голос дрогнул. Из глаз опять закапали слезы. – Вы, наверное, решите, что у девочки не все дома, потому что я и сама знаю, на таком сроке не бывает... Может, я и правда с ума сошла? Мне снятся странные сны, я без конца ем, плачу, меня тошнит... и, честное-пречестное, у меня сейчас что-то толкнулось в животе.

Эдвард вскинул голову.

Я облегченно вздохнула.

С белым застывшим лицом он протянул руку за телефоном.

– Э-э... Эдвард хочет с вами поговорить.

– Давай, – отрывисто отозвался Карлайл.

Я вложила телефон в протянутую руку, не уверенная, правда, что Эдвард в силах произнести хоть слово.

Он прижал трубку к уху и едва слышно прошептал:

– Такое может быть?

Долгое время он слушал, глядя в пространство отрешенным взглядом.

– А Белла? – Свободной рукой Эдвард притянул меня поближе к себе.

В ответ снова пространные объяснения, которые Эдвард выслушал молча, потом проговорил:

– Да. Да, хорошо.

Он нажал «отбой» и тут же набрал другой номер.

– Что Карлайл говорит? – не выдержала я.

– Что ты, видимо, беременна, – безжизненно прошелестел Эдвард.

По спине пробежала теплая дрожь. Крохотный комочек внутри шевельнулся.

– А теперь ты кому звонишь?

– В аэропорт. Мы летим домой.

Больше часа Эдвард провел на телефоне. Судя по всему, организовывал обратный перелет, хотя я об этом могла только догадываться, поскольку по-английски не было сказано ни слова. Разговор велся сквозь зубы, и со стороны казалось, что Эдвард ругается.

Одновременно он собирал вещи. Яростным вихрем носился по комнате, оставляя после себя не разруху, а идеальный порядок. Не глядя, бросил на кровать какой-то из моих нарядов, и я поняла, что пора одеваться. Он в это вре-

меня продолжал выяснять отношения по телефону, судорожно жестикулируя.

Не в силах выносить эту кипучую энергию, я потихоньку вышла из комнаты. От его маниакальной сосредоточенности меня замутило, но не как во время утренней тошноты. Просто слегка не по себе. Надо переждать где-нибудь в тихом уголке. Оледеневший, ничего не видящий вокруг Эдвард меня слегка пугал.

Так я снова очутилась на кухне. Ухватив с полки пакет крендельков, я рассеянно отправляла их в рот один за другим, глядя в окно на песок, скалы, пальмы и океан в лучах слепящего солнца.

Внутри беспокойно толкнулись.

– Конечно. Я тоже не хочу уезжать.

Отклика изнутри не последовало, и я снова уставилась за окно.

– Не понимаю... Что в этом такого?

Да, неожиданно. Да, ошеломительно. Но разве плохо?

Нет.

Тогда почему Эдвард как с цепи сорвался? Кто, в конце концов, требовал срочно играть свадьбу, я или он?

Я попыталась рассуждать здраво.

В общем-то не так уж трудно предположить, почему он решил сию секунду взять нас домой. Чтобы Карлайл меня посмотрел и окончательно развеял сомнения – хотя какие уж тут сомнения? Зато, может, он сумеет объяснить, почему я

вдруг настолько «глубоко» беременна, что и живот виден, и шевеление чувствуется. Это ведь не нормально...

И тут меня осенило! Он беспокоится за малыша. Я до этой стадии еще не дошла. Мозги медленнее работают, в голове пока только одна счастливая картинка — я качаю на руках изумительно красивого младенца с зелеными, как у Эдварда, глазами (у него были зеленые, до того как он стал вампиром). Надеюсь, он будет копией Эдварда, а не моей.

Забавно, как неожиданно и резко эта картинка заслонила остальные мысли. Мир перевернулся после того самого первого толчка. Раньше на свете существовал только один человек, без которого я не смогу жить. Теперь их двое. Это не значит, что моя любовь раскололась пополам и поделилась между ними, нет. Наоборот, сердце как будто стало вдвое больше, выросло, чтобы вместить и ту любовь, и эту. Наполнилось любовью до краев. Даже голова слегка закружилась.

Я никогда не понимала боль и обиду Розали. Не представляла себя матерью, не ощущала материнских чувств. Поэтому мне было легче легкого заверить Эдварда, что без сожаления откажусь ради него от возможности иметь детей. Я и правда так думала. Дети как таковые не вызывали у меня теплых чувств. Орущие, вечно все пачкающие создания. С ними и не пообщаешься толком. Когда я просила у Рене братика, имелся в виду старший брат. Чтобы он обо мне заботился, а не наоборот.

Но этот ребенок, наш с Эдвардом, совсем другое дело.

Он нужен мне как воздух. Это не выбор, это необходимость.

Наверное, у меня никудышное воображение. Я и представить не могла, как мне понравится замужем, пока не вышла замуж на самом деле. Так и с ребенком. Не могла представить, что захочу детей, пока не оказалась перед фактом...

Я накрыла живот ладонью, надеясь почувствовать еще толчок, и по щекам заструились слезы.

– Белла?

Голос меня насторожил. Слишком холодный, слишком осмотровый. И глаза такие же – пустые, жесткие.

И тут он заметил, что я плачу.

– Белла! – Эдвард стрелой пронесся через кухню и прижал ладони к моему лицу. – Где болит?

– Нет, нет...

Он притянул меня к себе.

– Не бойся. Через шестнадцать часов мы будем дома. Все образуется. Карлайл подготовит что нужно. Мы примем меры, все будет хорошо, все будет в порядке...

– Меры? Ты о чем?

Он отстранился и посмотрел мне в глаза.

– Эту штуку нужно извлечь, пока она не повредила тебе что-нибудь. Не пугайся. Я не дам ей тебя мучить.

– Штуку? – задыхнулась я.

Эдвард бросил быстрый взгляд на входную дверь.

– Вот черт! Совсем забыл, что Густаво должен приехать.

Сейчас, отправлю его и тут же вернусь. – Он вылетел из кухни.

Я вцепилась в кухонный стол, чтобы не упасть. Ноги подкашивались.

Эдвард назвал моего маленького непоседу «эта штука»! И Карлайл собирается его «извлечь»...

– Нет! – прошептала я.

Я все не так поняла. Малыш Эдварда не волнует. Он хочет его обидеть. Радужная картинка вдруг померкла и окрасилась в мрачные тона. Мой прекрасный младенец надрывается от плача, а я со своими слабыми руками не способна его защитить...

Что мне делать? Сумею ли я их переубедить? А если нет? Вот почему Элис так странно молчала в трубке? Она это увидела? Как Эдвард с Карлайлом убивают бледного красавца малыша, не дав ему даже появиться на свет?

– Нет! – крепнущим голосом прошептала я. Не бывать этому. Не допущу!

У входа Эдвард снова заговорил по-португальски. Опять ругается. Голоса приближались, Эдвард заворчал от досады. Ему ответил другой голос, тихий и робкий. Женский.

Эдвард вошел в кухню и, не сбавляя шага, двинулся ко мне. Вытерев мои слезы, он, почти не разжимая плотно сомкнутых губ, прошептал на ухо:

– Она приготовила нам еду, непременно хочет ее тут оставить. – В другом состоянии, не таком напряженном и кло-

кочушем, Эдвард закатил бы глаза. – Это просто предлог, на самом деле она пришла проверить, жива ты или я тебя убил. – К концу фразы голос стал совсем ледяным.

Каури с накрытым крышкой блюдом в руках опасно просунулась на кухню. Если бы я знала португальский или хоть испанский получше... Я бы от души поблагодарила эту маленькую женщину, которая из беспокойства за меня не побоялась рассердить вампира.

Ее взгляд перебегал от Эдварда ко мне, наверняка подмечая и мою бледность, и заплаканные глаза. Пробормотав что-то непонятное, она опустила блюдо на стол.

Эдвард довольно грубо рявкнул в ответ. Не помню, чтобы он позволял себе такое поведение. Женщина развернулась, колыхнув длинной юбкой, и мне в лицо повеяло запахом еды. Рыба с луком. Подавившись, я кинулась к раковине. Сквозь шум в ушах я чувствовала прохладную руку Эдварда на лбу и слышала его успокаивающий шепот. На секунду ладонь убралась, хлопнула дверца холодильника – и запах, к счастью, улетучился. Взмокнушему лбу и щекам стало чуть легче от освежающих прикосновений. Скоро все кончилось.

Я прополоскала рот водой из-под крана, Эдвард в это время поглаживал мой висок.

В животе вопросительно толкнулись.

«Все хорошо. Все в порядке», – мысленно ответила я.

Эдвард развернул меня и прижал к себе. Я положила ему голову на плечо. Ладони машинально сложились на животе.

И тут раздалось испуганное «а-ах!». Я подняла глаза.

Маленькая женщина застыла в дверях, вытянув руки, готовая броситься на помощь. Расширенные от ужаса глаза смотрят в одну точку – на мой прикрытый ладонями живот, рот распахнулся в немом крике.

В этот момент Эдвард тоже ахнул и, повернувшись к уборщице, сдвинул меня назад, прикрывая собой. Рукой он придерживал меня за талию, как будто боялся, что я рванусь вперед.

А Каури вдруг начала на него кричать – громко и зло. Непонятные слова летели в Эдварда как кинжалы. Уборщица наступала на Эдварда, грозя ему крошечным кулачком, но, несмотря на всю ярость, заметно было, как ей страшно.

Эдвард дернулся к ней, и я ухватила его за руку, испугавшись за женщину. Оборвав гневную тираду, Эдвард заговорил совсем другим тоном – такого я не ожидала, учитывая, как резко он разговаривал, когда уборщица еще не начала на него кричать. Голос стал тихим, чуть ли не умоляющим. Даже тембр поменялся, стал более гортанным, не таким ритмичным. Кажется, это был уже не португальский.

Уборщица глянула на него с удивлением, а потом, сощурив глаза, выплюнула длинную вопросительную фразу на том же странном языке.

Эдвард кивнул с помрачневшим и вытянувшимся лицом. Каури отшатнулась и поспешно перекрестилась.

Он подался к ней, потом показал на меня и погладил по

щек. Она в ответ замахала руками с обвиняющим видом, выпалив что-то обидное. Дождавшись, пока она закончит, Эдвард снова принялся увещевать тихим настойчивым голосом.

Каури слушала с растущим сомнением в глазах. Время от времени ее взгляд падал на мое озадаченное лицо. Эдвард умолк, она тоже молчала, видимо, что-то взвешивая. Посмотрела на меня, на него и невольно подалась вперед.

Вопросительным жестом округлила руки перед животом, изображая что-то вроде большого шара. Я вздрогнула. Неужели в ее легендах о демоне-кровопийце и об этом тоже есть? И она догадывается, кто растет у меня в животе?

Каури сделала еще пару шагов навстречу Эдварду, на сей раз осознанно, и задала несколько отрывистых вопросов. Он сдержанно ответил. Потом спросил сам. Что-то короткое. После некоторого размышления Каури медленно покачала головой. Когда Эдвард заговорил снова, в его голосе было столько муки, что я удивленно вскинула глаза. Лицо его исказилось от боли.

Каури, медленно переступая, подошла ко мне и накрыла мои скрещенные на животе руки своей маленькой ладошкой. А потом произнесла одно слово по-португальски.

– Морте, – выдохнула она. И ссутулившись, как будто разом состарилась, побрела из кухни.

На это моего испанского хватило.

Эдвард снова застыл, провожая Каури помертвевшим

взглядом. Несколько секунд спустя снаружи донеслось и постепенно затихло вдали ворчание лодочного мотора.

Эдвард шевельнулся, только когда я направилась в ванную.

– Куда ты? – измученно прошептал он.

– Зубы почищу.

– Не обращай внимания на ее слова. Это всего лишь легенды, древние байки.

– Я все равно ничего не поняла. – Тут я немного покривила душой. Ну и что, что легенды? У меня кругом сплошные легенды! И все истинная правда.

– Я твою щетку уже упаковал. Сейчас достану.

Он поспешил в спальню.

– Когда мы едем? – крикнула я вслед.

– Как только соберешься.

Дожидаюсь, пока я верну щетку, он в молчании ходил кругами по комнате. Я вручила ее сразу, выйдя из ванной.

– Пойду погружу вещи.

– Эдвард...

Он обернулся.

– Да?

Куда бы его услать, чтобы на пару секунд остаться одной?

– Можешь... прихватить какой-нибудь еды? Вдруг я опять проголодаюсь...

– Конечно. – Его взгляд потеплел. – Не волнуйся ни о чем. Пара часов, и Карлайл нас встретит. Скоро все будет позади.

Я молча кивнула, боясь, что голос меня выдаст.

Эдвард вышел из комнаты, ухватив по чемодану в каждую руку.

Метнувшись к столу, я схватила сотовый. Непривычная для Эдварда рассеянность – забыл, что Густаво должен приехать, телефон вот оставил... Сильный, должно быть, ступор, если Эдвард сам не свой.

Открыв телефон, я пробежала взглядом по списку номеров. Хорошо, что звук выключен, а то засечет еще. Где он сейчас, на яхте? Или уже обратно идет? Если я буду говорить тихим-тихим шепотом и на кухне, услышит или нет?

Вот он, нужный номер. Первый раз в жизни набираю. Нажав кнопку вызова, я скрестила пальцы.

– Да? – прозвенели в ответ золотые колокольчики.

– Розали? – прошептала я. – Это Белла. Ты должна мне помочь. Пожалуйста!

КНИГА ВТОРАЯ ДЖЕЙКОБ

...Хотя, по правде говоря, любовь и разум в наши дни плохо ладят...²

Уильям Шекспир. Сон в летнюю ночь, действие третье, явление 1

Пролог

Жизнь – дерьмо, и все мы сдохнем.
Жаль, мне последнее не светит.

² Перевод М. Лозинского.

Глава 8

СКОРЕЙ БЫ УЖЕ ЭТА БИТВА

– Слушай, Пол, у тебя что, своего дома нет?

Пол, развалившись на моем диване, смотрел по телику какой-то дурацкий бейсбольный матч. По моему телику, черт возьми!

Он улыбнулся, медленно – очень медленно – достал один «дорито» из пакета с кукурузными чипсами и целиком запихнул в рот.

– Мог бы и свои принести.

Хрум.

– Не-а, – ответил Пол с набитым ртом. – Твоя сестренка велела не стесняться и брать что угодно.

– А Рейчел здесь? – непринужденно спросил я. Только бы он не заподозрил, что я хочу ему врезать!

Увы, Пол тут же разгадал мои намерения. Он бросил пакет за спину и вжался в диван, вскинув кулаки к самому лицу, точно боксер. Чипсы с хрустом раскрошились.

– Я за Рейчел не прячусь, понял?

Я фыркнул.

– Ну-ну! А к кому ты первым делом побежишь плакаться?

Он рассмеялся и опустил руки.

– Да не буду я нытья девчонке! Если сможешь мне врезать, это останется между нами, лады? И наоборот.

Какое любезное приглашение! Я тоже обмяк, будто бы сдался.

– Ага.

Пол снова уставился в телевизор.

Я рванул к нему.

Нос приятно хрустнул под моим кулаком. Пол хотел меня схватить, но я увернулся и вырвал у него из-за спины пакет с раскрошенными чипсами.

– Ты мне нос сломал, дурень!

– Это останется между нами, да?

Я убрал чипсы на место, а когда снова обернулся к Полу, он вправлял себе нос, пока тот не застыл в смещенном положении. Кровь больше не шла и появилась на его губах и подбородке словно бы ниоткуда. Пол выругался, надавив на хрящик.

– Ну ты и гад, Джейкоб!.. Надо было перекантоваться у Ли.

– Готов спорить, она бы страшно обрадовалась, что ты решил осчастливить ее своим присутствием.

– Забудь, что я это сказал.

– Ага, могила.

Пол хмыкнул и уселся обратно на диван, вытирая оставшуюся кровь воротником футболки.

– А ты ничего, шустрый парень. – С этими словами он вернулся к просмотру суетливого матча.

Я малость постоял рядом и ушел в свою комнату. Может,

Пола недавно похитили инопланетяне? Раньше он был готов драться в любую минуту. Его даже бить не надо было – хватало одного грубого слова. Что угодно могло вывести его из себя. А теперь, когда мне по-настоящему захотелось драться, рыча и сшибая вокруг деревья, он вдруг подобрел.

Жуть, опять запечатление, уже четвертый случай в стае! Когда это закончится? Разве импринтинг не редкость? Тошнит уже от любви с первого взгляда, черт бы ее побрал!

И вообще, почему именно моя сестра должна была запечатлиться на Пола?!

Когда в конце лета Рейчел вернулась из штата Вашингтон – рано окончила университет, заучка, – больше всего я переживал, как бы она не пронюхала. Я не привык скрываться в собственном доме. Мне всегда было жаль Эмбри и Коллина, чьи родители не знали, что они – оборотни. Мама Эмбри наивно считала, что у ее сына просто переходный возраст. Его уже не раз запирали за побеги из дома, но он, ясное дело, ничего не мог с собой поделать. Каждую ночь мама заглядывала в его комнату, и каждую ночь там никого не было. Она кричала, сын молчал, и так по кругу. Мы пытались поговорить с Сэмом, чтобы он сделал для Эмбри поблажку и позволил ему рассказать все матери, однако Эмбри заявил, что тайна превыше всего.

Вот и я пытался ее сохранить. Но через два дня после приезда Рейчел они с Полом случайно встретились на пляже и... Здравствуй, любовь! Конечно же, от второй половинки ни-

каких секретов быть не может и так далее. Вся эта муть про запечатление.

Рейчел узнала тайну, и Пол рано или поздно должен был стать моим зятем. Билли тоже не прыгал от восторга по этому поводу, хотя держался куда спокойнее, чем я, разве что стал чаще сбегать к Клируотерам. Ума не приложу, какой в этом толк, – Пола он не видел, зато глаза мозолила Ли.

Интересно, я умру, если пушу себе пулю в висок? Или придется мозги от стен оттирать?

Я рухнул на постель. Устал черт знает как – не спал с последнего дозора, – но сон не шел. В голове стоял дикий шум, мысли бились о черепушку, как рой взбесившихся пчел. То и дело они жалили. Нет, даже не пчелы, а шершни, ведь пчелы умирают после первого укуса. А меня жалили одни и те же.

Неопределенность сводила с ума. Прошло уже почти четыре недели – скоро все станет известно. Долгими ночами я представлял, как это произойдет. Например, позвонит Чарли и в слезах сообщит, что Белла с мужем разбились... в авиа-катастрофе? Нет, ее сложно инсценировать. Впрочем, пиявкам ничего не стоит прибить полсотни свидетелей, верно? Или они полетят небольшим частным самолетом. Наверняка у них такой найдется.

А может, убийца вернется домой после неудачной попытки сделать Беллу одной из них. Или даже до этого не дойдет? Может, он просто раздавит ее, как пакет с чипсами? Ведь собственное удовольствие для него куда важнее, чем жизнь

Беллы...

Эдвард расскажет, что произошла трагедия: на его жену напали хулиганы. Она подавилась за ужином. Разбилась в аварии, как моя мама. А что тут удивительного, такое часто случается.

Привезет ли он ее домой? Похоронит ли здесь – ради Чарли? Понятное дело, гроб не откроют. Гроб с моей мамой заколотили наглухо.

Мне оставалось только надеяться, что пиявка приедет, и я смогу до него добраться.

А может, никакой истории вообще не будет. Чарли позвонит моему папе и спросит, не слышал ли он чего про доктора Каллена – тот сегодня не пришел на работу. В доме пусто, телефоны не отвечают. О загадочном исчезновении сообщат в каких-нибудь второсортных новостях, заподозрят убийство...

Или большой белый дом сгорит дотла вместе с его обитателями. Конечно, понадобятся трупы – восемь тел подходящих размеров обгорят до неузнаваемости, так что личности нельзя будет установить даже по зубам.

В любом случае, работенка мне предстоит та еще. Вампиров сложно найти, когда они прячутся. С другой стороны, у меня впереди целая вечность. А когда в твоём распоряжении вечность, можно перебрать все соломинки в стоге, чтобы отыскать иголку.

Я был не прочь поворошить сено – хоть какое-то занятие.

Невыносимо сознавать, что я упускаю свой шанс, даю крокопиццам возможность свалить, если таков их план.

Почему бы не взяться за дело сегодня же? Убьем всех, кого удастся найти.

Я хорошо знаю Эдварда: если прихлопнуть кого-нибудь из его шайки, он непременно вернется, чтобы отомстить. И тогда мы встретимся с ним лицом к лицу – я не позволю братьям напасть на него всей стаей. Только он и я. Победит сильнейший.

Впрочем, Сэм ни за что на это не согласится. «Мы не нарушим договор. Пусть его нарушат они». У нас ведь нет доказательств, что Каллены совершили преступление. Пока нет. Рано или поздно они его совершат: Белла должна либо превратиться в вампира, либо умереть. Так или иначе, не станет человека, а это повод начать войну.

Из соседней комнаты донеслось ослиное гиканье Пола. Наверное, переключился на какую-нибудь комедию, или реклама смешная. Какая разница! Его ржание действовало мне на нервы.

Так и подмывало еще разок сломать ему нос. Хотя на самом деле я хотел драться вовсе не с Полом.

Я прислушался к другим звукам, к ветру в ветвях. Человечьими ушами слышишь по-другому, в этом теле мне недоступны миллионы голосов.

Впрочем, я и сейчас не мог пожаловаться на слух. Я слышал, как за деревьями, на дороге, машины делали послед-

ний поворот перед тем, как откроется вид на острова, скалы и огромный синий океан. Лапушские копы любят стоять на этом повороте: туристы редко замечают знак ограничения скорости на другой стороне дороги.

Я слышал голоса возле сувенирной лавки на пляже. Когда дверь открывалась или закрывалась, звякал колокольчик. Мама Эмбри стояла за кассой и выбивала кому-то чек.

Я слышал волны, набегающие на каменистый берег. Визжали дети, не успевая скрыться от ледяной воды. Мамаши ругали их за промокшую одежду. И я слышал знакомый голос...

От внезапного взрыва ослиного хохота за стеной я чуть не упал с кровати.

– Убирайся из моего дома, – буркнул я. Зная, что Пол и не подумает убраться, я решил последовать собственному совету: распахнул окно и вылез на улицу, не желая лишний раз встречаться с Полом. Соблазн был слишком велик. Я снова его ударю, а Рейчел и так взбесится, когда увидит кровь на рубашке, – выругает меня, толком не разобравшись. Конечно, она будет права, но все-таки.

Я спустился к берегу, спрятав кулаки в карманах. Пока я шел по пустырю возле Первого пляжа, никто не обращал на меня внимания. Хорошо летом – можно разгуливать в одних шортах, не привлекая любопытных взглядов.

Я шел на знакомый голос и без особого труда отыскал Квила. Он держался в стороне от туристов и беспрестанно

выкрикивал предупреждения:

– Не лезь в воду, Клэр! Хватит уже. Не надо! Ну, вот... молодчина. Нет, серьезно, Эмили меня убьет, ты этого доби-
ваешься? Больше не пойду с тобой на пляж, если... Ах так? Переста... Да что с тобой?! Думаешь, это смешно? Ха! До-
прыгалась!

Когда я к ним подошел, Квил ухватил малышку за ногу. В руке у нее болталось ведро, а джинсы были насквозь мокрые. У Квила на груди тоже красовалось мокрое пятно.

– Пять баксов на малютку, – сказал я.

– Привет, Джейк!

Девочка завизжала и ударила Квила ведром по ногам.

– Пусти, пусти!

Он осторожно поставил ее на ноги, и Клэр бросилась ко мне.

– Дядя Джей! – радостно закричала она, обхватив мою ногу обеими руками.

– Как дела?

Она хихикнула:

– Квил совсем моклый!

– Вижу. А где твоя мама?

– Ушла, ушла, ушла! – пропела девочка. – Клэр весь день иглает с Квиллом! Клэр никогда не пойдет домой!

Она отпустила меня и помчалась к Квилу. Тот легко подхватил ее на руки и усадил на плечи.

– Смотрю, кризис двух лет в полном разгаре.

– Вообще-то трех, – поправил Квил. – Это надо было видеть: меня нарядили принцессой и заставили надеть корону, а Эмили предложила испытать на мне новый набор детской косметики.

– Обалдеть! Да, я много пропустил.

– У Эмили есть фотографии. На них я прямо красotka.

– Лопух ты, а не красotka.

Квил пожал плечами:

– Главное, Клэр было весело.

Я усмехнулся. Мне трудно находиться рядом с запечатленными. Не важно, на какой они стадии – ведут любимую под венец, как Сэм, или терпеливо сносят детские шалости, как Квил, – от их блаженного спокойствия меня прямо тошнит.

Клэр у него на плечах взвизгнула и показала пальчиком на землю.

– Класивый камушек! Дай, дай!

– Который? Красненький?

– Неть!

Квил присел на колени, а Клэр заверещала и дернула его за волосы, как за поводья.

– Вот этот, голубенький?

– Неть, неть, неть! – восторженно пропела малютка, радуясь новой игре.

Самое странное, что Квил радовался не меньше, чем она. У него не было того выражения лица, какое обычно бывает у

приезжих папаш и мамаш: «Когда уже тихий час?» – словно бы спрашивают они. Настоящие родители не ловят столько кайфа от глупых детских игр, которые выдумывают их чада. Один раз я видел, как Квил битый час играл с малышкой в «ку-ку», и за все это время ему ни разу не стало скучно.

Я даже не мог его высмеять – слишком завидовал.

С другой стороны, Квилу тоже фигово: впереди еще четырнадцать лет монашеской жизни, пока Клэр не станет его ровесницей. Ладно хоть оборотни не стареют. Но и это, видать, не больно-то его тревожило.

– Квил, ты когда-нибудь думаешь о девушках? – спросил я.

– Чего?

– Неть, неть, желтый! – завопила Клэр.

– Ну, о девушках. Настоящих. С кем можно провести свободный вечер, когда не надо возиться с ребенком.

Квил уставился на меня, разинув рот, и от удивления даже забыл предложить Клэр очередной камень.

– Хочу класивый камушек! – крикнула она и шмякнула его кулачком по голове.

– Ой, прости, медвежонок! Бордовый подойдет?

– Неть! – хихикнула Клэр. – Не хотю болдовый!

– Тогда хоть подскажи. Ну пожа-алуйста.

Клэр на минуту задумалась.

– Зеленый!

Квил внимательно рассмотрел землю под ногами и выбрал

четыре камня разных оттенков зеленого.

– Вот эти?

– Дя!

– Который из них?

– Фсе-е!

Она протянула ему ладони, и он ссыпал в них камешки. Клэр рассмеялась и тут же шибанула его ими по голове. Он картинно поморщился, встал и зашагал к стоянке – видимо, испугался, как бы она не простудилась в мокрых джинсах. Порой Квил был хуже любой параноидальной, чересчур заботливой мамочки.

– Извини за бестактность, дружище. Ну, насчет девушек, – сказал я.

– А, да ладно! – отмахнулся Квил. – Я просто немного удивился. Никогда об этом не думал.

– Мне кажется, Клэр тебя поймет... ну, когда вырастет. Не станет она беситься из-за того, что у тебя была своя жизнь, пока она пешком под стол ходила.

– Да, знаю. Нисколько не сомневаюсь, что поймет.

Больше он ничего не сказал.

– Но тебе все равно никто не нужен, верно? – догадался я.

– Даже представить себе этого не могу, – тихо ответил Квил. – Я ни на кого не смотрю... так. Девушек вообще не замечаю, не вижу их лиц.

– А если вспомнить про диадему и косметику, то у Клэр, похоже, скоро будет другой повод для ревности.

Квил рассмеялся и игриво послал мне воздушный поцелуй.

– Ты в эту пятницу свободен, Джейкоб?

– Размечтался! – ответил я и тут же наморщил лоб. – А вообще-то свободен...

Квил немного помедлил и спросил:

– Ну а ты о девушках думаешь?

Я вздохнул. Похоже, меня раскусили – сам виноват.

– Знаешь, Джейк, пора и о себе вспомнить.

Он не шутил, в его голосе слышалось искреннее сочувствие. Ну вот, еще чего не хватало!

– Как и ты, я их не замечаю. Не вижу лиц.

Квил тоже вздохнул.

Где-то далеко в лесу прозвучал вой – так тихо, что за плеском волн кроме нас его никто не услышал.

– Черт, это Сэм. – Квил поднял руки и потрогал малышку, словно проверяя, на месте ли она. – Понятия не имею, где ее мама!

– Узнаю, в чем дело, и позову тебя, если понадобишься, – скороговоркой выпалил я. – Слушай, ты ведь можешь оставить ее у Клируотеров. Сюю и Билли за ней присмотрят. К тому же они уже наверняка знают, что случилось.

– Ладно. Беги!

И я побежал – не по тропинке через живую изгородь, а напролом к лесу, сквозь заросли терна. Колючки впивались в кожу, но я не обращал на них внимания. Царапины заживут,

прежде чем я успею добраться до деревьев.

Я промчался за магазином и пересек шоссе. Сзади раздался громкий вой клаксона. Оказавшись под сенью деревьев, я побежал быстрее, делая длинные прыжки. Если бы меня кто-то увидел, он бы очень удивился: нормальный человек так бежать не может. А что, весело было бы поучаствовать в каких-нибудь бегах – на Олимпийских играх, к примеру. Представляю лица крутых атлетов, когда я ветром пролечу мимо них! Вот только анализы на допинг наверняка выявят какую-нибудь жуткую дрянь в моей крови.

В чаще леса, когда дороги и дома остались далеко позади, я резко затормозил и стянул с себя шорты. Быстрым движением скрутил их, привязал к кожаному шнуру на лодыжке и сразу начал перевоплощаться: позвоночник охватило пламя, от которого руки и ноги свело мощными судорогами. Все случилось за секунду. Жар затопил мое тело, и своеобразное мерцание превратило меня в зверя. Я уперся тяжелыми лапами в блеклую землю и потянул спину, играя мышцами. Если сосредоточиться, перевоплощение всегда происходит легко и быстро – я давно научился умирять свою ярость. Хотя иногда она мне все-таки мешает.

Вспомнился тот отвратный случай на свадьбе. Я так обезумел от ярости, что тело перестало подчиняться. Я угодил в ловушку – дрожал и горел, не в силах перевоплотиться и убить гада, который стоял всего в нескольких метрах от меня. Это было ужасно. Я мечтал его прикончить и боялся

причинить боль Белле. Да еще друзья вмешались. Наконец, когда я перевоплотился, прозвучал приказ вожака. Распоряжение альфы. Если бы на празднике были только Эмбри и Квил, без Сэма... смог бы я прикончить убийцу?

Терпеть не могу, когда Сэм нами помыкает. Ненавижу чувство, что у меня нет выбора, что я вынужден подчиниться.

Тут я ощутил в своих мыслях посторонних.

– Ах, он всегда так погружен в себя!.. – подумала Ли.

– Да уж, от тебя не скроешься, – сердито подумал я в ответ.

– Хватит, ребята, – одернул нас Сэм.

Мы замолчали, Ли наморщилась при слове «ребята» – обидчива, как всегда.

Сэм сделал вид, что ничего не заметил.

– Где Квил и Джаред?

– Квил везет Клэр к Клируотерам.

– Хорошо. Сюю за ней присмотрит.

– Джаред собирался к Ким, – подумал Эмбри. – Он мог и не слышать твой зов.

Стая тихо зарычала. Я тоже: когда Джаред придет, наверняка он будет думать о Ким, а кому приятно смотреть, что там у них происходит?

Сэм сел на задние лапы, и громкий вой снова прорезал воздух. То был знак и приказ одновременно.

Стая собралась в нескольких милях к востоку от меня. Я

помчался к ним сквозь чащу. Ли, Эмбри и Пол тоже были в пути, причем Ли бежала совсем рядом: вскоре я услышал треск веток под ее лапами. Мы двигались параллельно, не приближаясь друг к другу.

– Не ждать же нам его весь день. Придет, когда сможет.

– А в чем дело? – поинтересовался Пол.

– Случилось кое-что. Надо обсудить.

Я почувствовал, как мысли Сэма устремились ко мне – а заодно и мысли Сета, Коллина и Брейди. Коллин и Брейди, новенькие, патрулировали лес вместе с Сэмом; стало быть, им уже все известно. Но почему с ними Сет, сегодня ведь не его очередь?

– Сет, расскажи им, что ты узнал.

Я побежал быстрее, чтобы их видеть. Ли тоже разогналась. Она не выносила, когда ее опережали, и хотела только одного: быть самой лучшей бегуньей.

– Не догонишь, кретин! – прошипела она и рванула вперед. Я выпустил когти, оттолкнулся от земли и помчался следом.

Сэму, похоже, было не до наших разборок.

– Ли, Джейк, уgomонитесь.

Ни она, ни я скорость не сбавили.

Сэм зарычал, но решил оставить нас в покое.

– Сет?

– Чарли обзвонил всех, пока не нашел Билли у меня дома.

– Да, я тоже с ним разговаривал, – добавил Пол.

Когда я услышал имя Чарли, меня пробила дрожь. Вот оно! Моему ожиданию конец. Я побежал еще быстрее, заставляя себя дышать, хотя мои легкие словно одеревенели.

Так какую же историю придумал Эдвард?

– Он страшно взволнован. На прошлой неделе Белла с Эдвардом вернулись домой, и...

Дышать сразу стало легче.

Она жива. Ну по крайней мере не умерла в прямом смысле этого слова.

Я и не догадывался, как много будет значить для меня эта разница. До сих пор я считал, что она умерла, и даже мысли не допускал, что Эдвард привезет ее живой. Но толку-то? Всем ясно, чем дело закончится.

– Да, брат, а теперь плохая новость: Чарли с ней разговаривал, и у нее был ужасный голос. Она заболела. Карлайл сказал, что в Южной Америке Белла подхватила какую-то редкую болезнь, и велел ее изолировать. Чарли сходит с ума, его к ней не пускают. Он все твердит, что ему плевать на заразу, но Карлайл стоит на своем: никаких посетителей. Состояние у Беллы тяжелое, однако он делает все, что может. Чарли трясется из-за этого уже несколько дней, а Билли позвонил только сегодня. Говорит, Белла совсем ослабла.

После его слов надолго воцарилась мысленная тишина. Мы все поняли.

Итак, Чарли боится, что она умрет. Дадут ли ему посмотреть на труп? Бледный, неподвижный, бездыханный труп до-

чери? Наверняка ему не разрешат притронуться к холодной коже – он может заметить, какая она твердая. Им придется ждать, пока Белла научится сдерживать себя, иначе она убьет и Чарли, и всех остальных, кто придет на похороны. Сколько времени это займет?

И похоронят ли ее? А потом она сама выберется из могилы или ей помогут кровопийцы?

Стая молча слушала мои разглагольствования. Я думал об этом куда больше, чем они.

Мы с Ли вбежали на поляну почти одновременно, хотя она считала, что пришла первой. Она села рядом с братом, а я встал справа от Сэма. Пол покружил на месте и тоже сел.

– Я первая! – подумала Ли, но сейчас мне было не до нее. Почему они сидят? От нетерпения я весь ошетинился.

– Ну, и чего ждем? – не выдержал я.

Никто не ответил. В их молчании чувствовалась неуверенность.

– Что с вами?! Договор нарушен!

– У нас нет доказательств, может, она действительно заболела...

– ЧУШЬ!

– Да, косвенные улики довольно убедительны, но... Джейкоб... – прозвучала нерешительная мысль Сэма. – Ты уверен? Думаешь, так будет правильно? Мы все знаем, чего хочет Белла...

– В договоре ничего не сказано о желаниях жертвы, Сэм!

– А по-твоему, она жертва? Ее можно так назвать?

– Да!

– Джейк, – подумал Сет, – они нам не враги.

– Заткнись! Оттого что вас с этим кровопийцей связывает какое-то большое геройство, законы не меняются! Они наши враги. Они на нашей земле. Мы их уничтожим. И плевать, что когда-то вы с Эдвардом Калленом сражались заодно!

– Джейк, а что ты будешь делать, если Белла тоже вступит в битву, а? – спросил Сет.

– Она больше не Белла.

– Ты сам ее убьешь?

Я не выдержал и нахмурился.

– Нет, не убьешь. Попросишь кого-нибудь из нас? А потом навсегда затаишь на него зло?

– Я не...

– Еще как затаишь. Ты не готов к этой битве, Джейкоб.

Мной завладел инстинкт, и я пригнулся к земле, рыча на волка со светлым мехом.

– Джейкоб! – осадил меня Сэм. – Сет, помолчи минутку. Тот кивнул.

– Черт, я что-то пропустил? – прозвучала мысль Квила. Он на всех парах мчался к поляне. – Мне рассказали про звонок...

– Скоро выступаем, – перебил его я. – Заскочи к Ким и притащи сюда Джареда. Нам нужны все до единого.

– Беги сюда, Квил, – приказал Сэм. – Мы еще ничего не

решили.

Я зарычал.

– Джейкоб, я должен помнить о благе стаи и принимать благоразумные решения. С тех пор как был заключен договор, многое изменилось. Я... честно говоря, сомневаюсь, что Каллены опасны. К тому же долго они здесь не пробудут. Как только все уляжется, они исчезнут. А мы вернемся к нормальной жизни.

– К нормальной?

– Если мы бросим им вызов, Джейкоб, они будут защищаться до последнего.

– Ты боишься?

– А ты готов потерять брата? – Сэм помолчал и добавил: – Или сестру?

– Я не боюсь умереть.

– Знаю, Джейкоб. Поэтому я и усомнился в твоём благоразумии.

Я посмотрел в его черные глаза.

– Ты не чтешь договор наших предков?

– Я забочусь о стае. Ваши жизни – превыше всего.

– Трус!

Сэм напрягся и оскалил зубы.

– Довольно, Джейкоб. Твое предложение отклоняется. – Мысленный голос Сэма изменился, в нем зазвучали странные двойные ноты, которым мы не могли противиться. Голос альфы. Он по очереди заглянул в глаза всем волкам на поля-

не. — Мы не станем беспричинно нападать на Калленов. Мы чтим дух договора. Каллены не опасны ни для нашей стаи, ни для жителей Форкса. Белла Свон сделала сознательный выбор, и мы не должны наказывать за это своих бывших союзников.

— Верно, верно! — оживленно подумал Сет.

— Я, кажется, велел тебе молчать.

— Ой, прости, Сэм.

— Джейкоб, куда ты направился?

Я вышел из круга и пошел на запад, чтобы они не видели моей морды.

— Пойду попрощаюсь с отцом. Я и так задержался тут слишком надолго.

— Ох, Джейк, опять ты за свое!

— Молчи, Сет! — перебили его несколько голосов.

— Мы не хотим, чтобы ты уходил, — уже мягче подумал Сэм.

— Так вынуди меня остаться. Отдай приказ. Сделай из меня раба.

— Ты хорошо знаешь, что я так не поступлю.

— Тогда мне больше нечего сказать.

Я побежал прочь, изо всех сил стараясь не думать о своих планах. Вместо этого я вспоминал долгие волчьи месяцы, когда мало-помалу меня покидала человечность, и в конце концов я стал больше похож на зверя. Жил настоящим днем, ел, когда был голоден, спал, когда уставал, пил, когда испы-

тывал жажду, и все время бежал – ради того, чтобы бежать. Простые вопросы, простые ответы. Боль тоже была простой: от голода, от мерзлой земли, от чужих когтей – если ужин попадался несговорчивый. От каждой боли имелось простое средство, ясное и понятное действие, которое могло положить ей конец.

Когда ты человек, все иначе.

И все-таки, подбежав ближе к дому, я принял человеческий облик. Надо было подумать без свидетелей.

Прямо на бегу я отвязал и нацепил шорты.

Итак, теперь мои мысли никому не слышны, и Сэму уже не под силу меня остановить.

Он отдал недвусмысленное распоряжение: стая не нападет на Калленов. Хорошо, пусть так.

Но он ничего не сказал про одиночек.

Верно, стая не нападет.

Нападу я.

Глава 9

ЧЕРТ, ТАКОГО Я ТОЧНО НЕ ОЖИДАЛ

На самом деле прощаться с отцом я не собирался.

Один звонок Сэму – и все пропало. Они меня остановят, возможно, попытаются разозлить или даже ранят, чтобы я перевоплотился в волка и Сэм мог отдать новый приказ.

Однако Билли догадался, в каком я буду состоянии, и поджидал меня во дворе. Он сидел в инвалидном кресле и, как только я вышел из леса, попытался определить, куда я направляюсь. Я зашагал напрямик к своему гаражу.

– Минута найдется, Джейк?

Я остановился и перевел взгляд с него на гараж.

– Ну же, сынок. Помоги хоть домой зайти.

Я скрипнул зубами, но потом решил, что у меня будет больше проблем с Сэмом, если я не уделю отцу пару минут.

– С каких пор тебе нужна для этого помощь, старик?

Он громко расхохотался:

– Руки устали! Я только что от Сью.

– От нее вся дорога под гору. Еще небось с ветерком проехался.

Я закатил его коляску на небольшой пандус, который соорудил сам, а затем в гостиную.

– Ну ладно, твоя правда! Я несея под тридцатник, не меньше. Эх, хорошо!

– Когда-нибудь ты убьешь коляску, придется тебе ползать на локтях.

– Вот еще! Меня будешь носить ты.

– Ну, всюду я тебя носить не стану. Посидишь дома.

Билли поставил руки на колеса и подъехал к холодильнику.

– Пожевать найдется?

– У нас весь день торчал Пол, так что вряд ли.

Билли вздохнул.

– Пора прятать от него еду, а то мы тут с голоду помрем.

– Скажи Рейчел, чтобы переехала к нему.

Билли посерьезнел и смягчился.

– Она дома всего несколько недель, мы давным-давно ее не видели. Ей нелегко – девочки были старше тебя, когда умерла ваша матушка. Им тяжело находиться в этом доме.

– Знаю.

Ребекка не приезжала с тех пор, как вышла замуж, хотя у нее была уважительная причина: летать домой с Гавайских островов – недешевое удовольствие. Вашингтонский университет был куда ближе, так что Рейчел училась все летние семестры напролет и еще подрабатывала по выходным в студенческом кафе.

Если бы не Пол, она бы не осталась здесь надолго. Может, поэтому Билли его и не прогонял.

– Ну ладно, мне еще поработать кое над чем надо... – Я направился к задней двери.

– погоди, Джейк. Ты не расскажешь, что стряслось? Или я обязательно должен звонить Сэму?

Я стоял к нему спиной, пряча лицо.

– Ничего не случилось. Сэм решил их простить. Похоже, мы все теперь души не чаем в пиявках.

– Джейк...

– Не хочу об этом говорить.

– Ты уходишь, сын?

Воцарилась долгая тишина, пока я обдумывал ответ.

– Зато Рейчел сможет поселиться в своей прежней комнате. Я-то знаю, как она ненавидит надувные кровати.

– Ради тебя она будет спать и на полу, Джейк. Я тоже.

Я фыркнул.

– Прошу... Если тебе нужна передышка... Только не пропадай надолго. Возвращайся.

– Может, и вернусь. Моим коньком станут свадьбы. Эффектно появлюсь на свадьбе у Сэма, потом у Рейчел. Хотя первыми наверняка будут Ким с Джаредом. Надо костюм прикупить, а то неприлично...

– Джейк, посмотри на меня.

Я медленно обернулся.

– Что?

Билли долго глядел мне в глаза.

– Куда ты пойдешь?

– Еще не решил.

Он склонил голову набок и прищурился.

– Правда?

Мы не сводили друг с друга глаз. Шли секунды.

– Джейкоб, – натужно выговорил Билли, – Джейкоб, не надо. Оно того не стоит.

– Не понимаю, о чем ты.

– Оставь Беллу и Калленов в покое. Сэм прав.

Я смотрел на него ровно секунду. Потом в два прыжка одолел комнату, отсоединил телефонный шнур от розетки и аппарата и с ним метнулся к двери.

– Пока, пап.

– Стой, Джейкоб! – окликнул он, но я уже был на улице.

Мотоцикл ехал не так быстро, как я мог бы бежать, зато я не привлекал к себе лишнего внимания. Интересно, сколько времени потребуется Билли, чтобы добраться до магазина и позвонить кому-нибудь, кто передаст весть Сэму. Сэм еще наверняка не перевоплотился. С другой стороны, в любую минуту домой может вернуться Пол. Он вмиг перевоплотится обратно и доложит Сэму, что произошло...

Ну и плевать. Поеду на предельной скорости, а если меня догонят, тогда и придумаю что-нибудь.

Я завел мотоцикл и в следующий миг уже мчался по грунтовой дороге. На свой дом я даже не оглянулся.

Движение на шоссе было оживленное. Я лавировал между машинами, заслужив несколько злобных гудков и непри-

личных жестов в спину. Потом на скорости семьдесят миль в час повернул на Сто первое шоссе. Какое-то время ехал медленно, чтобы не угодить под мини-фургон. Конечно, я бы не умер, но заминка мне была ни к чему: сломанные кости – большие по крайней мере – заживают несколько дней. Я испытал это на собственной шкуре.

Когда машин стало меньше, я выжал восемьдесят и ни разу не притормозил, пока не добрался до узкой подъездной дороги. Сюда Сэм не прибежит, слишком поздно.

Только тогда – убедившись, что за мной нет погони, – я начал обдумывать план действий. Сбавил скорость до двадцати и лавировал между деревьями куда осторожнее, чем требовалось.

Конечно, вампиры сразу меня услышат – не важно, на мотоцикле я или нет. Врасплох их не застанешь. Эдвард поймет, что у меня на уме, как только я приближусь к дому. Или он уже понял? Впрочем, его раздутое эго сыграет мне на руку: он наверняка захочет драться один на один.

Стало быть, я войду, получу столь необходимые Сэму доказательства и вызову Эдварда на дуэль.

Я фыркнул: паразит еще словит кайф!

Убив его, я прикончу как можно больше пиявок. Ха! Интересно, моя смерть обеспечит повод для битвы? Или Сэм скажет, что я это заслужил, и не захочет обижать своих закадычных друзей?

Подъездная дорога вывела меня на открытую лужайку, и

в нос ударил мощный смрад. Фу, вонючие вампиры! Раньше, когда эта вонь смешивалась с человеческими запахами, выносить ее было легче. С другой стороны, волчий нос ее бы вовсе не стерпел.

Никаких признаков жизни вокруг белого склепа я не увидел. Разумеется, вампиры меня уже почуяли.

Я вырубил двигатель и прислушался. За широкими двойными дверями раздавались сердитые голоса. Стало быть, кто-то дома. Я услышал свое имя и улыбнулся: приятно быть причиной их недовольства!

Сделав глубокий вдох – внутри вонь будет нестерпимой, – я вскочил на крыльцо.

Дверь отворилась, не успел я до нее дотронуться, и в проеме возник Карлайл. Вид у него был мрачный.

– Привет, Джейкоб, – сказал он спокойнее, чем я ожидал. – Как дела?

Я втянул воздух ртом, чтобы не чувствовать омерзительного смрада, шедшего изнутри.

Жаль, что меня встретил Карлайл. Лучше бы на крыльцо, оскалив клыки, вышел разъяренный Эдвард. А Карлайл... ну, слишком похож на человека. Может, мое отношение к нему изменилось еще и потому, что прошлой весной он отлично меня подлатал. Словом, мне было неловко смотреть ему в лицо, зная, что скоро я попытаюсь его убить.

– Слышал, Белла вернулась живой, – сказал я.

– Э-э, Джейкоб, сейчас не время... – Он тоже растерялся,

но не так, как я ожидал. – Может, заглянешь потом?

Я опешил и молча уставился на него. Он что, просит отложить смертельную битву до лучших времен?

И тут я услышал голос Беллы, надтреснутый и грубый. Больше я ни о чем не мог думать.

– А почему нет? – спросила она кого-то. – Мы что, и от Джейкоба будем скрываться? Какой смысл?

К такому я был не готов. Попытался вспомнить голоса новорожденных вампиров, которых мы нашли весной, но те только рычали. Может, у них тоже были не такие звонкие и пронзительные голоса, как у взрослых? Может, все новорожденные хрипят?

– Заходи, Джейкоб! – уже громче каркнула Белла.

Карлайл прищурился.

Интересно, Белла хочет пить? Я тоже сощурил глаза.

– Извините, – сказал я врачу, обходя его. Это было нелегко: инстинкты не позволяли мне повернуться спиной к кровопийце. Впрочем, с инстинктами я справился. Если и существует на свете безобидный вампир, то это на удивление учтивый вожак Калленов.

Надо держаться от него подальше, когда начнется битва. Жертв и так будет предостаточно, зачем убивать Карлайла?

Прижимаясь спиной к стене, я вошел в дом. Окинул взглядом комнату – обстановка была незнакомая. Когда я приходил сюда последний раз, гостиную украсили к свадьбе, а теперь все было холодное и бледное. Включая шестерых

вампиров, столпившихся у белого дивана.

Они собрались все вместе, но не из-за этого я замер на пороге с открытым ртом.

Дело было в Эдварде.

Я не раз видел его гнев и однажды видел его муки. Однако теперь... нет, то была не просто боль. В глазах Эдварда читалось безумие. На меня он даже не взглянул, и лицо у него было такое, словно он горел живьем; руки деревянными клешнями застыли по бокам.

Я даже не смог насладиться его страданием. Меня терзала единственная мысль: отчего он так мучается? Я проследил за его взглядом и... как только увидел ее, тут же учуял запах.

Теплый чистый человеческий запах.

Беллу, свернувшуюся клубочком, наполовину скрывал подлокотник дивана. Она сидела, обхватив колени, и на какой-то миг я увидел перед собой прежнюю Беллу, ту, которую любил: мягкая персиковая кожа, глаза шоколадного цвета. Мое сердце забилось в странном неровном ритме, и я подумал, уж не снится ли мне все это.

А потом увидел ее по-настоящему.

Под глазами – темные круги, выделяющиеся на изможденном лице. Она что, похудела? Кожа туго натянута на скулах, еще чуть-чуть – и порвется. Темные волосы убраны в растрепанный узел на затылке, но несколько прядей налипло на взмокший лоб и шею. Пальцы и запястья такие хрупкие, что смотреть страшно.

Она действительно больна. Серьезно больна.

Эдвард не солгал. Чарли рассказал Билли правду.

Пока я смотрел на Беллу во все глаза, она позеленела.

Белобрысая кровопийца – та, что вечно выпендривалась, Розали – склонилась над Беллой, как бы загоразживая ее от меня.

Это она напрасно. Я почти всегда знал, что думает и чувствует Белла, – ее мысли были так очевидны; порой казалось, они написаны у нее на лбу. Белле не нужно было подробно расписывать ситуацию, чтобы я все понял. Она недолюбливала Розали. Рассказывая о ней, она особым образом кривила губы. Белла ее боялась. По крайней мере раньше.

Теперь в ее глазах страха не было. Она словно чувствовала себя... виноватой.

Розали быстро подставила тазик, в который Беллу тут же с шумом вырвало.

Эдвард упал на колени – взгляд по-прежнему страдальческий, – и Розали жестом велела ему не подходить слишком близко.

Ерунда какая-то.

С трудом подняв голову, Белла смущенно улыбнулась.

– Извини, – шепнула она мне.

Эдвард едва слышно застонал и прислонился головой к ее коленям. Она положила ладонь на его щеку. Как будто утешала.

Я сам не заметил, что ноги несут меня к Белле, пока Ро-

зали не зашипела, встав у меня на пути. Я ее почти не видел – как будто она в телевизоре, ненастоящая какая-то.

– Роуз, не надо, – прошептала Белла. – Все хорошо.

Белобрысая неохотно ушла с дороги и присела на пол в изголовье дивана, готовясь к прыжку. Не обращать на нее внимания оказалось совсем просто, я даже не ожидал.

– Белла, что случилось? – шепнул я, невольно упав на колени по другую сторону дивана, напротив ее... мужа. Он словно не замечал меня, я тоже на него не смотрел. Я взял вторую Беллину ладонь в обе руки – кожа была ледяная. – Все хорошо?

Идиотский вопрос, конечно. Она не ответила.

– Я так рада, что ты пришел меня навестить, Джейкоб...

Пусть Эдвард не умел читать ее мысли, он уловил в этих словах какое-то скрытое от меня значение. И вновь застонал в одеяло, которым укрыли Беллу, а она погладила его по щеке.

– Что такое, Белла? – вновь спросил я, крепко стиснув ее холодные хрупкие пальцы.

Вместо ответа она окинула комнату взглядом, в котором была мольба и предупреждение. Шесть пар беспокойных желтых глаз сосредоточились на ней. Наконец Белла обратилась к Розали:

– Поможешь?

Та поджала губы и смерила меня таким злобным взглядом, словно хотела разорвать мне глотку. Не сомневаюсь, так

оно и было.

– Прошу тебя, Роуз.

Белобрысая скорчила недовольную мину, но потом все же наклонилась к Белле рядом с Эдвардом, который даже не пошевелился. Она осторожно просунула руки под плечи Беллы.

– Нет, – прошептал я, – не вставай...

Она выглядела такой слабой.

– Я отвечаю на твой вопрос, – отрезала Белла. Наконец-то в ее голосе прозвучали знакомые нотки.

Розали подняла Беллу с дивана, а Эдвард остался на месте и уронил голову на подушки. Одеяло упало к ногам Беллы.

Ее тело отекло, живот неестественно раздулся: его плотно обтягивала огромная серая футболка. Ноги и руки, наоборот, похудели, словно огромный пузырь образовался из того, что высосал из Беллы. Я не сразу понял, что это такое, – пока Белла не обхватила свой раздувшийся живот, ласково положив одну руку сверху, а одну снизу. Как будто укачивала ребенка.

Тогда до меня дошло, что случилось, хотя поверить в это я не мог. Мы же виделись месяц назад! Белла еще не была беременна, по крайней мере не настолько!

По всей видимости, была.

Я не хотел на это смотреть, не хотел об этом думать. Не хотел представлять его в ней. Сама мысль о том, что мерзкая тварь пустила корни в теле моей любимой, была отвраща-

тительна. Я сглотнул, едва подавив тошноту.

Все оказалось еще хуже, намного хуже. Меня потрясла страшная догадка: Белла так быстро раздулась и выглядела такой изможденной, потому что ребенок питался ее жизненными силами.

То было чудовище. Как и его отец.

Я всегда знал, что он убьет Беллу.

Эдвард вскинул голову, уловив мою последнюю мысль. В следующее мгновение он вскочил на ноги и замер надо мной: глаза черные как уголь, под ними бордовые круги.

– Выйдем, Джейкоб!

Я тоже вскочил и теперь сам смотрел на Эдварда сверху вниз. Как раз за этим я и пришел.

– Выйдем, – кивнул я.

К Эдварду тут же подбежал здоровяк Эмметт, а следом и Джаспер – вид у него был голодный. Плевать! Может, моя стая тут все подчистит, когда меня убьют. А может, и нет. Какая разница?

Мои глаза остановились на тех, кто стоял сзади. Эсми. Элис. Невысокие и обманчиво хрупкие. Впрочем, остальные прикончат меня куда раньше, чем я доберусь до женщин. Не хочется их трогать... пусть они и вампиры.

Впрочем, для блондинки я бы сделал исключение.

– Нет! – выдохнула Белла и дернулась вперед, чуть не упав, чтобы схватить Эдварда за руку. Розали подалась за ней, как будто их связывала незримая нить.

– Мы только поговорим, – тихо сказал Эдвард Белле и коснулся ее лица. У меня перед глазами заплесало пламя, горючую будто залило красным светом. После всего, что он натворил, ему еще позволено так к ней прикасаться?! – Не трать силы, прошу тебя. Отдыхай. Через несколько минут мы оба вернемся.

Она внимательно всмотрелась в его лицо, кивнула и опустилась на диван. Розали помогла ей улечься. Белла испытующе заглянула в мои глаза.

– Веди себя хорошо, – промолвила она. – И возвращайся. Я не ответил: сегодня с меня никаких обещаний. Я отвернулся и вслед за Эдвардом вышел на улицу.

Мой внутренний голос случайно подметил, что отделить его от остальных оказалось очень просто.

Эдвард как ни в чем не бывало шагал, подставив мне спину. Ну да, ему не нужно оглядываться, чтобы разгадать мои намерения. Если я захочу застать его врасплох, соображать надо очень быстро.

– Я пока не готов умирать, Джейкоб Блэк, – прошептал Эдвард, когда мы быстро шли прочь от дома. – Обождешь немного. Имей терпение.

Ха! Можно подумать, мне есть дело до его планов! Я глухо зарычал:

– Терпение не мой конек.

Он двинулся дальше. Мы прошли метров двести по подъездной дороге, все это время я шел за Эдвардом по пятам.

Меня била дрожь, я сгорал от ярости и ждал подходящего момента.

Эдвард резко встал и повернулся ко мне лицом. Его взгляд вновь меня обескуражил.

На мгновение я превратился в обычного ребенка – ребенка, который провел всю жизнь в захолустном городишке. Мне придется прожить еще очень много лет и испытать много боли, чтобы хоть отчасти понять муки Эдварда.

Он поднял руку, словно хотел вытереть пот со лба, но его пальцы вцепились в кожу так, словно пытались ее содрать. Черные глаза горели в глазницах, слепо глядя в пустоту. Или они видели то, чего не было? Рот Эдварда открылся в беззвучном крике.

Это было лицо человека, горевшего живьем.

На минуту я лишился дара речи, осознав, что все по-настоящему. Там, в гостиной, в глазах Беллы и Эдварда я видел только намек на это, но теперь сомнений не осталось. Последний гвоздь в крышку ее гроба забит.

– Ребенок ее убивает, да? Она умрет. – Произнося эти слова, я понимал, что горе на моем лице – лишь жалкое подобие горя Эдварда. И оно другое. Я все еще был потрясен и попросту не успел сообразить, что происходит, а Эдварду хватило времени дойти до такого состояния. Мое горе было другим еще и потому, что я множество раз терял Беллу в своих мыслях. Другим, потому что она никогда мне не принадлежала, а значит, я и потерять ее не мог.

И потому что в этом не было моей вины.

– Виноват я, – прошептал Эдвард, и у него подкосились колени. Он опустился на землю прямо передо мной – уязвимый, беспомощный. Идеальная жертва.

Увы, огонь во мне погас. Я был холоден как лед.

– Да! – простонал он в грязь, будто признавался земле в своем преступлении. – Да, ребенок ее убивает!

Беспомощность Эдварда меня раздражала. Я хотел битвы, а не казни. Ну и где теперь его вечное самодовольство?

– Почему Карлайл ничего не делает? – прорычал я. – Он же врач. Пусть вытащит из нее эту тварь!

Эдвард поднял глаза и ответил усталым голосом, как будто в десятый раз объяснял очевидное:

– Она не разрешает!

Я не сразу переварил услышанное. Господи, ну конечно, Белла в своем репертуаре – готова умереть ради вампирова отродья. Это так на нее похоже.

– Ты хорошо ее знаешь, – прошептал Эдвард. – Как быстро ты все понял... А я понял слишком поздно. По дороге домой она со мной не разговаривала. Я думал, она злится на меня за то, что я подверг ее жизнь опасности. В который раз. Я даже вообразить не мог, на что она решается! И только потом, когда мои родные встретили нас в аэропорту и Белла кинулась обнимать Розали – Розали! – я услышал, что та думает. А ты все сразу понял... – Он застонал.

– Погоди-ка. Она тебе не разрешает. – От сарказма у ме-

ня стало кисло во рту. – А ты никогда не замечал, что силенок у нее – как у обычной девушки весом в пятьдесят килограммов? Или вы, пиявки, совсем отупели? Поймайте ее да усыпите!

– Я хотел, – прошептал Эдвард. – Карлайл бы...

Что, благородство помешало?

– Нет, не благородство, – ответил он на мой мысленный вопрос. – Личная охрана.

Ах, вот как. Если прежде я не видел особой логики в его рассказах, то теперь все сложилось в четкую картину. Понятно, что задумала белобрысая. Но почему? Неужели королева красоты желает Белле такой страшной смерти?

– Может быть, – ответил Эдвард. – У Розали свое мнение на этот счет.

– Так уберите сперва белобрысую. Вы же воскресаετε, так? Порубите ее на кусочки, а сами тем временем займитесь Беллой.

– Эмметт и Эсми на стороне Розали. Эмметт никогда не позволит... а Карлайл не пойдет против Эсми... – Голос подвел Эдварда, и он умолк.

– Ты должен был оставить Беллу со мной.

– Да.

Ну, теперь-то в любом случае поздно. Ему стоило подумать об этом до того, как обрюхатить Беллу кровопийцей.

Эдвард посмотрел на меня из своего личного ада, и я увидел, что он полностью со мной согласен.

– Мы не знали, – едва слышно произнес он. – Я даже представить такого не мог. Других таких пар, как мы с Беллой, не существует. Откуда нам было знать, что простая женщина может забеременеть...

– Ведь ее полагается сожрать в процессе?

– Да, – громким шепотом ответил Эдвард. – Такие садисты существуют – инкубы, суккубы. Они есть. Но для них обольщение – лишь прелюдия к пиру. После такого еще никто не выживал. – Он затряс головой, словно гнал от себя отвратительные мысли.

– А я и не знал, что для таких, как ты, есть специальное слово, – выплюнул я.

У Эдварда было лицо тысячелетнего старика.

– Даже ты, Джейкоб Блэк, не можешь ненавидеть меня так, как я сам себя ненавижу.

«Ошибаешься», – подумал я, от ярости не в силах вымолвить ни слова.

– Моя смерть ее не спасет.

– А что спасет?

– Джейкоб, окажи мне услугу.

– Размечтался, паразит!

Он продолжал сверлить меня безумным взглядом.

– Ради нее.

Я крепко стиснул зубы.

– Я сделал все, что мог, пытаюсь уберечь ее от тебя. Теперь уже поздно.

– Ты хорошо ее знаешь, Джейкоб. У вас с ней прочная связь, которую я никогда не понимал. Ты – часть ее, а она – часть тебя. Меня она не слушает: думает, я ее недооцениваю. Белла уверена, что ей хватит сил... – Эдвард задохнулся и сглотнул. – А тебя она выслушает.

– С какой стати?

Он с трудом поднялся на ноги. Глаза у него горели еще ярче, чем прежде, еще безумнее. Неужто он в самом деле спятил? Разве вампиры сходят с ума?

– Может быть, – ответил Эдвард. – Я не знаю. – Он покачал головой. – При Белле мне приходится держать себя в руках, ей нельзя нервничать. Ее и так постоянно рвет. Я должен быть спокойным и собранным... Впрочем, сейчас это не важно. Она тебя выслушает!

– Ничего нового я Белле не скажу. Да и что говорить? Что она дура? Она и сама в курсе. Что ребенок ее убьет? Это ей тоже хорошо известно.

– Предложи Белле то, что она хочет.

Я ничего не понял. Так дает о себе знать безумие?

– Ее жизнь превыше всего, на остальное мне плевать, – неожиданно спокойным голосом заговорил Эдвард. – Если Белла хочет ребенка, пусть у нее будет ребенок. Да хоть десять! Только бы она жила. – Он на секунду умолк. – Пусть родит щенят, раз ей так хочется.

Эдвард на мгновение посмотрел мне в глаза, и под тонкой коркой самообладания его лицо исказила мучительная гри-

маса. Мой оскал исчез без следа, когда я понял, что он имеет в виду. Я изумленно раскрыл рот.

– Только не эту тварь! – прошипел он. – Не чудовище, которое высасывает из нее жизнь, пока я беспомощно сижу рядом! Я могу лишь смотреть, как она исчезает, гибнет. Как оно причиняет ей боль. – Эдвард со свистом втянул воздух, словно его ударили в живот. – Ты должен ее образумить, Джейкоб. Меня она больше не слушает. Розали все время рядом, подбадривает ее, защищает... Нет, защищает это. На Беллу ей плевать.

Я захрипел, как от удушья.

Что он несет?! Пусть Белла... что? Родит ребенка? От меня? Как?! Он от нее отказывается? Или он решил, что Белла будет не прочь стать одной женой на двоих?

– Мне все равно. Главное, чтобы она выжила.

– Такого бреда я от тебя еще не слышал, – пробормотал я.

– Она тебя любит.

– Не настолько.

– Белла готова умереть ради ребенка. Может, она согласится на менее радикальные меры...

– Ты ее совсем не знаешь.

– Нет-нет, я понимаю, уговорить ее будет нелегко... Для этого мне и нужен ты. Образумь ее. Ты ведь знаешь ход ее мыслей.

Я даже подумать не мог о его предложении. Это уж слишком. Невозможно. Неправильно. Извращение какое-то!

Забирать Беллу на выходные, а потом возвращать, как фильм в видеопрокат?

Нет, это ненормально.

И так заманчиво.

Я не хотел об этом думать, не хотел представлять, но образы сами лезли в голову. Я так часто мечтал о Белле – давно, когда у нас еще могло что-то получиться, и даже потом, когда эти фантазии оставляли в душе лишь гноящиеся раны, потому что Белла никогда бы не стала моей. Я ничего не мог поделать с собой тогда, не смог и теперь. Белла в моих объятиях, Белла шепчет мое имя...

Хуже того, теперь я увидел новый образ: то, на что не мог рассчитывать даже в самых смелых мечтах. До сих пор. Образ, который не терзал бы меня еще много лет, если бы Эдвард не запихнул его мне в голову. А теперь он засел там и обвивал мой мозг ядовитыми и живучими плетями. Белла, сияющая здоровьем, совсем не такая, как сейчас, но чем-то похожая: ее тело красиво округлилось, потому что она носит моего ребенка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.